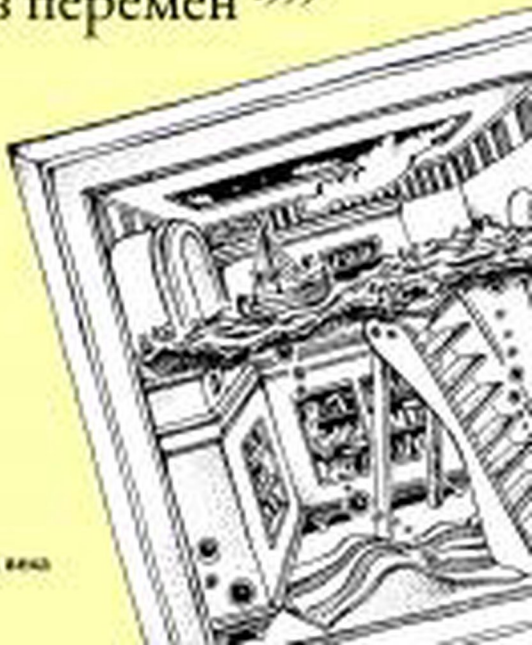
Магнус

Миллз

В Восточном экспрессе без перемен 1999



ДОДО Пресс
скрытое золото XX века

В Восточном экспрессе без перемен

Магнус Миллз

Аннотация
Миллз Магнус. В Восточном экспрессе без перемен
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
Притча о безответной любви к родине. Несколько слов о том, что вы только что прочли
Благодарности издателей перевода на русский язык

Аннотация

Магнус Миллз (р. 1954) — современный культовый британский автор из Манчестера, имеет полтора высших образования, 7 лет строил заборы, потом 12 лет водил автобус, писал колонку в «Индепендент», а потом стал романистом. Его первый роман «Загон скота» (1998) вошел в свое время в короткий список «Букера», а получил Миллз премию Уитбреда (ныне «Коста») за первые романы, а также премию Маккиттерика, присуждаемую Обществом британских писателей. По-русски издавался и его роман «Схема полной занятости» (2003). Миллза можно считать последним живым «черным юмористом» в мире. «В Восточном экспрессе без перемен» (1999) — его второй роман, жутковатый и смешной трагифарс о туристе в Озерном краю, который по доброте душевной (и от нечего делать) соглашается помочь владельцу кемпинга по хозяйству — и постепенно начинает понимать, что он из этой деревенской глуши уже никогда никуда не уедет. Далее разверзается некоторый ад… Мастерство автора, как неод-

нократно было замечено, — в минимализме, сухих беккетовских диалогах и постепенном нагнетании абсурда.

Миллз Магнус.
В Восточном экспрессе без перемен

Моей любящей матери

Magnus Mills
All Quiet on the Orient Express

1

— Думал, лучше поймать вас, пока не уехали, — сказал он. — Вы же сегодня уезжаете, нет?

— Не планировал, — ответил я.

— Многие предпочитают уезжать утром в понедельник.

— Ну, я вообще-то хотел еще на недельку задержаться. Погода, кажется, вполне приятная.

— Так, значит, остаетесь?

— Если вы не против.

— Нет, конечно, — сказал он. — Живите на здоровье, сколько хотите.

Мне было интересно, когда он явится взять плату. Несколько раз за последние дни он обходил всех остальных, а меня почему-то не трогал. Теперь же, на шестое утро, наконец подошел. Я вылез из палатки босиком, и беседа наша продолжилась.

— Милое у вас тут местечко.

— Да, — сказал он. — Нам очень нравится. Я-то, конечно, тут всю жизнь прожил, поэтому ничего другого и не знаю.

— Наверное, нет.

— Но все приезжие говорят, что им нравится.

— Неудивительно.

Он разжал кулак, и тут я заметил, что держит он деревянный колышек от палатки.

— Это ваше? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — У меня все металлические.

— А нужен? Можете про запас себе взять.

— Он больше ничей?

— А никого больше не осталось, — сказал он. — Все уехали.

Я оглядел поле.

— А, ну да, верно. Жалко, что ж они так?

— Дождиком чуть брызнет, и они уже наутек. А потом солнышко опять выглянет, и все жалеют.

— Так оно всегда, правда?

— Почти всегда. Так он вам нужен?

— Ладно, — сказал я, беря у него колышек. — Спасибо.

— Вы б заплатить за проживание не хотели?

— Ах да. Сколько я вам должен?

Он натянул на себя деловую улыбку.

— По фунту за ночь.

— Значит, пока шесть фунтов.

— Если вы тут провели шесть ночей, то да.

— Точно. — Я вынул из заднего кармана пяти-

фунтовую купюру и отдал ему, а затем принялся искать мелочь.

— Вообще дороговато, нет? — заметил он. — За вас одного, только с палаткой и мотоциклом.

— Да вроде нет, — ответил я.

— Мне вам нужно скидку дать какую-то, если еще на неделю останетесь.

— Фунт за ночь нормально, — сказал я, вручая ему остаток.

— Тогда ладно, — сказал он. — Шикарно.

Раз сделка теперь завершилась, я рассчитывал, что он под каким-нибудь предлогом уйдет, но он, взяв деньги, встал поудобнее и посмотрел на небо.

— В отпуску, нет? — спросил он.

— Не совсем, — сказал я. — Ну, вроде как.

Он снова улыбнулся.

— Так в чем?

— Ну я пока что между тем и этим. Все лето работал — денег накопить, чтоб зимой поехать на Восток.

— В смысле, на восточное побережье?

— А, нет, — сказал я. — Извините. На заграничный Восток. Ну, знаете, в Турцию, Персию, а оттуда по суше в Индию.

— Понятно, — сказал он, кивая на мой мото-

цикл. — На нем поедете, нет?

— Вероятно, нет, вообще-то, — ответил я. — Там почти везде поезда ходят.

— Вот оно что? Ну тогда это удобно, нет?

— Да, наверное.

Он посмотрел на мою палатку.

— Так что, значит, привело вас в наши края?

— Ну, — сказал я, — мне всегда озера посмотреть хотелось, вот я и решил сперва пару недель тут провести.

— И вам пока нравится?

— То, что я видел, — ага.

— Это хорошо. Сегодня гулять?

— Пока вообще-то не знаю, что сегодня буду делать.

— Мы заметили, вы почти каждый день гуляете.

— Вот как?

— Да, из нашего окна почти все всегда видно.

Это меня слегка удивило. Когда я только приехал, тут жило довольно много людей, и я более-менее предполагал, что остаюсь незамеченным. В конце концов, я — это всего одна палатка и мотоцикл. Некоторые семейства, жившие здесь на неделе, разбивали огромные лагеря, занимавшие обширные участки поля, а во все стороны бегали

бессчетные дети. По сравнению с этими семьями я вообще нисколько места не занимал. Тем не менее я не сразу отыскал себе какую-то разумную площадку, где меня не будут осаждать со всех сторон. Накануне вечером вслед за кратким дождиком случился массовый исход, но лишь сегодня утром я осознал, что остался единственным гостем. Вокруг лишь расстилалась трава, размеченная пожелтелыми квадратами. Отсутствие других клиентов, вероятно, и объясняло внезапный интерес хозяина ко мне, однако выяснилось, что о моем присутствии он был осведомлен с самого начала.

Его замечание об окне вынудило нас обоих перевести взгляды на дом, гнездившийся выше по склону. За ним я различал очертания очень крупного амбара, а также другие надворные постройки, а еще дальше громоздились верхние склоны пустошей. Всю окрестность омывал солнечный свет, но после вчерашнего дождика *я* знал, что так тут не всегда.

Пока мы стояли и любовались видом, мне в голову пришла мысль.

— Мне бы вот чего очень хотелось — нанять какую-нибудь гребную шлюпку на озере.

— Вот оно что? — сказал он.

Ага, но всякий раз, когда я туда спускаюсь, прокат лодок там, похоже, закрыт.

— Сейчас уже не сезон, поздновато.

— Видимо.

— Все равно, не сомневаюсь, вы найдете, чем еще заняться.

И с тем он улыбнулся мне и кивнул, а затем двинулся к дому.

— Приятно было поговорить, — сказал я ему в спину, и он, услышав меня, поднял руку.

Я проводил его взглядом, после чего нырнул в сумку за банкой тушеной фасоли и взялся готовить себе завтрак. Дело это нехитрое, потому что у меня имелись только плитка, сковородка и вот эта фасоль. Я ее разогрел и съел «по-ковбойски», без тарелки. Затем сходил к крану, вымыл сковородку и принес немного воды себе на чай.

Пока ждал, когда закипит, я сидел в траве и раздумывал, чем же мне сегодня заняться. С этим местом была одна закавыка: пейзаж здоровский и все такое, но делать совершенно нечего, только «вбирать» его, а мне, по правде сказать, уже хватило. Несколько раз объехал всю округу на мотоцикле, и по берегам озер, и через горные перевалы, но удовольствие от такого занятия не бесконечно, особенно если, куда б я ни от-

правился, везде бампер к бамперу — сплошной поток машин. Надо полагать, сейчас большинство туристов разъехалось по домам и на дорогах станет поспокойнее, но мысль тратить еще один день на мотоциклетную езду меня вообще-то не прельщала. Другой вариант, конечно, — сходить на прогулку. Во все стороны по пустошам бежали многие мили тропинок, большинство протоптаны овцами, но кое-какие, очевидно, восходили еще к римлянам. Я где-то читал, что по пустошам можно бродить целый год и ни разу не выйти на одну и ту же тропинку. Впечатляет, конечно, однако недостаток подобных долгих прогулок в том, что я, вероятно, весь день никого и не встречу. Стало быть, и такой вариант не очень привлекателен.

Между тем я сознавал, что мои запасы тушеной фасоли на исходе, поэтому решил совершить короткую прогулку по берегу озера и пополнить их. Где-то в миле отсюда, в северном конце была деревенька под названием Миллфорд, а в ней — лавка, два паба, телефонная будка и погост. Один паб — «Вьючная лошадь» — мне приглянулся, и каждый вечер я проводил в нем, смотрел, как входят и выходят люди. Но у меня не было намерения выпивать там за обедом — не хотелось,

чтобы весь оставшийся день расплылся алкогольной кляксой. Пополню припасы — и надо будет придумать, чем еще заняться во второй половине дня.

На это я решился и просто заваривал себе чай, когда взгляд мой привлекло какое-то движение. По узкой бетонной дорожке от дома спускалась девочка-подросток в школьной форме. Я посмотрел на часы. Половина девятого. Девочку я последнюю неделю видел каждый день, она шла через поле, загроможденное палатками, к главным воротам. Там она останавливалась и ждала, а школьный ранец болтался у ее ног. Раньше она не обращала на меня внимания, проходя мимо, всегда смотрела прямо перед собой, но сегодня утром глянула в мою сторону, поэтому я ей дружелюбно помахал. Она помахала в ответ и двинулась дальше к воротам. Чай у меня уже заварился, я налил его в жестяную кружку и добавил молока. Совсем немного погодя, когда я еще раз посмотрел на ворота, школьницы там уже не было. За оградой я заметил крышу синего микроавтобуса, уезжавшего прочь по дороге.

К наружной стене душевого блока была приделана скромная вывеска. «КЕМПИНГ ДОМ НА ХОЛМЕ, — гласила она. — ВЛАДЕЛЕЦ: Т. ПАРКЕР».

Приняв душ, я застегнул палатку на молнию и отправился на прогулку вдоль озера — вышел из главных ворот, затем через дорогу общего пользования к другим воротам, ведущим на другое поле. До вчерашнего дня эти ворота стояли распахнутыми настежь и придерживались в таком положении цепью, тем самым давая проход к озеру. Еще вчера поздно вечером, когда я возвращался из паба, они были открыты. Теперь, однако, той же цепью ворота были замкнуты, а это, похоже, давало понять, что отпускной сезон точно закончился. Я перелез и прошел по грунтовке через поле, между нескольких замшелых деревьев, наконец добрался до озера, где на якоре стояло несколько гребных шлюпок. Общим числом семь, привязаны одна за другой ярдах в шестидесяти от берега. Как обычно, зеленая хижина лодочного проката была «закрыта до особого уведомления», но я подошел и постоял какое-то время на краю маленьких мостков — вдруг кто-нибудь да объявится.

Никто не объявился, поэтому, поглазев несколько минут на воду, я продолжил свое странствие по берегу. Наконец добрел до северного конца озера, прошел в узкую калитку, миновал пустую парковку и выбрался на что-то вроде площади,

где располагались лавка и два паба.

Лавочник стоял в дверях и, судя по виду, загорал. Над витриной у него значилось одно крупное слово: «ХОДЖ».

— Утро, — сказал он, когда я подошел. — Без мотоцикла сегодня?

— Э… без, — ответил я. — Решил прогуляться.

— Вы же тот парень, что у Томми Паркера остановился, верно?

— Да, так и есть.

— Значит, пока не уезжаете?

— Нет, подумал немного тут задержаться.

— О, ясно.

Я подошел еще ближе, и он вроде бы собрался отступить в глубину лавки, но потом замер, по-прежнему загораживая мне вход. В результате я оказался довольно близко от него.

Прошел миг, и он взглянул на небо.

Неплохой сегодня денек, верно?

— Да, очень мило, — согласился я, поглядев на то же самое небо.

Похоже, его такой ответ удовлетворил, и он шагнул вбок. Затем вошел в лавку вслед за мной и скользнул за прилавок.

— Так, значит. Чем могу служить?

— Мне немного надо, — сказал я. — Во-первых,

шесть банок тушеной фасоли.

— Ах да, — сказал он. — Вам же фасоль нравится, верно?

— Ну, с ней не надо беспокоиться о еде и прочем.

— Лучше ничего не изобрели, фасоли этой, — провозгласил он. — Стало быть, так, шесть банок — готово.

— Яйца у вас эти свежие же, да? — спросил я, показывая на картонку.

— Да, вполне свежие.

— Ладно, и еще полдюжины яиц, пожалуйста.

Еще я купил пакет молока, после чего заплатил ему.

Отдавая мне сдачу, он сказал:

— Мотоцикл этот у вас. Не думаете его продать?

— Вообще-то нет, — ответил я.

— Я заметил, одна из первых моделей.

— Да, — сказал я. — Еще раздельной конструкции.

— Но не продается?

— Нет.

— Ну, если б да, Томми вам бы его мог продать. На аукционах собаку съел.

— Вот как?

— О да. Вечно что-нибудь покупает и продает.

— Ага, что ж, — сказал я. — Буду иметь в виду, если вдруг решу продать.

Он странно глянул на меня, когда я это произнес, но меня это никак не задело — такие расспросы я счел несколько фамильярными. Я же, в конце концов, гощу в этих местах временно, решил вот продуктами запастись. На что он рассчитывал? Что я ему всю свою жизнь выложу?

Я вышел из лавки и направился через площадь. Отчего-то решил вернуться в кемпинг прямо по общей дороге. У меня в голове шевельнулась смутная мысль все-таки проверить мотоцикл, а потом, может, хром надраить. Пока хорошая погода, наверное, стоит. У «Вьючной лошади» разгружался фургон пивовара, забирал и несколько пустых бочонков. Рядом стоял один бармен и, когда я проходил мимо, узнав меня, кивнул.

— Как оно? — бодро осведомился он.

— Нормально, спасибо, — ответил я, не сбавляя шага: интересно, думал я, что за жизнь будет у этих людей, когда сезонный наплыв спал. Несмотря на солнышко и птичий щебет, вокруг не было ни души, кроме меня.

Я только остановился полюбоваться плотностью и толщиной стены церковного погоста,

когда возле меня притормозил пикап с пустым грузовым прицепом. За рулем сидел мистер Паркер.

— Подбросить?

У меня было чувство, что это предложение следует отклонить: в такой приятный денек обязанность моя — все же ходить пешком. Но я все равно к нему сел.

— Спасибо, — сказал я, устраиваясь рядом в кабине. Мы тронулись, а он сказал:

— Ничего, если я спрошу, но вот эта ваша работа, что у вас была…

— Так-так?

— Чем вы занимались?

— Ничем особенным. Я работал на фабрике.

— Да ладно.

— Нет, — сказал я. — По правде. Работал.

— Что, с трубами и прочим?

— Одна труба там была, да.

— А я думал, все фабрики уже давно позакрывались.

— Эта — нет, — сказал я. — У нее вообще-то дела шли хорошо.

— Это на юге, что ли?

— Ну, скорее на юго-западе.

— Но сами вы с юга, нет?

— Э… нет, — сказал я. — С середки, если точнее.

— Потому что большинство тех, кто к нам приезжает, — с северо-востока.

— Да, я заметил.

— Не все, конечно, но главным образом.

— Да.

У меня заняло почти час дойти до лавки от кемпинга — я все-таки побродил немного вокруг проката лодок и прочее, — но в грузовичке обратный путь занял всего несколько минут. Мы очень быстро приехали к главным воротам мистера Паркера, и он остановился. Переключившись на нейтралку, он сидел и барабанил пальцами по рулю.

— Так что же делали на этой вашей фабрике? — спросил он.

— Ну, фабрика, вероятно, — громко сказано, — ответил я. — Там утилизировали бочки для нефтепродуктов. Знаете, отмывали их, вмятины выправляли, заново красили.

— А потом распродавали их, нет?

— Верно.

— И вы говорите, такие дела у них неплохо идут?

— Насколько мне известно, да.

— У меня на верхнем дворе несколько таких бо-

чек валяется. Как считаете, они у меня их купят?

— Вообще-то я не знаю, — сказал я. — А сколько их у вас?

— С дюжину, — ответил он. — Гуртом купил когда-то.

— Ну, я там временно работал, но решил бы, что хотя бы сотня нужна, тогда оно того для них бы стоило. I — А, — сказал он. — Ясно.

Чтобы полный кузов нагрузить, раз им в такую даль ехать.

— Да, надо, наверно. — Он опять постукал по рулю. — Так и что за работа у вас там была?

— Я был в покрасочном цеху.

— Красили?

— Ну, вообще-то брызгал.

— Не кисточкой?

— Нет.

Прошло несколько мгновений.

— Но с кисточкой обращаться умеете, нет? — спросил он.

— Да, недурно, — ответил я. — Хоть и немного приходилось.

— Ну, есть у нас для вас одна задачка, если вам интересно.

— О, — сказал я, немного удивившись. — И что же это?

— Эти ворота нужно покрасить.

Я перевел взгляд на ворота, раскрытые рядом с нами и зацепленные крючками. Из стальных трубок, выкрашенных в красный и подвешенных на крепкие бетонные столбы.

— Они уже покрашены, — заметил я.

— Не тот цвет, — сказал он. — Надо, чтоб зеленые были.

— А, — сказал я. — Ну, я могу их вам покрасить, если хотите.

— И сколько тогда возьмете за такую работу?

— Деньги меня не особо заботят.

— Ну, за так вы ж не захотели б работать, нет?

— Я вам вот что скажу, — ответил я. — Скостите мне остаток платы за жилье, и этого хватит.

— Уверены?

— Да, совершенно. Мне будет чем заняться. Красить мне нравится.

— А, ладно, — сказал мистер Паркер. — Ну тогда, как будете готовы, зайдите в дом, я вам краски выдам и прочего.

— Вот и ладно.

Я вылез из грузовичка и посмотрел, как он едет дальше по бетонке к дому. Как только он скрылся, мне пришло в голову, что я, вероятно, сам себя облапошил. Надо было взять с него пятерку, а

он, скорее всего, остаток за жилье мне бы и так скостил. В конце концов, я ж у него на поле места почти не занимаю. Но все равно теперь из-за этого суетиться было поздно, да и, сказать правду, не очень-то хотелось. Вообще-то вполне приятно чем-нибудь полезным заняться для разнообразия, и потому, сбросив покупки в палатке, я сразу же направился к дому.

Поле для кемпинга было на ровной земле, но сразу за душевым блоком бетонка довольно круто забирала вверх. На каком-то отрезке по бокам она была обсажена редким терновником, а затем выходила на двор с утоптанным гравием. Поднимаясь по склону, я сознавал, что надо мной высится дом, нависая и над двором, и над дорогой, и над полями ниже. Я обогнул нижний угол здания и загреб ботинками гравий.

— Быстро вы — должно быть, вам не терпится, — сказал мистер Паркер.

Я поднял голову и увидел, что он стоит на террасе сбоку дома, на вершине бетонной лестницы.

— А чего тянуть? — ответил я.

— Вот это нам по нраву.

Войдя во двор, *я* сразу увидел: то, что раньше я принимал за амбар, на самом деле лучше всего описать как сарай из гофрированного железа.

Он располагался напротив дома на громадной бетонной платформе, уходящей в склон. Спереди у него были большие складные двери, а на платформу вел бетонный погрузочный пандус. Из бетона также был отлит фундамент древней зеленой бензоколонки, размещенной рядом с платформой.

Я огляделся, и мне стало интересно, сколько бетона вообще залили в этот склон. Казалось, он выходит на поверхность повсюду, словно скальная порода.

Рядом с железным сараем стоял фургон «моррис», который, судя по виду, уже много лет никуда не ездил. Дальше располагались несколько каменных надворных построек, среди них — сеновал, равно как и небольшой флигель для работников, очевидно, никем не занятый. Верхняя часть двора была обнесена стеной из сухой каменной кладки, в ней — калитка на еще один бетонированный участок, через которую я разглядел несколько старых нефтебочек. Это, надо думать, и был, как его раньше назвал мистер Паркер, «верхний двор».

Не то чтоб у меня было много времени подробно все осматривать. Не прошло и нескольких мгновений после моего прихода, как он спустил-

ся ко мне по ступеням.

— Так, — сказал он. — Пойдемте поглядим в сарае с краской.

Он подвел меня к одному флигелю и толкнул дверь. Внутри на нескольких полках стояли десятки банок краски, некоторые девственно непочатые, другие не слишком новые. Он выбрал одну, вручил ее мне, а затем извлек с другой полки дюймовую кисть. При этом дверь он распахнул чуть пошире, и дневной свет обнаружил, что в глубине сарая сложены еще банки краски.

— Ну, стало быть, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Умеете банку с краской снова запечатывать?

— Нет, — сказал я. — Извините, не умею.

— Странно это слышать. Мне показалось, вы говорили, что работали в покрасочном цеху.

— Да, но там у нас были пульверизаторы. Вся краска подавалась по трубкам под давлением.

— А, ладно, — сказал он. — Это несложно. Как закончите красить, просто крышку потуже прижмите, а потом переверните банку на полминуты.

— А, — сказал я. — Ладно.

— И когда ее опять крышкой вверх перевернете, она будет запечатана. Ясно?

— Ну.

Банку, которую я держал в руках, еще никогда не открывали. К тому же я заметил, что этикетки на ней нет.

— Откуда вы знаете, что тут за краска? спросил я.

— Зеленая, — ответил он.

— Да, но откуда вы знаете?.

— Я ее гуртом купил, — сказал он. — Все банки без этикеток — зеленые.

Я обвел взглядом двор: зеленая бензоколонка, зеленые двери большого сарая.

— Приятный цвет, — заметил я.

— Сам я терпеть его не могу, — сказал мистер Паркер. — Но выбора у меня нет.

* * *

Через четверть часа, спустившись к воротам, сковырнув с банки крышку и размешав содержимое, я приступил к работе. Ворота были довольно широки — футов шестнадцать, предположительно, — чтобы приезжие отдыхающие могли вписаться в поворот. В результате красить было много чего. Я решил, что лучше всего подойти к делу методично, поэтому начну с петель, затем покрашу наружную раму, а потом стану продви-

гаться вглубь.

Вскоре после того как я начал, на грузовичке подъехал мистер Паркер, снова с грузовым прицепом. Проезжая, он притормозил и осмотрел текущую работу, но ничего не сказал.

То же самое происходило и всякий раз, когда по общей дороге проезжала машина. Движение там было слабое, но время от времени кто-нибудь все-таки ехал — и все неизменно притормаживали посмотреть, кто это красит главные ворота мистера Паркера. Интересно, подумал я, похож ли я на профессионального маляра? Вероятно, нет. У подлинного ремесленника рядом наверняка бы удобно стоял фургон с открытой задней дверцей, и в нем бы орало радио. Также он был бы в настоящей робе, на мне же — обычные джинсы и футболка. Из инструментов у меня только кисть да банка краски. Явно любитель. Такого просто загнали на работу, потому что ему больше нечего делать. Тем не менее удивительно, сколько интереса, похоже, мое присутствие возбуждало у проезжих. Все лето сюда, наверное, заруливали тысячи гостей, и здешние жители уж точно привыкли к посторонним. Однако из-за того, что чужак красил чьи-то ворота, он тут же привлекал местные взгляды.

Не то чтоб меня все это волновало. Проезжавших машин было наперечет, а их появления разбавляли однообразную работу. Дело занимало вообще-то гораздо больше времени, чем я рассчитывал, и, хотя на свежем воздухе и на солнышке было вполне приятно, я начал понимать, что красить всякие хитрые уголки и испод трубок довольно скучно. Я как раз занимался одной диагональной укосиной, когда услышал вдоль живой изгороди какой-то дребезг. Оглядевшись, я увидел, что мимо катит пикап, груженный ящиками пустых молочных бутылок. Проезжая, он притормозил, а еще миг спустя лязг стих. Клацнула коробка передач, и грузовичок задним ходом сдал к воротам.

Вышел человек в буром холщовом халате.

— О, — сказал он, глядя на ворота. — Томми вас приставил к этому делу, да?

— Ага, — ответил я, не прерываясь.

— Ну, значит, наверно, надо было.

— Да.

— Вам бы лучше сперва снаружи красить, а середина сама покрасится.

— Я так и делаю, — сказал я.

Он склонил голову набок и пригляделся вдоль ворот.

— Да, вы правы, — сказал он. — Так и есть.

Я в то время работал как раз с одной полуоткрытой створкой, чтобы к ней легче было подходить с обеих сторон. Мужчина теперь обогнул эту створку и встал со мною рядом, наблюдая.

— Ну, — сказал он наконец. — С кисточкой вы, похоже, умело обращаетесь.

— Спасибо, — ответил я.

— Я просто чуть поближе придвину. Кстати, Томми дома?

— Нет, — сказал я. — Какое-то время назад уехал.

— А не говорил, когда вернется?

— Нет.

— Мне его просто по одному дельцу очень нужно повидать.

— Вот как?

— Ничего важного, но как-нибудь нам с ним нужно увидеться.

— Ладно, — сказал я. — Передать ему, что вы заезжали?

— Не, не стоит беспокойства, — ответил он. — Подождет.

— Ага.

На миг он умолк, а когда я поднял голову — увидел, что он глазеет на мою палатку в поле. Я уже

какое-то время красил скрючившись, поэтому теперь выпрямился — колени размять.

— Лагерь тут разбили, да? — спросил он.

— Да, на несколько дней.

— Значит, хотите, чтоб я вам молоко возил?

— Да оно же того не стоит, а?

— Я не против в палатки возить.

— Ну, я вообще-то в лавке молоко беру.

— Что, у Ходжа?

— Да, — сказал я. — У него самого.

— Так он же только пакетами торгует. А мое в бутылках, прямо с фермы.

— А, ну да. Э… штука в том, что я тут недолго еще пробуду.

— О, — сказал он. — Ясно.

— Все равно спасибо.

— Да ничего. Если передумаете — дайте мне знать.

— Ну.

— А я теперь, наверно, поеду.

Тогда ладно. Пока.

— Пока.

Он вернулся к своему грузовичку, после чего уехал, помахав мне на прощанье, а я возобновил покраску. Теперь мне оставался всего один небольшой участок, поэтому я развернул ворота

так, чтоб они зацепились в «открытом» положении. И при этом задел банку и начисто сшиб ее, зеленая краска разлилась по бетону. Я выругался и схватил банку, чтобы поставить ее ровно, а затем как мог быстро постарался перенести пролитое на ворота. В то же время я недоумевал, как такое могло произойти. Весь день я был очень аккуратен и тщательно ставил банку как раз так, чтобы именно этого избежать. Теперь же, несмотря на все мои старания, везде разлилась краска. И тут я вспомнил слова молочника — тот сказал: «Я просто чуть поближе придвину». Вообще-то я не обратил внимания на то, что он там делает, а он, должно быть, передвинул банку. Я был уверен, что он не специально поставил туда, где ее можно опрокинуть, но тем не менее вмешиваться ему не стоило. Ворота я докрасил как можно быстрее, а затем обратил все внимание на кляксу на земле. По бетону зеленая плюха растеклась больше чем на ярд, и выглядела она ужасно.

Я не мог оставить все как есть — на главном въезде к мистеру Паркеру. Поэтому, немного подумав, я решил накрасить там квадрат. Куском мелового камня наметил контур, а вместо линейки взял шест от своей палатки, чтоб вышло ровно. Затем принялся тщательно закрашивать.

Когда закончил, ворота на ощупь уже почти высохли. Я постоял, разглядывая новый зеленый квадрат: интересно, я правильно поступил или нет? Но все равно, теперь-то уже что переживать. Отмыв кисть, я пошел и заварил себе чаю. Тут меня поразило, что я не ел уже несколько часов, поэтому я себе еще и сковородку фасоли разогрел. И наконец сел отдохнуть.

Минут через двадцать к парадному въезду подрулил синий микроавтобус, который я видел утром. Мои часы теперь показывали четыре. Я увидел, как из него вышла школьница, помахала кому-то внутри, когда автобус отъехал, и по бетонке двинулась к дому. На сей раз меня она вовсе не заметила. Когда она скрылась, я сходил к воротам посмотреть, не оставила ли она следов на зеленом квадрате.

Не оставила.

* * *

Сгущались сумерки, когда я увидел, как по дороге общего пользования движется пара фар — и сворачивает в ворота. Я едва различал очертания пикапа мистера Паркера — прицеп, казалось, гружен чем-то массивным. Когда на горке зажегся свет, я взял полотенце и пошел к душевому блоку.

Над дверью мужского отделения висела оранжевая лампа, и ее тусклый свет вел меня по темноте. За последние несколько суток я привык ходить между тускло освещенными палатками, в которых велись приглушенные беседы. Но сегодня вечером на всем поле был только я — безмолвно и босиком брел по траве. Я вошел в душевые, и меня тотчас ослепила мощная флуоресцентная лампа, установленная над раковинами. Она сияла на белые плитки и беленые стены, и все это место от такого сияния казалось очень голым и пустым. Когда глаза привыкли к яркости, я выбрал кабинку и повернул кран. Странное дело — он оказался полностью открыт, но вода не текла. Я попробовал кран в соседней кабинке — то же самое. Я уже собрался проверить и третий отсек, как вдруг души отчего-то включились все разом. Вода казалась вполне теплой, поэтому я тут же встал под один душ и принялся намыливаться. Не такая горячая, как в предыдущие разы, но быстро ополоснуться сойдет. Полминуты спустя, однако, вода пошла совсем холодная, поэтому я быстро смыл с себя пену и снова вышел. Стоял и раздумывал, что же произошло, но тут в душевые вошла школьница со шваброй.

2

— Я помешала? — спросила она.

— Нет, все в порядке, — ответил я. — Я только что закончил.

— Ну а еще душ вам вообще понадобится?

— Э… сегодня нет. Спасибо.

— А завтра?

— О да, утром мне бы хотелось.

— Просто мы теперь по ночам воду выключать будем.

— Это зачем еще?

— Вдруг мороз ударит.

— У вас так холодно бывает, да?

— Может похолодать, — сказала она. — А оголенных труб много.

— О, — сказал я. — Ну а что мне тогда с душем делать?

— Мне надо будет показать вам, как его включать и выключать.

Все души по-прежнему шпарили в полную силу, пока мы разговаривали, поэтому нам обоим приходилось немного повышать голос, чтобы расслышать друг друга. Я стоял, обернув вокруг

талии полотенце, а эта юная девушка объясняла мне водопроводную систему.

Начала она с того, что показала в кабинку.

— Вам нужно только оставить все краны полностью включенными. Их вообще трогать не нужно. Потом — пройдите-ка за мной. — ‘Она вывела меня из мужского отделения, по темноте снаружи и в пустое женское отделение. Тут все было устроено точно так же, как у мужчин, только больше зеркал. Все женские души тоже шпарили во всю мочь. — Вот этот большой кран — вентиль главной подачи, — продолжала она. — Поэтому, перед тем как принимать душ, откройте его, а после закроете.

— Открыть до и закрыть после, — повторил я. — Ага.

— А другой красный кран внизу — для слива всей системы. Поэтому сперва закройте его, а потом откроете.

— А не многовато ли воды расходуется? — спросил я.

— Вообще-то нет, — ответила она. — Там, откуда она течет, ее хоть залейся.

— А, тогда ладно, — сказал я.

— Вы, значит, все запомнили?

— Да, спасибо.

— Хорошо.

Она двинулась обратно к мужскому отделению.

— А вы кто? — поинтересовался я.

— Гейл Паркер.

— Так вы, значит, дочка мистера Паркера, да?

— Точно.

— Ну что ж, еще раз спасибо вам за помощь. Пока.

— Пока.

И она удалилась. Я стоял возле мужского отделения, еще несколько мгновений прислушиваясь, она же меж тем принялась шуршать своей шваброй по душевым кабинкам, а я потом вернулся в палатку одеваться. После не оставалось ничего другого — только идти в паб. У меня имелся выбор — пешком или на мотоцикле. Если поеду на мотоцикле, это значит, что пить придется меньше, максимум — три пинты. Или можно пойти пешком и выпить пять. Я подумал про деньги, что сэкономил, покрасив ворота мистеру Паркеру, и решил идти пешком.

Через полчаса я добрался до нижнего бара «Вьючной лошади». Там было два входа. Один — парадная дверь, мимо телефона-автомата и через вестибюль, застеленный ковром. Другой,

который я предпочитал, был боковой дверью из пивного сада. На двери висела табличка: «БРОСАЮТ ДРОТИКИ, — гласила она, — СНАЧАЛА СТУЧИТЕ».

Советом я пренебрег и толкнул дверь.

— Секундочку! — раздался изнутри настоятельный голос.

Я замер и подождал. Последовали три мягких удара. — Порядок, — сказал голос. — Можно заходить.

Я вошел, и со мной поздоровался бармен, которого я сегодня уже видел. Он вытаскивал три дротика из доски в углу за дверью. Оглядевшись, я понял, что я тут единственный посетитель.

— Зимой в эту дверь никто не ходит, — сказал он, дружелюбно улыбнувшись. — Вам бы лучше через верхний бар.

— А, ну да, — сказал я. — Простите, дальше так и буду.

Предупреждение на двери я, конечно, видел и раньше, но никогда всерьез его не воспринимал. В конце концов, до сегодняшнего вечера я ходил сюда через эту дверь, и никакого явного риска оказаться пронзенным дротиком не было. Вообще-то и доски для дротиков тут даже не было — только пустая деревянная рама, вся в

крохотных дырочках. Сверху висела лампа под металлическим колпаком, а сбоку — черная доска для подсчета очков с нанесенными по трафарету позолотой словами «ДОМА» и «НА ВЫЕЗДЕ». До сегодняшнего вечера, тем не менее, сама доска здесь отсутствовала. Теперь же она снова была в употреблении, и дверью в пивной сад пользоваться не рекомендовалось.

— Надо будет вообще ее запереть, — сказал бармен. — Нам же несчастные случаи тут не нужны, правда?

— Да нет, наверное, — ответил я. — А значит ли это, что в пивной сад теперь тоже нельзя?

— Ну, он у нас тут вообще только для туристов, — сказал он. — А их больше нет.

— Кроме меня.

— Вы не считаетесь.

— Правда?

— Если вы тут в это время года, то нет, — сказал он. — Пинту «Экса»?

Он уже зашел за стойку и вообще-то принялся качать пиво ручным насосом, еще даже не спросив, чего я хочу.

— Да, пожалуйста, — сказал я.

— Вам придется растянуть удовольствие, объявил он. — Это последний бочонок. Через

несколько дней закончится.

— Меня вполне устраивает, — заметил я. — Я здесь только до конца недели.

— Ну что ж, — сказал он. — Значит, и поможете допить, а?

Он водрузил идеально налитую пинту «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького» на стойку, и я ему заплатил.

— А потом вам его разве возить не будут? — спросил я.

— Мы никогда не продаем столько, чтоб оно того стоило, — ответил он.

— А как же местные? Они его разве не пьют?

— Нет, конечно, — ухмыльнулся он в ответ. — Их настоящий эль не интересует.

— Вот оно как?

— Ну, они гораздо больше уважают пиво из кегов. Лагер и тому подобное. С фабрики, знаете.

Он снова вышел из-за стойки и возобновил свою тренировку с дротиками. Мгновение спустя снова повернулся ко мне с озадаченным видом.

— Вы сказали, что в конце недели уезжаете?

— Таков план, — сказал я.

— А я думал, вы в «Доме на холме» красите?

— О, — сказал я. — Об этом, значит, и вам известно, да?

— Гордон сказал, что видел, как вы сегодня днем красили парадные ворота. Говорит, вы с Дикином разговаривали.

Я знал, что Гордоном зовут другого бармена «Вьючной лошади». В предыдущие визиты видел, как он работает бок о бок с моим нынешним трактирщиком. А вот кто такой Дикин, я понятия не имел.

— Дикин — это кто? — спросил я.

— Да знаете вы Дикина, сказал он. — Малый, что молоко развозит.

— А, этот, — сказал я. — Ну да, только я с ним на самом деле не разговаривал. Это он со мной разговаривал.

— В этом весь Дикин, точно.

— Но я только ворота покрасил, — добавил я. — Выручил, понимаете.

— Значит, не остаетесь?

— Надолго — нет.

— А, — сказал он. — Понятно. Дротики кидаете, ну?

— Время от времени да.

— Хотите, сыграем?

— Ну, давненько я не метал дротиков во гневе.

— Это ничего, — сказал он. — Так, время скоротать. Стрелы у вас свои?

— Э… нет.

— Ну да, — сказал он. — Вы тогда берите эти, а я другой комплект принесу.

Откуда-то из-за стойки он извлек еще дротиков, и мы с ним сыграли в «301», он выиграл. Записывая счет, себя он пометил как «Т», и тут я вспомнил, что слышал, как его накануне вечером кто-то называл Тони. Последовала еще одна игра, и он опять выиграл. Казалось, что, несмотря на недавнее отсутствие доски, играть он не разучился, и как только выходил в паре, исход матча, можно сказать, бывал предрешен. Однако в третьей игре мне удалось продержаться вровень с ним, и он меня так уж легко не разгромил.

— Снайпер, — сказал я, когда он засадил двойную восьмерку и выиграл.

— Спасибо, — ответил он. — Вы и сами неплохо кидаете.

— Спасибо.

— Лучший из семи?

— Да запросто.

— Тони! — крикнул голос из другого угла бара.

— Сейчас вернусь.

Он скользнул за стойку и пошел обслуживать новоприбывшего в верхний бар.

— Ну что, Брайан? — услышал я.

В другой части паба я не бывал, но знал, что ее всегда называют верхним баром. У меня сложилось ощущение, что он для местных — от туристов же ожидалось, что они будут пользоваться нижним баром. «Вьючную лошадь» зачем-то построили на двух уровнях, и, хотя обе половины соединялись между собой, верхний бар был на две ступеньки выше, с собственной стойкой и пивными насосами. В результате, у тех, кто там пил, вид был слегка надменный и исключительный, если смотреть на них снизу. В верхнем баре обычно господствовал пожилой мужчина, которого я принимал за владельца, а Тони и Гордон заправляли более оживленным нижним баром. Сегодня вечером, однако, все было очень тихо, и Тони, похоже, сам распоряжался в целом заведении. Пока ждал продолжения нашей с ним игры, я бросил взгляд на нового посетителя в другом баре. Да, подумал я, определенно местный, — и понял, что я его уже видел, потому что узнал его картонную корону. Она была серебряной, с тремя зубцами, и некогда ее не раз чинили клейкой лентой. Этого человека в верхнем баре я замечал нередко, и всякий раз у него на голове сидела картонная корона. Перехватив мой взгляд, он ухмыльнулся и кивнул в

мою сторону, что-то говоря при этом Тони. Я не слышал, что он сказал, но недружелюбным оно не казалось.

Несколько мгновений спустя Тони вернулся к доске для дротиков, и игра возобновилась. То была переигровка, в которой он взял верх в четырех матчах к одному, поэтому мы решили сыграть в «лучший из девяти», и эту переигровку он тоже оставил за собой. Но все-таки, как он справедливо заметил, это и впрямь помогло скоротать время. За вечер во «Вьючную лошадь» заглянуло еще несколько посетителей, и все без исключения они оказались местными. Большинство направлялось в верхний бар, но один-двое спустились к нам. Дрейфуя сюда, они всем своим видом давали понять, что давненько в нижнем баре не бывали. Как будто возвращали территорию себе.

— Наконец-то тишь да гладь, — сказал один, входя, и тут же передвинул барный табурет так, чтобы сидеть на нем можно было, упираясь спиной в угол. Мне это напомнило случай, который я наблюдал неделей раньше: один клиент перетащил табурет в другой угол бара. Хозяин тут же накинулся на него, велев оставить «мебель» в покое, а если ему это не нравится, то пусть несет свои денежки куда-нибудь в другое место.

Незадачливая жертва была не одна, а с крупной компанией, по виду сплошь туристы, и вскоре после все они допили и ушли. Я как-то не мог себе представить, что подобное могло произойти с кем-то из присутствовавших сегодня. Туристический сезон закончился, и правила изменились. Местные, казалось, вольны двигать табуреты как им вздумается. Тем не менее в тот раз такое отношение к платящему клиенту показалось мне довольно грубым. Я подозревал, что Тони — сын владельца, поскольку между ними имелось заметное сходство, но сходство этим, к счастью, и ограничивалось. Тони был любезен дальше некуда, и хотя я, говоря строго, оставался «туристом», он из кожи вон лез, чтобы я здесь чувствовал себя как дома. То же относилось и к Гордону. Оба младших бармена выглядели примерно моими сверстниками, и я чувствовал какое-то сродство с этой парочкой. Однако мне никак не удавалось определить, постоянно они связаны с «Вьючной лошадью» или нет. Оба казались людьми того типа, от кого ожидаешь чего-то «получше» просто работы в пабе, и мне нравилось воображать, что они этим занимаются, лишь пока ничего получше не подвернется. Мысль о том, чтобы застрять здесь навсегда, никогда никуда не сдвинуться,

представлялась мне совершенно немыслимой.

Чуть погодя два бара стали уже так оживлены, что Тони работал без продыху, поэтому дротики ему пришлось оставить. Но явились другие игроки, и я сыграл еще несколько раз, а пару-другую матчей даже выиграл. Вскоре к нам в нижний бар спустился человек в картонной короне. Очевидно, он пришел специально, поиграть, потому что прибавил «Б» к списку желающих очередников. Местное правило было таково, что победитель не выбывает, и перед его инициалом значились еще двое, поэтому он, дожидаясь, подошел поговорить с тем человеком, кто передвинул табурет.

Я не очень-то обращал внимание, но мне показалось, что оба они пару раз за свою беседу кивали в мою сторону. Мгновение спустя тот, что в короне, обратился ко мне непосредственно.

— Это вы нарисовали зеленый квадрат у Томми Паркера? — спросил он.

— Ну вроде, — ответил я. — Но я в этом не совсем виноват.

Оба они мне ухмылялись, и я вдруг осознал, что прочие клиенты, стоявшие по всему бару, прислушиваются к нашему диалогу.

— А кто ж тогда виноват?

Не желая бросать ни на кого тень, я сказал:

— Так просто вышло, только и всего.

— Хотите сказать, вы случайно нарисовали зеленый квадрат?

От этого несколько человек рассмеялись вслух.

— Нет, — сказал я. — Но в итоге так все и вышло.

— Ну, Томми этим будет не сильно доволен.

— Недоволен?

— Нет, не доволен.

Смех стих.

— Сдается мне, вы еще не видели, как он выходит из себя? — произнес кто-то у доски для дротиков.

— Э… нет, — ответил я. — Не видел, нет.

Должно быть, вид у меня сделался довольно-таки встревоженный, потому что этот человек вдруг выступил вперед и хлопнул меня по спине.

— Вы об этом не беспокойтесь, парень, — сказал он. — Это не конец света. Пошли, мы вам возьмем выпить.

Не успел я сообразить, как у меня в руке оказалась полная пинта пива, за которую заплатил человек в картонной короне. Весь остальной вечер прошел в мареве питья пива и кидания дротиков. В итоге я выставил ему две пинты в ответ за ту одну, которой он угостил меня, но, как

я сказал себе потом, засчитывалось намерение. Когда наконец объявили последние заказы, я решил, что выпил за вечер достаточно, и оставил их всех угощать друг друга и дальше. Десять минут спустя я брел по берегу озера, спотыкаясь о корни деревьев, пока старался не сходить в темноте с тропы.

Это выпивка, думаю я, повела меня таким путем, а не по дороге. Ровно так же, как выпивка подтолкнула меня на мостки, когда я добрался до лодочного проката. Я вышел на них и встал на самом конце, откуда мог едва различить семь гребных шлюпок, выстроившихся на своем рейде. По дальнему берегу озера бежала другая дорога, и я, пока стоял на мостках, заметил, как с юга движутся огни машины. Дотуда было больше полумили, но даже на таком расстоянии меня поразило, до чего они яркие. Кроме лучей фар я различал несколько светящихся силуэтов на крыше, но разобрать, что это, не сумел. На миг-другой машина исчезла, скрывшись среди деревьев, а затем вынырнула снова, дальше по берегу озера. Теперь она была почти прямо напротив меня. Вечером поднялся легкий ветерок, и с ним долетал гул мотора и рокот шин по поверхности далекой дороги.

И тут из-за озера донесся еще один звук. Длился всего несколько секунд, и я не смог определить, откуда он прилетел, но мне показался смутно знакомым. В темноте перезвоном лилась еле слышная мелодия, и я узнал небольшой фрагмент детской песенки. Той, где «Полфунта киселя»[1]. Потом снова все стихло, и остался только шелест мягко качавшихся деревьев да плеск озера о берег.

* * *

Когда я наутро проснулся, у меня болела голова. Я намеревался попить воды из водоразборной колонки перед тем, как лечь спать, но, когда наконец добрался до кемпинга, совсем об этом забыл. Вместо этого я залез к себе в палатку и сразу уснул, а теперь у меня похмелье. Такова цена пяти пинт «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького». Или шести? Четко припомнить я не мог, но решил, что быстрый душ смутность эту с меня смоет. Подходя к душевому блоку, я вспомнил, что нужно включить подачу воды, поэтому робко

[1] Примечания: 1

Здесь и далее по тексту приводятся некоторые строки из английской народной детской песенки, игры и некогда популярного танца «Чпок! — сказала ласка», известного по крайней мере с 1853 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

зашел в женское отделение и проделал всю ту процедуру, которую мне показала школьница. Все вроде бы получилось как надо, но, обогнув душевой блок в мужское отделение, я обнаружил, что вода течет совершенно холодная. После чего я осознал, что те несколько мгновений теплой воды, какими я насладился накануне вечером, наверняка были последними каплями нагреваемого запаса. Отныне, если мне хотелось принять душ, вода будет только холодной. Надувательство какое-то, по-моему. В конце концов, если человек платит за то, что живет в кемпинге, ему полагается сколько-то горячей воды. Тут я сообразил, что за эту неделю на самом деле ничего не платил. Взамен я покрасил ворота. Следовательно, у меня нет другого выбора — только собраться с духом и принять полуминутный холодный душ. Я шагнул под лейку и встал, голый и дрожащий, под ледяным водопадом. И вот тут-то вспомнил человека в картонной короне и его вопросы о зеленом квадрате. Он и впрямь, что ли, допрашивал меня перед всем пабом? Да, так и есть. Все стояли вокруг и слушали, а потом кто-то спросил у меня, не видел ли я еще, как мистер Паркер выходит из себя. Очевидно, само собой, что этого я пока не видел. Я провел здесь всего несколько

дней и вообще с ним едва знаком. Однако все они вели себя так, словно дело это — наивысшей важности. Ну, лично я не понимал, из-за чего такой шум. Ладно, признаю — мистер Паркер не придет в восторг от вида зеленого квадрата посередине своего главного въезда. Что есть, то есть, но я едва мог себе представить, что из-за такого он станет выходить из себя. Напротив, казалось, он такой человек, кто к подобному относится скорее философски. Со мной пока он вел себя крайне вежливо и учтиво, и у меня не было сомнений, что таким же он останется и впредь, несмотря на происшествие с разлитой краской.

Одевшись, я сходил выключить воду, а затем направился к своей палатке. По пути я заметил, что у ворот стоит мистер Паркер — открывает и закрывает их, тщательно осматривая покраску. Я решил, что с таким же успехом могу и сразу к нему подойти и убедиться, что он доволен моими стараниями, поэтому я, как бы между прочим, направился к нему. Когда я подошел и встал рядом, мистер Паркер кратко на меня взглянул, но затем продолжал озабоченно разглядывать ворота. Казалось, он не обращает внимания на зеленый квадрат у себя под ногами или на человека, его нарисовавшего. Он просто стоял и молчал. Лишь

после нескольких долгих мгновений повернулся и наконец открыл рот.

— Вы говорили, вам на лодке покататься хочется?

— Э… да, — сказал я. — Мне бы хотелось.

— Ну, можно, если желаете.

— О, здорово. Значит, можете устроить, да?

Он улыбнулся.

— Я что угодно могу устроить.

— Так это, значит, ваши лодки?

— У меня в них главная доля, да.

— А, — сказал я. — Этого я не осознавал.

— Хотите сегодня утром?

— Ага, было б замечательно.

— Хорошо, что ж — тогда я через полчаса зайду, мы сходим и одну вам спроворим.

— Ладно, — сказал я. — Спасибо.

Когда он ушел, я еще раз посмотрел на зеленый квадрат, не понимая, с чего это люди в пабе так раздули это дело. В конце концов, мистер Паркер про него ни словом не обмолвился. Надо признать, не обратить внимания на квадрат было очень трудно, особенно при свете нового дня, но я вскоре пришел к выводу, что они просто раздували из мухи слона, потому что им не о чем больше поговорить. Я решил выкинуть все дело

из головы и вместо этого наслаждаться тем, что мне щедро предлагало утро.

Мистер Паркер подъехал на своем пикапе вскоре после того, как я дозавтракал тушеной фасолью и кружкой чая.

— Очень скудное существование вы тут ведете, — заметил он, когда я сел к нему в кабину.

— Ну, это же всего на несколько дней, — сказал я. — Для разнообразия даже мило вообще-то.

— Вам, значит, трудности нравятся, нет?

— Да не особо, но я ж говорю это всего несколько дней.

— А потом опять путешествовать отправитесь?

— Таков план, да.

Пока мы так беседовали, он медленно култыхался ко въезду на нижнее поле, — и вот подъехали.

— Ворота откроете, нет? — сказал мистер Паркер.

Он передал мне ключ, я вышел и отомкнул цепь на воротах. Снова стоял солнечный день, и, пока мы направлялись к озеру, я ощущал, до чего мне повезло: все тут — мое. Мистер Паркер ехал с ленцой и, похоже, по пути осматривал собственность. На дальнем краю поля он притормозил оглядеть какие-то упавшие ветки, разбросанные

среди замшелых деревьев. А также — оценить разломанные остатки перевернутой лодки у самой грунтовки. Лодку эту я видел всякий раз, когда ходил мимо в паб, и прикидывал, что она лежит тут брошенная, должно быть, много лет. Сквозь ее днище, где вся древесина сгнила, уже проросло несколько видов растений и деревца, и, на мой глаз, из лодки получилась вполне привлекательная достопримечательность.

— Придется нам от нее когда-нибудь избавиться, — объявил мистер Паркер.

— Вам она, значит, не нравится? — спросил я.

— Нет, не нравится, — сказал он. — Очень неприглядно.

— А по-моему, она смотрится вполне мило, — заметил я. — Очень буколически.

Он покачал головой.

— Что толку в буколике, если проку в ней никакого.

— О, что ж, ну да, — осторожно проговорил я. — Тогда, наверное, нет.

Мы поехали дальше к озеру и подкатились к зеленой хижине лодочного проката. Мистер Паркер извлек еще один ключ и с пары попыток отомкнул дверь. Когда она открывалась, раздалось потрескивание краски, и я понял, что

хижину тоже покрасили совсем недавно.

— Кто-то постарался, — сказал я.

— Да, — ответил он. — Нам нравится не отставать с покраской.

— Это я заметил.

Сказать правду, кто бы хижину ни красил, старался он не очень. Повсюду остались потеки, а дверь, похоже, закрыли, не успела краска высохнуть. Явно не профессионал трудился. Однако я ничего об этом говорить не стал и подождал, пока мистер Паркер заглянет в хижину, словно бы стараясь привыкнуть к сумраку внутри.

— Кстати, — продолжил он. — Вам грести раньше доводилось?

— Ну, только в детстве, сказал я. — Мы раньше жили рядом с парком, а в нем был гребной пруд.

— Так грести, значит, умеете, нет?

— Ага, это же как на велосипеде ездить.

— Я хочу сказать, что нам бы не хотелось, чтоб у вас какие-то сложности возникли.

— Нет, со мной все будет в порядке. Спасибо.

— Вас, значит, не понадобится спасать через десять минут?

— Сомневаюсь.

— Очень хорошо. — Он повернулся в дверях ко мне лицом. — Так, значит, за прокат лодки один

фунт, пожалуйста.

— О, — сказал я. — Извините, я не предполагал…

Он глянул на озеро, потом опять на меня.

— Что-то не так?

— Э… нет, все в порядке. А сдача у вас найдется?

— При себе — нет.

— Штука в том, что у меня лишь купюры. Извините.

— А, — сказал он. — Ясно.

— Могу я вам пока остаться должен?

Он миг над этим раздумывал, снова вглядываясь вглубь хижины.

— Думаю, можете, да, — наконец сказал он. — Но это пока.

— Спасибо.

— Так, значит, пока мы оба тут, поглядим, получится ли открыть.

Он скрылся внутри, и я слышал, как он отодвигает засовы люка с фасада хижины. Судя по звуку, приходилось ему непросто, поэтому я попробовал разглядеть, чем я могу помочь снаружи. Люк был футов четырех длиной и вроде бы откидывался наружу. К сожалению, краска засохла, поэтому я принялся тыкать и дергать в разных местах. Пока

я этим занимался, мистер Паркер продолжал приглушенно говорить со мной из хижины.

— А сам я к лодкам так и не пристрастился.

— Правда? — сказал я, чуть повысив голос, чтобы он меня услышал.

— Нет, — ответил он. — Пытался, да не понравилось.

— Жалко. Может, стоит еще разок попытаться.

— Нет у меня времени на баловство с лодками.

— А. Да. Могу себе представить, что нет.

— Есть дела и поважнее.

— Ну.

— Поэтому сегодня вы будете сами по себе, если не возражаете.

— Ладно.

Низ люка слегка сдвинулся ко мне. Открылась небольшая щель, поэтому я сунул в нее пальцы и помог тянуть. Мгновение спустя изнутри хижины донесся резкий треск. Правый угол люка был теперь свободен, но левый — еще нет.

— Вы толкаете или тянете? — спросил мистер Паркер.

— Э… вообще-то тяну, — ответил я.

— Так тяните чуть сильней? Пожалуйста?

Теперь мы оба говорили громче. Я вцепился и дернул на себя. Одновременно изнутри донесся

кряк, и люк быстро распахнулся наружу, на миг прищемив мне костяшки пальцев и чуть не задев меня. Я отпрянул и отпустил его, после чего люк опять захлопнулся.

— Адово отродье! — проревел изнутри голос. — Вы его держите, что ли!

— Извините, — сказал я, опять стараясь подсунуть под люк пальцы. Было больно — костяшки мне оцарапало довольно сильно. В следующий миг люк распахнулся опять и явил мне мистера Паркера — он сражался с люком деревянной подпоркой, которую тут же принялся вгонять на место. Я заметил, что лицо у него сильно порозовело, а глаза пылали. Казалось, ему важно, чтобы эта часть операции завершилась как можно быстрее, поэтому я тоже схватился за подпорку и свободной рукой помог направить ее, меж тем придерживая люк другой. Через несколько секунд подпорка надежно встала на место, и борьба закончилась. Затем последовало краткое молчанье. Я ничего не говорил мистеру Паркеру, а делал вид, будто с озабоченным видом разглядываю, что там за озером.

Когда он заговорил, голос его вновь звучал нормально.

— Надо нам будет как-нибудь разобраться с

этим люком, — заметил он. — Кажется, с одной стороны застревает.

— Да, — согласился я, окинув люк взглядом специалиста. — Должно быть, из-за свежей краски.

— А может, брус немного просел.

— Может, наверное.

— Ну и вот. С яликом не поможете, пожалуйста?

У задней стены хижины я различил прислоненную крохотную лодчонку, не больше пяти футов длиной. Когда я вошел, он уже с трудом начал приподнимать ее, поэтому я быстро схватился за другой конец. Мы выволокли ее из хижины и подтащили к самой воде, ноги наши двигались короткими рывками, как у жука. Чуть передохнув, мы понесли ее дальше по мосткам. При этом я все больше осознавал, что конструкция эта не так уж и надежна. Просто ходить-то по ней было нормально, но под дополнительным весом ялика некоторые доски скрипели и производили другие зловещие звуки. Тем не менее наконец мы добрались до дальнего края, где и поставили лодочку. После чего мистер Паркер прошел назад по мосткам, осматривая их. Я видел, что несколько досок треснули и расшатались, а другие явно начинали прогнивать. Одной-двух уже недоставало вовсе.

— Подремонтировать тут бы надо, — заметил он. — Не хотите сходить со мной за веслами?

— А, ну да, — сказал я. — Про них я забыл.

Я последовал за ним в хижину, где он передал мне весла, а потом запер ее.

— Как закончите, ялик вон в том тростнике оставьте, — сказал он. — Пока что никуда он тут не денется.

— Ладно.

Ну и вот. Дальше вы сами.

— Сколько мне можно кататься? — спросил я.

— Сколько угодно, — ответил мистер Паркер. — Тут больше никого нет.

После того как он ушел, я вернулся на конец мостков и спустил ялик на воду. Затем постоял, глядя на него, не очень понимая, что делать дальше. Я предполагал, мне его дали, чтоб я доехал до полноразмерных гребных шлюпок, привязанных дальше, но уверен в этом был не вполне. Может, ожидалось, что я пару часов побултыхаюсь в этой крохотуле, а потом вернусь. В конце концов, о других лодках он ни словом не обмолвился, пока мы тут были. А уточнять не хотелось. И вот теперь я оказался в некотором недоумении.

Однако на озере таких размеров наверняка же, чтоб оно того стоило, нужна настоящая лодка.

Ведь правда? Да, решил я, конечно, нужна. Особенно если платишь за такую привилегию фунт. С учетом этого соображения я и погреб к лодочной стоянке. И с удовольствием обнаружил, что грести не разучился, а как только приспособился к равновесию, продвигаться начал вполне бойко.

Приближаясь к ряду лодок, я постепенно стал понимать, что они мне очень напоминают те, какие были в парке моего детства. Все одного и того же бордового оттенка, и даже позолота вдоль планширя выглядела такой же. Но поразительнее всего были резные носы, выступавшие впереди у каждой шлюпки. На меня в детстве они производили больше всего впечатления, поскольку напоминали резные ладьи из знаменитых легенд и сказок. С такими высокими носами шлюпки отчего-то казались древними, поэтому никак было не определить, десять лет назад их построили, двадцать или все пятьдесят. Меня к ним всегда привлекало это ощущение вневременности.

Не то чтоб я планировал себе «приключение» в такой. В конце-то концов, я отдавал себе отчет, что это всего лишь прогулочные лодки, построенные для того, чтобы их брали в почасовой прокат. Я намерен пуститься в обычную прогулку по озеру, насладиться солнышком, а попутно впитать

пейзажи под новым углом. Тем не менее, когда я выбрал лодку и забрался на борт, у меня в голове укоренилась мысль, что мне вовсе не хочется бесцельно грести туда-сюда все утро. Вообще-то будет гораздо лучше отправиться в поездку куда-нибудь. Вскоре после этого мне взбрело на ум поехать в конец озера, а там выпить пинту пива во «Вьючной лошади».

Отсюда, с воды, я осознал, насколько обширны окрестные пустоши. Тихие — лишь вдалеке блеют овцы, — они выглядели так, словно тянутся бесконечно, хотя на самом деле я, конечно, знал, что это не так. Менее чем в десяти милях к востоку их разрезала современная автострада. По этой асфальтовой ленте громыхал нескончаемый поток транспорта, опрометью носясь между Англией и Шотландией. Кроме того, имелась железная дорога, а череда вышек электропередачи несла ток от одного промышленного центра к другому.

Однако из моей лодки никаких признаков всего этого я не видел. Лишь пустынная земля, деревья, время от времени — фермы и поселения, разбросанные вдоль берегов озера. Сильнее всего взгляд мой притягивал дом мистера Паркера, громоздившийся выше по склону. С огромным сараем, нависавшим сзади, он, казалось, господ-

ствует над всеми окрестностями — создавалось впечатление, будто кто-то внутри неусыпно бдит. Я был уверен, ему есть чем заняться, а не шпионить за мной весь день из окна, но все равно мне стало чуть полегче, когда я прогреб полмили и дом наконец скрылся за накатом суши.

Лодка двигалась вперед вполне мило, и мне пришлось признать, что гребля — очень приятный способ проводить время. К сожалению, спина моя начала жаловаться на непривычное напряжение, поэтому я был рад видеть, что конец озера уже близок. Из прежних своих прогулок в паб я знал, что рядом с парковкой там есть хорошее местечко, чтобы высадиться на берег. Мне удалось выволочь шлюпку на сушу, не замочив ног, и предосторожности ради я привязал швартовый конец к деревцу поблизости. После чего пешком направился к «Вьючной лошади».

Приблизившись, я увидел, что в пивном саду работает Тони: он красил в черный наружные подоконники паба. Стены были побелены, в середине у них кое-где шли черные брусья, и я допустил, что это должно было означать, будто здание по своему происхождению — «тюдоров-

ское»[2].

— Хорошо у вас это получается, — сказал я, направляясь к боковой двери. — Входить тут безопасно или как?

— Должно быть, — ответил он. — Но сперва постучитесь, на всякий случай.

Я постучался и шагнул в нижний бар, где никого не было. Мгновение спустя следом явился Тони, налил мне пинту «Экса», а потом вновь вышел. Слишком приятный стоял денек, чтобы долго сидеть в четырех стенах, поэтому я последовал за ним в пивной сад, где он возобновил покраску. Я намеревался посидеть за каким-нибудь деревянным столом для пикников, но обнаружил, что все их протравили предохраняющей морилкой и составили в углу один на другой. Потому-то я расположился снаружи на каменной стенке, а пиво поставил рядом — дождаться, когда пена осядет. Время от времени я бросал взгляд через площадь, но там, похоже, никто не появлялся. Единственный признак жизни сегодня утром — Тони со своей кистью, заново красит в черный черную краску, которая там уже есть. Через несколько

[2] Примечания: 2

Стиль архитектуры «тюдор» (конец XV — начало XVII в.), он же поздний перпендикулярный стиль, отличается плоскими арками, мелкими карнизами и деревянной обшивкой стен.

минут он докрасил очередной подоконник. Тут я услышал, как по дороге со стороны церкви приближается машина, как бы между прочим оглянулся и увидел, что мимо едет мистер Паркер в своем пикапе с грузовым прицепом.

Ни с того ни с сего этот визит во «Вьючную лошадь» уже не показался мне хорошей мыслью. От пинты я едва отхлебнул до его внезапного появления, но теперь мне захотелось побыстрее допить и вернуться туда, где я пришвартовался. В конце концов, я вроде бы должен прохлаждаться на озере, а не в садике паба. Я не был уверен, заметил он, что я тут сижу, или нет, но не сомневался — он не будет очень уж доволен тем, что какая-то его лодка осталась без присмотра. Я быстро осушил стакан и направился через площадь. На ходу мне пришло в голову, что кто-нибудь может угонять лодку прямо сейчас. Я припустил бегом, проскочил пустую парковку и помчался по тропе к берегу. Бежать с только что проглоченным пивом внутри тяжко, и когда я добрался до воды, мне уже было довольно худо. Лодка лежала точно там же, где я ее оставил, конечно, ничего с нею не произошло. Свалившись на траву поблизости перевести дух, я осознал, что ударился в панику на ровном месте, а все — из-за того разговора в пабе

накануне вечером. Меня подхлестнула бежать сюда мысль о том, что мистер Паркер может выйти из себя, и не дала мне насладиться неспешно пивом, как следует. Теперь мне это показалось нелепым. Случай с застрявшим люком в хижине лодочного проката показал мне, что уж чего-чего, а самообладания ему не занимать. Вскоре я пришел к выводу, что все это — нечто вроде местного мифа, относиться всерьез к нему не стоит.

Но все равно, раз я уже на берегу, возвращаться в паб за еще одной пинтой смысла нет, поэтому я, как только достаточно пришел в себя, вновь столкнул лодку на воду и погреб дальше. Наверное, так я провел еще час времени или около того, однако затем новизна этого занятия выдохлась. Я уже проплыл вдоль дальнего берега озера примерно до того места, где стоял дом мистера Паркера. Тут я решил, что на сегодня мне хватит, а потому вернулся к лодочной стоянке, привязал лодку и добрался до берега в ялике. Как было велено, запихал ялик в тростники, а весла заткнул под банку. На сей раз ноги я промочил. С виду здесь было вроде мелко, но очень заилено, и, когда я выбирался из лодочки, ботинки засосало. Несмотря на такое происшествие, удовольствие за эти два часа я получил. Я добрел до своей па-

латки, сменил носки и выпил чаю. Мотоцикл мой стоял позабытый уже пару дней, поэтому весь остаток дня я его драил, как и собирался вчера.

Когда тем вечером я пришел в паб, меня поразила отчетливая нехватка женщин в округе после отъезда туристов. Неделей раньше привлекательные девушки тут кишмя кишели, все на вид — особенно здоровые после нескольких дней на природе. А теперь ни одной, похоже, не осталось. Единственное исключение — молодая женщина, зашедшая в верхний бар часов в десять. Разок я видел ее и раньше. Тогда она долго беседовала с Тони, и я более-менее предположил, что она его подруга. Сегодня же вечером за стойкой работал Гордон, и ему она уделяла, казалось, столько же внимания. Что и навело меня на мысль: может, она свободна? С виду она мне вполне понравилась, и я б, вероятно, попробовал свести с нею знакомство, если бы мне в конце недели не уезжать. А так пришлось довольствоваться тем, что время от времени она бросала на меня взгляды.

Меж тем в нижнем баре в центре внимания оставались дротики. Запасы «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького» вроде бы не истощались, и я еще один вечер провел с местными. Одна игра сменялась другой, затем — еще выпивка по кругу,

а за этим кругом другой. Мне стало интересно, так ли проходит тут каждый зимний вечер. Темп для своего питья они задали немалый, и меня опять, похоже, увлекло. Как обычно, присутствовал мужчина в картонной короне — и следил, чтобы я не пропускал. Оставался я там как мог долго — посмотреть, уйдет ли с кем-нибудь молодая женщина из верхнего бара, но она вдруг исчезла, стоило мне отвернуться. Пора было уходить, поэтому я добрел до кемпинга и тут же лег спать.

Спал я скверно. Посреди ночи девочка в школьной форме все время включала и выключала воду. Я медленно проснулся и осознал, что кто-то трясет шест моей палатки.

Мгновенье спустя снаружи до меня долетел голос. То был мистер Паркер.

— Вы бы мне тут помочь не могли? — сказал он. — Шлюпки, похоже, сбежали.

3

Я слышал, как в темноте урчит двигатель.

— Секундочку, — сказал я, нашаривая ботинки и быстро их натягивая.

Выйдя наружу, я увидел, что поблизости стоит пикап, фары сияют. Мистер Паркер уже вернулся за руль, поэтому я подошел, а он заговорил со мной в окно.

— Только что был на озере, а от них ни следа. Нам надо поискать.

Я влез к нему в кабину, и мы направились к нижнему полю, где цепь была снята и ворота стояли настежь. Вскоре мы подъехали к самой воде. С некоторым облегчением я заметил, что ялик лежит в тех же тростниках, где я его оставил. В лунном свете я угадывал его темные очертания. А вот ряда лодок на стоянке наоборот не было.

— Вы не могли бы выгрести туда и поискать их? — сказал мистер Паркер.

— Э… ну, — ответил я. — Могу, если хотите.

Хорошей мыслью мне это не казалось. В конце концов, шансы отыскать в темноте семь лодок на озере таких размеров вряд ли велики. Однако мне

хотелось выглядеть так, словно я хоть чем-то ему помогаю, вот я и согласился. Снова намочил ноги, отталкивая ялик от берега, но это в сложившихся обстоятельствах было как-то не важно. Медленно отгребая от берега, я видел фигуру мистера Паркера: он стоял на мостках и смотрел в мою сторону. Я добрался до того места, где следовало быть швартовному бую, и заметил, что и он исчез.

— Видите их? — крикнул мистер Паркер.

— Боюсь, нет, — крикнул я в ответ. — Похоже, всю швартовку унесло.

— Ну а дальше поискать можете?

Все это предприятие уже начинало видеться вполне бессмысленным, поскольку я едва мог различить, куда гребу, не говоря уж о том, чтобы засечь сбежавшие лодки. Хуже того, ночью вода плескала вокруг гораздо сильней, чем днем. Я слышал, как волны бьются о ялик, и уже начал задаваться вопросом, сколько мне еще грести безопасно. Но все равно продолжал работать веслами — чтобы удовлетворить мистера Паркера, что я-де ищу хорошенько. И по ходу недоумевал, что это он тут делал в такое время ночи, раз заметил, что лодки пропали. Я понятия не имел, сколько сейчас времени, но наверняка уже под утро. Немного погодя он снова меня окликнул.

— Вы не могли бы вернуться, пожалуйста?

Его способ отдавать распоряжения в виде учтивых просьб был очень действенен, и я вдруг осознал, что, сам того не ведая, превратился в его слугу. Вот я плаваю тут в темноте по его повелению, с мокрыми ногами, а мог бы крепко спать. Неудобство меня доставало вполне резонно, но в то же время я был доволен, что он наконец решил свернуть наши поиски. Теперь можно было возвратиться в постель.

Поэтому меня постигло некоторое разочарование, когда я вылез на берег, а он сказал:

— Нам придется объехать вокруг озера, посмотреть, куда они делись.

— А не лучше будет подождать до утра? — спросил *я.*

— Тогда уже может быть слишком поздно, — ответил он. — А мне бы очень не хотелось их терять.

Мы влезли в пикап и следующие два часа провели в бесплодных поисках. Сначала поехали в Миллфорд, затем по каменному мосту — на дорогу, что бежала на юг по дальней стороне озера. Всякий раз, когда мы проезжали близко от берега, мистер Паркер останавливался, и мне приходилось выпрыгивать и замирать у самой

кромки воды, вглядываясь в сумрак.

Затем я возвращался, а он говорил:

— Не заметили?

— Извините, нет, — отвечал я, и мы ехали дальше. Других разговоров между нами почти не было.

Время от времени мы проезжали чей-нибудь участок, и он сбрасывал скорость и всматривался через ворота, словно бы рассчитывая увидеть, что где-то там прячутся его лодки. Наконец мы доехали до самого южного конца озера, и он повернул назад. Я решил, что беготни на эту ночь уже хватит, но, когда мы добрались до кемпинга, мистер Паркер снова поехал к мосткам. На миг я подумал, будто он надеется, что лодки вернулись сами по себе. Он же, судя по всему, решил снова убрать ялик в хижину на хранение, поэтому еще несколько минут мы потратили на то, чтоб заволочь его туда и запереть. Лишь затем передохнули. Мистер Паркер уж точно отнесся к пропаже лодок всерьез, но не похоже было, будто он имеет в виду, что виноват в ней я. Насколько я мог сообразить, сам швартовный буй, должно быть, отцепился от дна озера, а ко мне это, очевидно, никакого отношения не имело. И в то же время я не мог не задаваться вопросом, не

«подозревают» ли меня как-то в этом.

Со своей же стороны мистер Паркер держался вполне дружелюбно. Заперев хижину, он повернулся ко мне и сказал:

— Вы бы поднялись в дом, позавтракали немного.

К этому времени на востоке в небе уже возникло несколько потеков света, поэтому я прикинул, что сейчас, должно быть, шесть часов. Я был готов улечься спать, но позавтракать в нормальной кухне звучало так привлекательно, что я принял его предложение.

Когда мы въехали на двор, я увидел, что прицеп мистера Паркера стоит у большого сарая. Он был нагружен каким-то крупным механизмом, чьего предназначения при таком свете разобрать я не смог. Собирался спросить, что это, но тут дверь на террасу открылась, и вышла Гейл Паркер.

— Нашли? — спросила она довольно озабоченным голосом.

— Нет, не нашли, — ответил ее отец. — Придется поехать поглядеть еще, когда побольше рассветет. Ты б не могла для вот этого какой-нибудь завтрак сообразить?

— Утро, — сказал я, учтиво улыбнувшись, и она улыбнулась в ответ.

— Яичница и кофе пойдет? — спросила она.

— Да, прекрасно, спасибо.

Я вошел следом за ними обоими внутрь, в теплую кухню с большим деревянным столом. Сапоги свои, заметил я, мистер Паркер не снял, поэтому и я не стал разуваться. Затем мы сели за стол, и меня накормили завтраком. Давненько не приходилось мне есть за столом, поэтому наслаждался я как мог, с благодарностью принимая и яичницу, и кофе. Мы почти не разговаривали, но немного погодя мистер Паркер завел беседу.

— Вижу, мотоцикл ваш вполне ранней модели, — заметил он.

— Да, — ответил я. — Раздельной конструкции.

— Давно у вас?

— Пару лет, да.

— Последние дни вы на нем почти и не ездите.

— Нет, — сказал я. — Как-то не езжу.

— Других дел полно.

— Да.

— Можете поставить его в какой-нибудь сарай, если хотите.

— О… э… а можно?

— Если хотите, да. Мы тогда сможем вам за ним приглядывать.

— Ну, спасибо, как бы там ни было, но я в конце

недели уеду. Вам едва ли стоит беспокоиться.

— Ладно, что ж, но если передумаете.

— Спасибо.

Он глянул в окно.

— Вот и Дикин.

Последние несколько мгновений я сознавал, что по склону снизу приближается какой-то дребезг, и тут во двор заехал пикап. Выглянув, я увидел, как из машины выходит молочник, хватает пинту молока и бежит вверх по ступеням. За дверью раздалось «блям», а затем он побежал обратно вниз. Когда он скрылся, я вспомнил беседу с ним, когда красил ворота, о том, что ему нужно «повидать Томми по одному дельцу». Я заключил, что дельце наверняка не столь уж важное, как он дал мне тогда понять.

— С Дикином уже встречались, нет? — спросил мистер Паркер.

— Э… всего разок, — ответил я. — А он сюда каждый день заезжает?

— Почти каждый, да.

— А, — сказал я. — Этого я не знал.

— Ну, вы же так рано обычно не встаете, нет?

— Да нет, наверное.

— Вы, наверно, еще спите, когда он проезжает.

Тут во двор вкатилась еще одна машина. Теперь

это был почтовый фургон. Водитель проскакал вверх по ступеням, приоткрыл на четыре дюйма кухонную дверь и сунул почту на полку внутри.

— Спасибо, — певуче произнес он и вмиг опять исчез.

— Не представлял, что тут бывает так оживленно, — заметил я.

— Да, всегда что-то происходит, — сказал мистер Паркер.

— Должно быть, славно иметь собственного почтальона.

— А что, у людей на юге, значит, своих почтальонов нет?

— Ну, есть, но у них обычно нет еще и своих фургонов.

— А, ну да, — сказал он. — Они ездят на велосипедах, нет? С большими мешками.

— Кое-кто — да, — ответил я. — Но, как правило, ходят от дома к дому.

Тут в соседней комнате зазвонил телефон, отчего Гейл мгновенно вскочила со своего места.

— Я возьму, — сказала она, выскакивая за дверь. Мгновение спустя она вернулась.

— Пап, это тебя.

Мистер Паркер вышел и взял трубку, а Гейл снова уселась напротив меня.

Несколько мгновений прошло в тишине, а потом я сказал:

— В школу сегодня?

— Ну, — ответила она. — Вечно школа.

— Просто я заметил, вы не в форме.

— А, — сказала она. — Нет. Я только сразу перед выходом надеваю.

Она глянула на часы на полке, улыбнулась мне и скрылась в другой комнате. К этому времени я свой завтрак более-менее доел, поэтому решил двинуть отсюда. Я очень устал и, несмотря на весь выпитый кофе, хотел бы поскорее вернуться в постель. Однако прилично было бы поблагодарить мистера Паркера за гостеприимство, поэтому я встал с места и остановился у дверей подождать его. Глянул на почту, лежавшую на полке, и мой взгляд привлекла открытка с изображением Тадж-Махала. Так и подмывало взять ее и прочесть, но тут на кухню вернулся мистер Паркер.

— Что ж, это была хорошая новость, — объявил он. — Лодки прибило к участку Брайана Уэбба.

«Брайан Уэбб» он произнес так, словно мне полагалось знать, кто это.

— Это тот малый, который в картонной короне везде ходит? — спросил я.

— Да, вы его видели во «Вьючной лошади».

— Много дротиков кидает.

— Да, он самый.

— Ну, спасибо вам за завтрак, — сказал я. — Очень мило.

Он улыбнулся.

— Хотите, съездим к Брайану и поможете лодки обратно пригнать?

— А сколько, по-вашему, это займет? — спросил я.

— Пары часов нам хватит.

Раз я принял от него завтрак, как-то черство было теперь не помочь, и я согласился. Мы сразу оказались во дворе — шли к пикапу мистера Паркера. Сбавили шаг и посмотрели на механизм в прицепе. Теперь я разглядел, что это циркулярная пила. Все детали у нее были тускло-желтого цвета — кроме огромного диска, который довольно сильно заржавел.

— Что скажете? — спросил мистер Паркер.

— На вид полезная, — ответил я. — И к трактору сзади цепляется, да?

— Точно, — сказал он. — Вчера на аукционе отхватил. — Он потер металл, и желтый сделался значительно ярче. — Славно должна отчиститься.

— А как же ржавчина?

— Скоро и ее сотрем. Вот только прицеп разгрузим, а потом можно в путь.

Циркулярная пила выглядела слишком большой, нам двоим ее было не поднять, но мистер Паркер явно владел ситуацией. Задним ходом он подогнал пикап к прицепу, сцепил их вместе, а потом подошел к большому сараю и откатил двери. Затем сдал весь этот транспорт вверх по рампе, тоже задом. Пока он все это делал, я бесцельно околачивался рядом, стараясь не мешать. Мгновенье спустя он нажал на клаксон, и я поднялся по рампе, зашел в сарай. Прицеп теперь стоял точно под лебедкой, привешенной к потолочной балке. Мистер Паркер уже вышел из грузовичка и в одиночку подымал циркулярную пилу на лебедке, поэтому я быстро подскочил ему помогать. Разницы, похоже, никакой не составило, поскольку он казался значительно сильней меня, и не успел я сообразить, а циркулярная пила уже висела в трех футах над прицепом.

— Спасибо, — сказал мистер Паркер. — Как-нибудь нам надо будет ее к трактору подцепить.

Пока он переводил дух, я быстро осмотрел сарай изнутри. Кроме внушительного на вид трактора поблизости, там имелся огромный выбор и другого инструментария, включая коллекцию

шин и колес и какое-то сварочное оборудование. Всюду лежало много запчастей. Оттуда, где я стоял, виднелось и нечто похожее на переднюю часть снегоочистителя, рама и рычаги какого-то гусеничного механизма, бетономешалка с разобранным двигателем. А кроме того — большой штабель досок. В глубине сарая громоздилось что-то еще, и повсюду тут пахло смесью смазочного масла, краски и тавота. Мне сарай больше напоминал фабричный склад, чем сельскохозяйственную постройку.

— Хорошая у вас тут техника, — заметил я.

— Да, — сказал мистер Паркер. — Все это, бывает, пригождается.

В сарай теперь лился дневной свет, и я заметил, что в дальнем углу поблескивает еще что-то. Я попробовал разглядеть, что это, но мы уже двигались дальше.

— Пойдемте, — сказал он, забираясь в пикап. — Пора к Брайану ехать.

Я влез к нему, и мы тронулись, оставив дверь сарая открытой. Через минуту подъехали к главным воротам и свернули на дорогу. При этом я снова заметил, как ярко смотрится зеленый квадрат. Мистер Паркер пока что молчал, поэтому я решил завести разговор, чтобы скоротать

поездку.

— Вы сами во «Вьючную лошадь»-то ходите когда-нибудь? — спросил я.

— Ну, время от времени бывает, — сказал он. — Но вообще стараюсь избегать.

— Это почему?

— Ну, в итоге, похоже, я всегда выпивку всем выставляю.

— А, ну да.

— Иной вечер целого состояния стоит.

— А они в ответ вас разве не угощают?

— Да, наверно, бывает, — сказал он, хорошенько обдумав мой вопрос. — Но все равно состояние.

Оказалось, Брайан Уэбб живет на одном из тех участков, которые мы проезжали в наших поисках накануне ночью. Место это располагалось на той стороне озера, что напротив мистера Паркера, и походило на нечто вроде фермы. Когда мы въезжали в главные ворота, это подтвердилось всепроникающим запахом овец, хотя на самом деле никаких животных видно не было. Дом Брайана стоял всего в нескольких ярдах от уреза воды. Он находился между несколькими надворными постройками по одну сторону и голландским амбаром по другую — в последнем стоял грузовик с безбортовой платформой.

Заслышав нас, сам хозяин вышел из дому в своей обычной картонной короне. А также в резиновых сапогах-«веллингтонах».

— Так и думал, что это ты, — объявил он, а потом кивнул в мою сторону. — Вижу, помощником обзавелся.

— Да, — ответил мистер Паркер. — Он последние пару дней мне пользу приносит.

— Требуется смышленый малый, — сказал Брайан, подмигнув мне. — Твои лодки тут.

Он провел нас через калитку на самый берег. Там, вытащенные на какую-то дранку, лежали семь гребных шлюпок, по-прежнему привязанные к своему швартовному бую.

— Повезло, что ты их заметил, — сказал мистер Паркер.

— Я бы сказал, что да, — ответил Брайан. — Обычно в это время поутру я не подхожу к окну, но Дикин опять оставил не то молоко, и я смотрел на тот берег, далеко ли он уехал.

— А какого, значит, ты у него просил?

— Ну, по средам я предпочитаю гомогенизированное. Когда тут мой дядя чай пьет.

— А, да, и как Руперт?

— Он очень хорошо, спасибо. По средам наезжает регулярно, забор мне строит по чуть-чуть.

Уже почти весь достроил.

— Это хорошо.

— Ну, в общем, — продолжал Брайан. — Гляжу я, Дикин от тебя спускается, а это значит, дальше он поедет к Пиктоллу. Позвоню-ка я им, думаю, попрошу его перехватить, так сказать. И вот шел я как раз к телефону, и вдруг меня как громом шарахнуло — столько лодок мне о берег бьется. Я выскочил, зацепил их веревкой и… ну вот, пожалуйста.

Рассказ этот, похоже, вымотал Брайана, и он сел на одну лодку передохнуть. Мистер Паркер меж тем бродил вокруг, кратко осматривая каждую. Все они были привязаны одна за другой отрезком швартового конца, и когда он дошел до моей лодки, на которой я катался накануне, слегка дернул узел, что я завязал, словно проверяя, держится ли. Затем повернулся к Брайану.

— Что ж, — сказал он. — Нам, видимо, лучше как-то подогнать сюда прицеп. Похоже, чтоб все их вернуть, нам три-четыре ездки понадобится.

Через несколько минут пикап и прицеп стояли у нас на самом берегу, и мы втроем принялись грузить первую лодку. Лишь теперь обнаружил я, что суденышки эти предназначались строго для плавания, а не для переноски. Весили они каждая

чуть ли не тонну. По собственному опыту я знал, что вытягивать такую лодку скользом на берег по мелководью легко. Целиком же поднимать и грузить ее на прицеп — совершенно другое дело. Держаться было не за что, кроме планширя, и каждую нам приходилось перетаскивать от дранки вверх по крутому травянистому откосу туда, где стояла машина. Они были добрых пятнадцати футов длиной или даже больше, а места на прицепе имелось лишь для двух за один раз. Впереди я предвидел для нас целое утро борений. Со многой руганью и потом нам удалось погрузить первую лодку, а затем мы все отошли и оценили ситуацию.

— А не проще на них было бы догрести до места? — предположил я.

Не успел я договорить, как понял, что вляпался. Брайан с ожиданием посмотрел на меня, а мистер Паркер вгляделся в дальние мостки на другой стороне озера.

— Ну, если вы предлагаете, это было бы очень любезно, — наконец сказал он. — Спасибо.

— Недурно разомнетесь заодно, — заметил Брайан. — Вы же небось рассчитывали еще на лодке покататься, а?

— Э… да, — ответил я. — Ну как бы.

— Так вы нам это сделаете, нет? — спросил мистер Паркер.

— Конечно же, сделает, — сказал Брайан. — Ты погляди на него. Ему просто не терпится на воду.

— Ага, — сказал я. — Меня устраивает.

Так вот и «условились», что я переправлю шесть оставшихся лодок через озеро. По правде говоря, я был не очень против, потому что мне вылазка на озеро накануне очень понравилась, но вскоре меня стало интересовать, сколько времени это займет. План, похоже, заключался в том, что на одной лодке я буду грести, а остальные тянуть за собой на буксире. С самого начала у меня возникло ощущение, что ничего не получится, но я все равно согласился. Они вдвоем помогли мне отдать концы, и я заработал веслами — но понял лишь, что быстро никуда не еду. Снова выйдя на берег, я промочил ноги в третий раз за два дня, и мы тогда решили, что мне следует попробовать буксировать меньше лодок. Немного проб и ошибок — и я в итоге взял в первую ходку через озеро три лодки.

— Вообще-то логично, — сказал Брайан. — Три за первый рейс, три — за второй.

Пока мы копошились, связывая лодки, а потом снова их отвязывая, при этом правильно найтовя

весла, у меня начало складываться впечатление, что ни мистер Паркер, ни Брайан Уэбб ничего не смыслят в лодочном деле. В итоге почти все организовал я, а когда попросил их взяться за планширь, они не поняли, о чем я. Не то чтоб я, конечно, получил какое-то преимущество от своего превосходного знания. В конце концов, это мне выпало переправлять караван лодок через озеро. Наконец я оставил их на берегу и отправился в свой первый рейс. Погода опять стояла хорошая, и, хотя двигался я медленно, было это отнюдь не неприятно. Вообще-то оказалось, что я вполне получаю удовольствие — впечатляющие пейзажи и все такое. Ночью, конечно, я не выспался, но тут, на воде, это, казалось, не имеет особого значения. На полпути я сделал паузу передохнуть. Затем, мирно покачиваясь на солнышке, принялся размышлять о замечании Брайана насчет моего нового «катания на лодке». Я понял, что он, должно быть, видел меня накануне на озере, и меня поразило, до чего мало тут в округе можно сделать такого, о чем бы кто-нибудь не знал. Словно бы подтверждая эту мысль, мой взгляд привлекло какое-то движение у дома мистера Паркера. Я увидел, как он подъезжает на пикапе с прицепом, на который мы погрузили

единственную лодку. Но к мосткам он ее не повез, а направился к большому сараю, у которого и скрылся из виду. Еще несколько минут я отдыхал, а затем погреб снова. Я почти рассчитывал, что он выйдет меня встретить, когда я подплыву, но после бесплодного ожидания у берега я решил привязать лодки к мосткам и возвращаться за остальными тремя. При этом я быстро пришел к заключению, что математика у Брайана не сходится. Дело же было не только в том, чтобы с каждой ходкой перегнать три лодки, поскольку на одной мне нужно вернуться на другой берег. А это значит, что следующим рейсом я буду переправлять сюда четыре лодки. Учтя это, я собрался с силами и погреб обратно, особо не напрягаясь. Добравшись, *я не* обнаружил там и следа Брайана, а потому сам собрал оставшиеся лодки и снова отправился в путь, даже не передохнув. Оказалось, это ошибка. На полпути через озеро я стал понимать, что совершенно вымотан. Заболела спина, ныли плечи, не говоря уже о волдырях на ладонях. Эта переправа лодок туда-сюда, может, и началась как задача вполне приятная, но теперь все превратилось в неотступную тягостную муку. Все равно теперь я уже вряд ли мог прервать это путешествие. Конец был почти уж виден, поэто-

му выбора мне не оставалось — только грести дальше. Когда я наконец добрался до берега, там стоял мистер Паркер и ждал меня.

— Это они все, нет? — спросил он, когда я привязывался.

— Угу, — ответил я. — Вся компания.

— Хорошо.

— Оставить их привязанными к мосткам?

— Нет. Думаю, мы их на берег вытащим, пока оба тут.

— А, — сказал я. — Ладно.

Выволакивая шесть лодок на сушу, я лишился последних сил, однако мистер Паркер со мной, похоже, еще не закончил.

— Ну что ж, — сказал он. — Мы видели, как вы умеете обращаться с кисточкой. А как у вас с молотком и гвоздями?

— Э… ну, неплохо, — ответил я. — Наверное, уместным словом будет «компетентен».

— Так гвоздь прямо вобьете, нет?

— По большей части — ага.

— Потому что у нас для вас еще работенка есть, если интересует.

— И что же это?

Он показал на мостки.

— Тут вот доски надо заменить.

— А, да, — сказал я. — Это я заметил. Могут провалиться в любой миг.

— Так вы, значит, полностью согласны, что эту работу нужно сделать?

— Довольно скоро надо будет этим заняться, да.

— Ну, у нас в сарае досок много. Их только напилить по размеру надо, вот и все. Когда-нибудь работали на циркулярной пиле?

— Нет, не работал. Извините.

— Это ничего, — сказал он. — Мы вас скоро натаскаем. Так вам интересно?

— Ага, попробовать я не против, — ответил я. — Только сначала мне отдохнуть немного не повредит.

— Ладно. Тогда завтра нам и начнете, если не против.

— Ну да.

— Кстати, на верхнем дворе есть трейлер. Можете пользоваться, если хотите.

— О, да нет, спасибо, — сказал я. — Меня вполне и палатка устраивает.

— Там и горячей воды хоть залейся, — добавил он.

— Вот как?

— Конца-краю не видать. Берите, сколько душе

угодно.

— О… э, ну, в таком случае, да, хорошо. Спасибо.

— Насчет оплаты уговор тот же самый, конечно. Почините мостки и живите за так.

Что-то в этой сделке не сходилось, но и умом я совершенно выдохся и никак не мог сообразить, почему. Затем мистер Паркер объявил, что ему надо куда-то по делам, а я в трейлер могу заселиться сразу.

— Располагайтесь как дома, — сказал он, перед тем как уехать.

Сложив палатку, я поднялся на верхний двор. Прибыв туда, первым делом обратил внимание, что нефтяных бочек у калитки стало больше. В последний раз я насчитал двенадцать, а теперь появилось еще несколько, и их стало почти двадцать. Мистер Паркер явно пополнял свою коллекцию.

В дальнем углу я нашел трейлер. Внутри он был очень чист и опрятен, вполне просторен, обшит деревянными панелями и снабжен старомодными газовыми лампами. Я положил сумку на складную постель и сам плюхнулся рядом, собравшись вытащить то и се. Но прежде глянул на стопку журналов рядом на шкафчике. Все

они были экземплярами местного издания под названием «Газета торговца», и я взял один и принялся листать.

Бумага была дешевой, но шапка трубила о тираже в несколько тысяч. Внутри страница за страницей были набиты товаром на покупку и продажу. А также имелись обширный раздел частных объявлений, реклама аукционов, распродаж в покрытие долгов и прочих грядущих публичных торгов. На центральном развороте — реклама теплиц и сараев для садовых инструментов с размытыми снимками того, как они выглядят в собранном виде. Где-то ближе к концу я обнаружил особые скидки на почтовые заказы сверхпрочной кожаной обуви, цена на каждый изображаемый предмет проставлена в звездочке над всеобъемлющими словами «ВСЕ РАЗМЕРЫ: М И Ж».

Я зачем-то начал проглядывать частные объявления — посмотреть, продаются ли какие-нибудь лодки и за какую сумму они готовы сменить хозяина. Я пробежал глазами первую колонку, затем вторую…

* * *

Когда я проснулся, уже стемнело, а где-то поблизости раздавался стук. Какой-то миг я не мог сообразить, где я. В руках у меня — журнал, а левая нога затекла. Стук раздался снова. Вспомнив, что нахожусь в трейлере, я на ощупь добрался до двери и открыл ее. В потемках стояла Гейл Паркер.

— Вы знаете, как на это ответить? — спросила она, святя мне в лицо фонариком.

У нее в руке я разглядел школьную тетрадку — она держала ее раскрытой на некой странице.

— Ничего не видно, — сказал я. — А эти лампы работают?

— Должны, — ответила она. — Дайте гляну.

Я сделал шаг в сторону, и она зашла в трейлер и взялась что-то нашаривать. Потом я услышал, как открывается вентиль газа. Она чиркнула спичкой, и зажглась лампа над умывальной раковиной. Теперь я увидел, что Гейл опять без школьной формы. Зажегши другую лампу, она повернулась и протянула мне тетрадку.

— Четвертый вопрос, — сказала она.

Я его прочел. Написан он был женским почерком.

4). Как называется отношение длины окружности к ее диаметру?

Я глянул и на другие вопросы на странице — кое на какие уже попытались ответить. Затем поднял голову и увидел, что Гейл не сводит с меня глаз.

— Так вы ответ знаете или как? — спросила она.

— Да, — сказал я. — Пи.

Спи?

— Нет. Пи. Это по-гречески, кажется.

— Как пишется?

— Просто ПЭ… и.

— Ладно. — Она села на складную кровать записать ответ. — Спасибо.

— Так это ваше домашнее задание, да? — поинтересовался я.

— Да, — ответила она. — Геометрия. Папа сказал, что лучше всего спросить у вас.

— А, — сказал я. — Так он знает, что вы здесь, правда?

Она неопределенно кивнула.

— Ага… А тут правильно? — Она показывала на следующий вопрос.

— Ну почти, только вы «гипотенуза» неверно написали.

Я подсел к ней и взял ее карандаш, правиль-

но написал это слово на внутренней стороне обложки.

— Спасибо, — сказала она. — А с другими вопросами как?

— Я вам так скажу, — сказал я. — Давайте-ка вы мне это оставите, а я все прогляжу. Когда сдавать нужно?

Послезавтра.

— Хорошо, значит, я вам ее отдам завтра вечером.

— Ладно, — улыбнулась она. — Спасибо.

Она встала и нацелилась к выходу.

— А вы не слишком… э… взрослая, чтоб до сих пор в школу ходить? — спросил я.

— Это я выгляжу старше, — ответила она. — Бросить могу, когда исполнится шестнадцать.

— И когда же это?

— На Пасху, — сказала она. — Ладно, еще раз спасибо. Пока.

— Ага. Пока.

И миг спустя она удалилась. Я собирался у нее спросить, который час, но почему-то так и не собрался. Через некоторое время со дна сумки я выкопал свои часы и обнаружил, что уже девять. Это значит, паб открыт еще всего два часа! Я напустил в раковину немного воды быстро умыться, и

вода с полминуты бежала бурая, а только потом посветлела. Но оставалась при этом холодной, и я осознал, что горячая, которую мне пообещали, течь будет не из крана. Вообще, конечно, следовало сообразить. В конце концов, это же всего-навсего трейлер в углу фермы, вероятно, к нему шланг подведен от какого-нибудь флигеля. Если мне нужна горячая вода, за ней придется идти в дом. Я решил все это выяснить утром, а пока умыться холодной.

Немного погодя я был готов к выходу. Неурочный сон меня освежил, несмотря на все мои труды, поэтому в паб я снова направился пешком. И тут меня поразила мысль, что я уже несколько дней никуда не езжу на мотоцикле — вот только днем перекатил его на верхний двор. Двигатель пора бы уже и погонять где-нибудь хорошенько. Но все равно недостаток использования я компенсирую, когда через день-другой снова пущусь в путь. Вряд ли ремонт мостков займет дольше.

Все разговоры во «Вьючной лошади» тем вечером вертелись вокруг того, как Брайан Уэбб отыскал пропавшие лодки. Я слышал, как историю эту повторили несколько раз за вечер, когда в нижний бар заходили новые люди и требовали, чтобы им все рассказали в подробностях. Вновь и

вновь он излагал события, приведшие к первому обнаружению: как он обычно в это время в окно не смотрит, вот только Дикин ему опять не то молоко оставил. Я заметил, что в более поздних версиях истории Брайан уже сам заходит в воду подтянуть лодки, а не просто «конец на них накидывает», как он описывал это прежде. Что ж, он эту привилегию заслужил. Случай превратил его на время в мелкую знаменитость, и он вправе приукрашивать факты, как пожелает. После множества рассуждений о том, как лодкам вообще удалось удрать, общее мнение склонилось к тому, что, должно быть, порвался швартовый конец. Никто и упомнить не мог, когда его в последний раз меняли, если вообще меняли когда-нибудь.

— Там у них стоянка уже много лет, — заметил Брайан. — Но я понятия не имею, когда ее там устроили.

— Ну, якорь-то потерялся теперь, — сказал другой выпивоха. — Придется новый забрасывать.

Последовала вторичная дискуссия касаемо Дикина и того, как он иногда путает заказы. Барный табурет в конце стойки был, как обычно, занят, и его обитатель тоже высказался по этому поводу.

— Ну, если вы меня спросите, — сказал он, — то Дикин слишком много на себя взял. Хочешь не

хочешь, а порой ошибешься.

— Справедливо замечено, — ответил Брайан. — Но почему он всегда только *мое* молоко путает?

Это вызвало определенный смех в баре.

— Так ты позвонил Пиктоллу его перехватить? — спросил кто-то.

— Позвонил — после того, как вытащил лодки на берег, — сказал Брайан, — только мне сказали, что он уже был и уехал.

— И что ты тогда сделал?

— Позвонил на молочную ферму и оставил ему сообщение. Если до полуночи не доставит мне мое гомогенизированное, я отменяю все будущие заказы.

Снова все рассмеялись, и Брайан торжествующе направился к доске для дротиков. Затем, едва для вечерней игры вынули комплекты дротиков, по пабу снова полетел шумок.

Судя по всему, в верхний бар прибыл Томми Паркер.

4

Я об этом узнал, когда Тони перегнулся через стойку и сказал:

— В насосе для вас еще пинта «Экса», когда будете готовы.

— А это еще откуда? — спросил я.

Он поднял брови и слегка склонил голову, вынудив меня перевести взгляд ему за спину. У стойки в верхнем баре я увидел мистера Паркера — он беседовал с хозяином и одним-двумя местными. Заметив, что я на него смотрю, он кивнул и мирно улыбнулся.

— Из любезности вашего начальства, — сказал Тони.

— Э… вообще-то он мне не начальство, — сказал я. — Я ему просто подсобляю с тем и этим, только и всего.

Тони улыбнулся.

— Как скажете.

Я не был единственным, кому перепало от щедрот мистера Паркера. Пинта в насосе, судя по всему, ждала и Брайана Уэбба. Человек на барном табурете тоже одну получил, хоть и не

сыграл никакой роли в поимке гребных шлюпок. За последние пару дней я выяснил, что звать его Кеннет и он какой-то механик. Это я угадал по числу разговоров, которые он вел об автомобильных двигателях. Ему постоянно задавали вопросы о карбюраторах, свечах и антифризе, и на них он всегда отвечал:

— Ну прикати мне как-нибудь, я гляну.

Вскоре после получения новой пинты Кеннет отволок ее в верхний бар, объявив, что ему надо «Томми повидать насчет кой-чего».

Вечер продолжался, и я время от времени поглядывал туда, где давал аудиенцию мистер Паркер, и меня поразило, насколько важно, казалось, здесь его присутствие. Люди все время подходили с ним поговорить, после чего возвращались на места с такими лицами, словно исполнили их глубочайшее желанье. Через полчаса или около того показалось уместным угостить и его в ответ на ту выпивку, которой он угостил меня, поэтому я попросил Тони уточнить, что ему нравится.

— Он с вами светлого элю выпьет, если вас устраивает, — последовал ответ.

Выглядело это весьма разумно, и я с удовольствием отсчитал цену выпивки. Однако очень удивился, когда Тони вернулся с сообщением от

мистера Паркера.

— Он спрашивает, есть ли у вас тот фунт, что вы ему должны?

— Э… ах да, — сказал я. — Про него я совсем забыл.

Я отдал деньги, и Тони отнес их в верхний бар. Происшествие было б неловким, но внимание большинства в пабе теперь сосредоточилось на дротиках, и никто ничего не заметил. Я решил выкинуть это из головы, пошел и записался мелом на игру.

Немного погодя Тони дал понять, что наконец потребили последние капли «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького», и осталось только пиво в кегах и бутылочное. Я взглянул на свой пустой стакан и задумался: хорошо, что через пару дней я уезжаю.

Возвращаясь после закрытия паба к кемпингу пешком, я снова услышал из-за озера дальний перезвон. Да, это совершенно точно «Полфунта киселя». Мгновение спустя я краем глаза углядел и далекую машину с ее слабо светившимися огоньками. Она ехала по дороге где-то возле дома Брайана Уэбба.

* * *

Наутро я обнаружил мистера Паркера в большом сарае, в фонтанах голубых искр. Их сопровождал резкий треск. Какое-то время я понаблюдал, прикрыв глаза, пока искры не погасли. Затем разглядел, что к переду своего прицепа он приваривает нечто вроде лебедки. Также похоже было, что и в сарае он немного навел порядок. Лодка, которую мы привезли накануне, теперь покоилась поблизости на деревянных чурбаках, а вокруг нее место было довольно-таки расчищено. Увидев, что я стою в дверях, он опустил свою сварщицкую маску.

— Утро, — сказал он. — Вот подумал, сделаю-ка, пока время есть.

— Похоже, может пригодиться, — заметил я.

— Да, лебедка может быть очень полезной. Через минутку я закончу. Передайте-ка мне новый стержень, будьте добры?

Я постоял и поглядел, как он заканчивает работу, а потом он отодвинул сварочный аппарат. pnfesTaK, ну проверим быстренько.

На барабан лебедки был намотан отрезок троса с крюком на конце. Мистер Паркер вручил мне крюк и велел тянуть через весь сарай футов трид-

цать. Потом завертел ручкой и притянул меня обратно, пока крюк не уперся в кожух лебедки.

— Похоже, нормально работает, — сказал он. — Ну что, на пиле готовы учиться?

— Всегда готов, — ответил я.

— Хорошо. Я переставлю трактор, и можем ее присобачить.

Циркулярная пила по-прежнему висела на тяжах там, где мы ее оставили. Мистер Паркер влез в трактор, завел его и вырулил на нужное место. Я видел, что на пиле есть точки крепления, которые, надо думать, соответствовали таким же сзади трактора, только я, к сожалению, не знал, что куда вставлять. В результате почти все подсоединение мистеру Паркеру пришлось проводить самому, а это значило, что он несколько раз вылезал из трактора и влезал в него. По ходу процесса случались такие моменты, когда я думал, что он поддастся раздражению. От досады он повышал голос, отдавая мне распоряжения, и это, казалось, указывает на подступающий кризис. Беда в том, что я никогда раньше подобной техникой не управлял и мало соображал, как она работает. Мистер Паркер, напротив, очевидно, поднаторел в таких делах и не понимал, почему мне это трудно. Даже когда он попросил меня слегка опустить

пилу, мне удалось дернуть не в ту сторону, и она взлетела выше, а не опустилась, отчего он еще сильнее взъелся.

Однако через десять минут мы подсоединили пилу к трактору как надо, и он снова успокоился. Обошел весь механизм с тавотным шприцем, смазал все подшипники. Наконец обратился ко мне.

— Так, не мне вам говорить, что это — очень опасное оборудование, — сказал он. — Поэтому, думаю, нам лучше начать с короткой демонстрации.

Он махнул, чтоб я отошел в сторону, после чего сунул руку в кабину трактора. Я услышал стук — это он включил передачу, — и огромное лезвие тут же завертелось. Отрегулировав скорость двигателя; он взял доску с ближайшего штабеля. Покрепче упершись ногами, провел доску поперек лезвия, разрезая ее надвое.

Повторив так пару раз, он отошел и дал попробовать мне. Затем показал, как пилить точно по размеру, отрегулировав, что надо. Все это время он мне напоминал, чтобы я держался подальше от лезвия, потому что, как сам он отметил, тут недостает защитного кожуха.

— Где-то в прошлом, должно быть, потерялся, —

было единственным объяснением с его стороны.

Он выключил двигатель, и лезвие медленно докрутилось и замерло. После чего мы с ним принялись грузить доски на прицеп, пока не навалили их достаточно, чтобы заменить все старые на мостках.

— Раньше трактор водили? — спросил он.

Нет, ответил я, не водил. Затем последовал краткий урок по вождению трактора. Наконец, мы были готовы ехать. Я медленно вел трактор к озеру, а мистер Паркер ехал за мной в своем пикапе с грузовым прицепом. Когда прибыли к мосткам, он достал из кабины несколько инструментов. В их число входили молоток, небольшая монтировка и ножовка. Еще там был ящик с гвоздями.

— Так, — сказал он. — Я просто помогу вам начать, а дальше уже сами.

Он схватил монтировку и вогнал ее под первую доску мостков, после чего умело поддел с подвывертом. Раздался скрежет, и доска приподнялась. Затем он повторил действие с другого конца. Мгновение спустя доска отстала, и он отшвырнул ее в сторону, после чего приступил к следующей.

Убрав так три или четыре, он повернулся ко мне и сказал:

— Ну, это довольно просто. Наверно, могу теперь и на вас оставить. С пилорамой поосторожней, нет?

— Постараюсь, — ухмыльнулся в ответ я. — Иначе только я об этом и пожалею.

Он неопределенно улыбнулся и кивнул мне, а потом залез в грузовичок и уехал. После этого я взялся за монтировку и принялся отдирать следующую доску. И тут же обнаружил, что задача эта не так-то проста, как выглядело у мистера Паркера. Потребовалось несколько попыток, только чтобы правильно ввести ломик, но даже тогда доска отказывалась уступать без борьбы. Когда же наконец она оторвалась, то разломалась на несколько кусков. Я вновь осознал, что мистер Паркер гораздо сильнее меня, хоть, наверное, и лет на двадцать старше. Скорее всего, он занимался тут в округе физическим трудом всю свою жизнь, и это было видно. Инструменты и оборудование, казалось, послушны у него в руках, мне же постоянно приходилось возиться то с одним, то с другим. Но все равно у меня складывалось ощущение, что работа станет проще, когда я к ней привыкну, вот я и работал дальше. Через час я успешно отодрал где-то дюжину досок. Тот, кто в самом начале их сюда прибивал, постарался

уж точно на славу, и многие гвозди оказались особенно упорны, хоть и довольно сильно заржавели. Тем не менее я начал их одолевать. Решил, что пора напилить себе новых стройматериалов. Я завел трактор, пару раз обошел его вокруг, удостовериться, что все выглядит как надо, и затем включил передачу. Лезвие пилы завращалось, а я взял из кучи одну доску и отмерил нужную длину и ширину, взяв за образец одну старую доску. Затем начал пилить. К моему удивлению, первая деревяшка вышла в точности нужного размера. Я был так этим доволен, что остановил пилу и сразу пошел на мостки ее прибить. Мне вдруг нарисовалось, как будет выглядеть законченная работа. Я перестраивал мостки на берегу озера и вдруг осознал, что так оставляю свой след в этом месте. Если я сюда когда-нибудь вернусь — выйду к воде и осмотрю произведение своих рук: как оно выдерживает стихию. Может, покажу эти мостки кому-нибудь и скажу: «Это я построил».

Ну или перестроил.

Все оставшееся утро я пилил доски и прибивал их на место, а потом отдирал понемногу старые. Шли часы, и мне постепенно становилось ясно, что это дело не такое уж и быстрое, такое за день не состряпаешь, только теперь, казалось, это уже

не важно — мне работа вполне нравилась. Я понятия не имел, сколько мистер Паркер намерен мне за нее заплатить, поскольку этот вопрос мы с ним не обсуждали, но я предполагал, что цифра у него в голове основана на том, сколько времени у меня уйдет на завершение. Несомненно, я об этом узнаю своим чередом. Меж тем я несколько проголодался, а потому поднялся к трейлеру что-нибудь съесть. Не было видно ни мистера Паркера, ни его пикапа, поэтому я рассудил, что он уехал по каким-то делам. В его отсутствие во дворе казалось очень тихо. Какой-то миг меня подмывало сходить и пошарить у него в большом сарае — посмотреть, что еще у него там хранится, — но я решил этого не делать: вдруг он вернется. Вместо этого я пешочком дошел до озера и вновь взялся за работу.

Где-то через час я, когда как раз деловито пилил, вдруг осознал, что у меня гость. Я повернулся выбрать новую доску из кучи — и понял, что у деревьев стоит пожилой человек, наблюдает. Однако он меня никак не поприветствовал, поэтому я продолжал делать, что делаю. Объединенный шум трактора и циркулярной пилы как-то отъединял меня от всего остального мира, а кроме того, я не сводил глаз с вращавшегося лезвия. В

результате я понятия не имел, сколько он там простоял. Вероятно, набрел на меня случайно, выйдя прогуляться вдоль озера. Я рассчитывал, что теперь он в любую минуту пойдет дальше, но, когда снова глянул на деревья, увидел, что он, напротив, подошел чуть ближе. Немного погодя он стоял уже так близко, что *я* не мог ему не кивнуть дружелюбно. Он ответил тем, что протянул мне следующую доску и подержал ее, пока *я ее* замерял. Затем, пока я ее пилил, он взял образец и разметил мне еще одну доску наперед. А за ней — и другую. Это сэкономило мне сколько-то времени, и через несколько минут у меня было готово еще несколько досок. Я вырубил пилу и выключил двигатель трактора, а когда шум стих, повернулся к старику.

— Спасибо, — сказал я. — Вы мне здорово помогли.

— Самое время было это сделать, — ответил он.

— Да, — согласился я. — Оставлять все так было бы небезопасно.

— Это должен был сделать другой малый, пока здесь был.

— Какой другой малый?

— Тот, что с лодками помогал.

— А, — сказал я. — Вы про Брайана Уэбба.

— Дурень, что в картонной короне ходит?

— Э… да.

— Нет, — сказал старик. — Я не о нем говорю.

— Ну, — ответил я. — Вообще-то я тут никого другого не знаю.

Он раздраженно покачал головой.

— Тут летом малый был — должен был за лодками приглядывать. Никчемный лентяй он, вот что.

— Вот как?

— Пальцем не шевельнул.

— А, — сказал я. — Я не знал, что у них этим кто-то занимался.

— Как только пришла пора по-настоящему работать, так он фьють, и все. Успел только эту хижину покрасить, а сами видите, как при этом насвинячил.

Я глянул на хижину и вспомнил, с какими трудностями мы пару дней назад открывали люк.

— Да, — заметил я. — Я обратил внимание, что работа немного небрежная.

— Немного небрежная? — рявкнул старик. — Да его к кисти на пушечный выстрел подпускать было нельзя!

— Ну, наверное, нет.

— Вы, я погляжу, гораздо лучше справитесь.

— Спасибо.

— Жаль только, что пришлось зеленку на въезде у Паркера разлить.

— О… э… да.

— Но все равно вам хотя бы ума хватило нарисовать там квадрат.! — Теперь он перевел взгляд на кучу досок. — Хороший это стройматериал.

— На самом деле я в этом ничего не понимаю.

— Ну, тогда поверьте мне на слово, сказал он. — Хороший.

Вскоре после я вновь принялся за мостки. Пожилой мужчина, казалось, разбирался в столярном деле и задержался немного мне подсобить — укладывал доски и время от времени тут и там добавлял лишних гвоздей. День длился, тем не менее, и он постепенно стал выказывать признаки усталости, а в итоге убрел прочь, сказав мне, что у меня получается «прилично». Я поблагодарил его за помощь и попрощался с ним перед тем как он скрылся за деревьями. Затем вернулся к работе.

Свет уже меркнул, когда на своем пикапе появился мистер Паркер. Выбрался из кабины и взошел на мостки, пробуя ботинком новые доски и вообще тщательно все инспектируя. Я меж тем наблюдал за ним и ждал приговора.

— Я думал, вы немного больше успеете, — наконец сказал он.

— Завтра должен закончить, — ответил я.

— Тогда ладно. А вы трактор в сарай на ночь не загоните, пожалуйста?

— Хорошо.

Он подошел к пикапу и взял тавотный шприц, а потом еще раз обошел всю технику и обработал все движущиеся части. Когда он закончил, я завел трактор и двинулся на нем к сараю. Когда же вернулся к трейлеру, тьма уже сгущалась, и у меня было чувство, что сегодня я поработал хорошо. Я выпил чаю, после чего направился к дому узнать про горячую воду и прихватил с собой домашнюю работу Гейл Паркер. Дверь мне открыла она.

— Вот, пожалуйста, — сказал я. — Теперь ошибок быть не должно.

— Спасибо, — сказала она, улыбнувшись, и отложила куда-то тетрадь, даже не глянув на нее.

— А можно ли где-то добыть ведро горячей воды, помыться?

— Можете взять в котельной, — ответила она. — Секундочку.

С крючка она сняла ключ и повела меня вокруг дома к другой двери снаружи. Отомкнув ее, она вошла и зажгла свет.

— Вероятно, для вас тут будет слишком жарко, — заметила она, когда я вошел за ней следом.

При тусклом свете я разглядел посреди помещения большой котел — он подрагивал под черным алюминиевым дымоходом. В потолок уходило несколько водопроводных труб, а в одну был врезан кран.

— Ведро есть? — спросила Гейл.

— О, — сказал я. — Э… нету.

— Тут есть одно.

Я повернулся и увидел в углу ведро, пошел за ним. В тот же миг Гейл протиснулась мимо меня за тем же самым.

— Извините, — сказал я, когда мы с ней столкнулись.

— Это ничего, — сказала она, с улыбкой вручая мне ведро. — Вам потом еще понадобится?

— Еще — что?

— Горячей воды.

— Может, и да, — ответил я.

— Ага, я тогда посмотрю, не найдется ли запасной ключ.

— Спасибо.

Она оставила меня наливать воду в ведро, а сама вышла. Я подумал, что она сразу вернется, поэтому немного подождал, но через десять ми-

нут она не появилась. В итоге я сдался и вернулся в трейлер, а там насладился роскошью первого за несколько дней мытья и бритья в горячей воде. Потом за ужином почитал «Газету торговца» и отправился на вечернюю прогулку.

Еще днем я решил, что мило будет навестить и другой паб Миллфорда, пока я отсюда не уехал, ну, просто обстановку сменить. Не заходил я туда, потому что выглядел он не таким оживленным, как «Вьючная лошадь», а обслуживал, казалось, более застойную публику. Тем не менее мне показалось, что попробовать стоит. Назывался он «Перезвон» и располагался на противоположной стороне площади, рядом с лавкой Ходжа.

Меня отнюдь не удивило, что Ходж там оказался в числе немногих посетителей. Когда я вошел, он меня как-то признал и что-то пробормотал хозяину, а потом кивнул мне. Сидел он в конце стойки со стаканчиком виски. Немного поодаль другой табурет занимал еще один мужчина, пара человек сидела у окна, но, кроме них, тут больше никого не было. Хозяин, впрочем, выглядел вполне дружелюбным и, едва завидев меня, снял с полки пивной стакан.

— Пинту чего? — спросил он.

— Есть «Топэмовский» «Эксцельсиор»?

— Боюсь, нет, — сказал он. — Тут на него маловато спроса.

— О, тогда ладно, — сказал я. — Пинту лагера, пожалуйста.

— Это мигом.

Пока хозяин мне наливал, Ходж решил завести беседу.

— Сегодня на мотоцикле? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Предпочитаю пешком.

— Нечасто на нем ездите, да?

— В короткие поездки — нет.

— Я вас на нем уже несколько дней не видел.

— Ну да, я был занят.

— Так, а я думал, вы в отпуску.

— Да, вы правы, — сказал я. — Я в нем.

Сказать правду, этот тип Ходж меня как-то раздражал, и я уже начал жалеть, что вообще зашел в «Перезвон». В конце концов, в смысле атмосферы этот паб — так себе. Доски для дротиков нет, шумного типа в картонной короне тоже — Ни никакой тонкой разницы между верхним и нижним баром. Тут только сидят эти люди, тянут себе виски да задают банальные вопросы. Ладно, «Вьючная лошадь», допустим, тоже не центр галактики, но уж гораздо лучше «Перезвона» в смысле развлечений. Я провел там скучный

вечер, размышляя, каково было бы тут жить, окажись этот паб единственным, и сделал мысленную зарубку сюда больше не возвращаться.

* * *

Наутро я уже был у озера спозаранку — решил доделать мостки тем же днем. Когда выезжал на тракторе, заметил, что мистер Паркер выглядывает в кухонное окно, однако на улицу он не вышел. Вообще-то я его до вечера толком *и не видел.* А меж тем ремонт у меня двигался. Я уже вполне наловчился отдирать старые доски и управлялся с циркулярной пилой уверенней. Где-то днем снова объявился старик — и вскоре опять уже помогал мне. Не знаю, вернулся ли он специально или просто случайно шел мимо, но так или иначе работа с ним двигалась значительно быстрее. В то же время не возникал вопрос, нужно ли мне будет отблагодарить его за старания. Насколько я мог понять, помогал он мне оттого, что, как и мне, ему больше особо нечем было заняться. Работу мы завершили перед самыми сумерками, и вновь он убрел прочь, не попрощавшись. После этого я принялся складывать инструменты и собирать оставшиеся доски, отвезти во двор. Наконец все было сделано, и я вышел, встал на конце мостков

и поглядел через озеро.

Еще днем я заметил перемену в погоде. Судя по всему, с солнцем было покончено, а теперь поднимался и ветерок. Вода выглядела серой, а это уже не предполагало, что лодочные прогулки днем окажутся приятными. Небо тоже посерело, и пустоши вроде бы прямо-таки теснились вокруг. Мне пришло в голову, что самое время двигаться дальше. Немного погодя я услышал шум двигателя, повернулся и увидел, что на берег выезжает грузовичок мистера Паркера. В кузове было навалено несколько пустых бочек. Он подъехал и вышел ко мне на мостки.

— Вы говорили, что завтра уезжаете? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Таков, во всяком случае, был план.

— Ну, вам тогда нужно пораньше выезжать, — сказал он. — Дождь надвигается.

— Да, мне тоже показалось, что выглядит мрачновато.

— Синоптик говорит, изобары смыкаются.

— Вот как?

— 978 уже — и быстро падает.

— А, — сказал я. — Ну да.

Мистер Паркер всматривался в противополож-

ный берег озера, но теперь провернулся ко мне.

— Вы же тут дождей не застали, нет?

— Как-то на днях немного покапало, да.

— Это еще что, — сказал он. — Вы тут, считайте, и не бывали, если не видели настоящих дождей.

— Да, наверное, нет.

— Еще как хлещет.

— Могу догадаться.

— Поэтому на вашем месте я б выезжал пораньше.

— Ладно.

И с этим он повернулся и двинулся обратно к грузовичку. Мы уложили оставшиеся доски между нефтяных бочек, после чего он отъехал, а я тронулся за ним на тракторе.

Меня слегка разочаровало, что он ни словом не обмолвился о том, сколько намерен мне заплатить, но мне пришло в голову, что спешки особой нет — я же уезжаю только завтра.

Однако больше разочаровало то, что он ничего не сказал о качестве моей работы. Слишком-то меня это не беспокоило, но было б мило, скажи он об этом хоть что-нибудь. Хотя б отметь, что я все доски ровно напилил.

Тут я сообразил, что для него-то все это наверняка дело обычное, просто еще одна работа

выполнена и не путается под ногами. Для него распоследнее дело — осыпать кого-то похвалами за то, что он немного по-столярничал.

Сложив все в сарай, однако, он задержался у дверей.

— Я тут подумал, — сказал он. — Вероятно, я вам что-то должен за ту работу, что вы мне сделали.

— Э… ну, вообще-то не важно, — ответил я.

— Да нет, это важно, — объявил он. — Беспечно было с нашей стороны не договорится, как полагается, в самом начале.

— Видимо, да.

— Поэтому до вашего отъезда я правда вам должен что-то дать.

— Ну.

Он показал на зеленую бензоколонку у сарая.

— Как вам понравится, если я вам бак наполню?

— *О…* ладно, — сказал я. — Если вас устраивает.

— Конечно, устраивает, — сказал он. — Хотя бы это я могу вам предложить.

Я сходил и прикатил свой мотоцикл, и он выжал ему в бак два с половиной галлона.

— Спасибо, — сказал я.

— Не стоит, — ответил он. — Надеюсь, в трейле-

ре вам удобно, нет?

— О, — быстро сказал я. — Да, это было с вашей стороны очень любезно.

— Это хорошо.

Он запер колонку, после чего повернулся ко мне.

— Ну вот. В общем, мы можем не увидеться, когда вы уедете, поэтому хорошей вам дороги и приезжайте еще, если сможете.

Мы пожали друг другу руки, и он пошел к дому, где, как я заметил, внутри уже к вечеру зажгли свет. От этого дом смотрелся очень теплым, уютным, а остальной двор по сравнению выглядел достаточно уныло. Дойдя до своего трейлера, я сообразил, что ветер становится сильней. Где-то в сгущавшемся сумраке я слышал неравномерный лязг — вероятно, где-то на крыше большого сарая оторвался какой-нибудь лист гофры. За следующий час я несколько раз выходил и старался понять, откуда точно раздается этот шум, но вскоре стемнело уже так, что ничего не разглядишь. Я решил, что, видимо, ничего страшного все равно не происходит. Мистер Паркер, несомненно, в курсе и, когда дойдут руки, все починит. Я же взялся готовить себе ужин. После этого я собирался сложить все вещи и прикинуть, что мне

понадобится на следующий день в дорогу. Одна штука имела особое значение. Где-то на дне сумки у меня завалялся непромокаемый комплект, и я был рад, что не забыл прихватить его с собой.

Снаружи собиралась мокрядь, и странно было вспоминать, что, когда я только приехал, ощущение здесь было летнее. Казалось, это случилось так давно, хотя на самом деле еще и двух недель не прошло. Я пытался вообразить, какой здесь будет целая зима, и тут в дверь трейлера постучали. Там стояла Гейл.

— Я вам принесла запасной ключ от котельной, — сказала она.

— О, спасибо, — ответил я. — Э… вы же знаете, я завтра уезжаю, правда?

— Ага, но я подумала, вам сегодня вечером горячая вода понадобится.

— А, ну да. Ну, все равно спасибо.

Она по-прежнему стояла в дверях.

— Что-то еще? — спросил я.

— Да, — сказала она. — В школе сочинение задали, а я не знаю, что писать.

И тут порыв ветра поймал дверь и хлопнул ею о трейлер.

— Зайдите-ка, — сказал я. — На улице холодает. Она вошла, а я протянул руку и закрыл дверь.

— Так о чем сочинение?

— Тема такая: «Где я живу».

— Так называется?

— Ага.

— Ну, — сказал я. — Я бы решил, что тут все вполне прямолинейно.

— Почему?

— Потому что вы живете в довольно интересном месте, правда? С пустошами, овцами и прочим. Да еще озеро.

— И что тут интересного?

— Ну, вообще-то ничего, наверное. Но описать это все будет довольно несложно.

— Так что мне тогда в нем писать?

Пока мы разговаривали, я осознал, что у нее в руке черновая школьная тетрадь. Теперь она ее открыла и встала наготове с карандашом.

— Вам надо что-нибудь подсказать, да?

— Пожалуйста, — сказала она.

— Ладно, начать можно так: «Я живу в таком месте…» Нет, постойте. «Место, в котором я живу, — это…» Э… может, вам лучше будет сесть.

— Ну ладно.

— Я вам вот что скажу — вы сядьте там, а я постою тут.

— Хорошо.

Она села на складную постель, а я передвинулся в противоположный угол трейлера, после чего продолжил:

— Так, готовы?

— Ага.

— «Место, в котором я живу, отлично от многих других мест».

Я умолк, пока она записывала.

— Нет, постойте. Замените это на «отличается от многих других мест».

Она поцокала языком.

— А вы б не могли сами это написать, а я потом перепишу?

— Что, вы хотите, чтоб *я вам* все сочинение придумал?

— Ага, — сказала она. — У вас лучше получится, чем у меня.

— Ну, сегодня вечером я собирался из дому выйти. Она улыбнулась.

— Это же для вас недолго.

— Да, наверное, нет, — сказал я. — Но вам, может, трудно будет мой почерк разобрать.

— Да нет, нормально справлюсь.

Я еще миг об этом подумал.

— Тогда ладно, я вам костяк накидаю, а вы сами потом подчистите.

— Спасибо.

— Оставлю тут на полке.

— Ну. — Она встала с кровати и пошла к двери, а оттуда опять мне улыбнулась. — Спасибо еще раз.

— Э… когда, вы говорили, вам шестнадцать исполняется? — спросил я.

— На Пасху, — ответила она.

— О, ну что ж — заранее с днем рождения.

— Спасибо, пока.

И она скрылась в ночи.

Минут сорок пять я писал это сочинение, хотя, вероятно, мог бы уложиться и в десять, если бы пришлось. Дело вообще-то плевое, как по номерам картинку раскрашивать. Я просто описал бордовые лодки, дремлющие у лесистого края озера, да высящиеся пустоши, задумавшиеся в осеннем сумраке. В конце там еще был кусочек о круглолицей луне, плывущей по звездному заднику небес, — это, мне показалось, звучит довольно мило. Затем я принес ведро горячей воды, вымылся и вышел из трейлера. Пить мне сегодня много не хотелось, поэтому я решил для разнообразия прокатиться на мотоцикле. Доехав до Миллфорда, я оставил его на площади и зашел во «Вьючную лошадь» через центральный вход.

Проходя через верхний бар, я обратил внимание, что в нем сравнительно тихо, но этот дефицит компенсировался в нижнем: тот, казалось, набит под завязку, хотя многих в лицо там я не узнавал. Едва я зашел, меня из-за стойки приветствовал Гордон.

— Хорошо, что объявились, — сказал он. — Мы сегодня с «Поденщиком» играем, так нам одного человека в команду не хватает. Не выручите?

— Ну, — ответил я. — У меня вообще-то маловато опыта в командной игре.

— Это ничего. Нам только для числа.

Я обвел взглядом переполненный бар.

— А что, никто больше играть не хочет?

— Они все из «Поденщика», — сказал Гордон.

— Ну так и я же не местный.

— Вы из-за этого не переживайте. Столько раз уже здесь бывали, что сойдете за местного.

— А. Тогда'ладно. А где вообще этот «Поденщик»?

— В Уэйнзкилле, это миль десять по дороге.

Таким вот неожиданным манером меня заарканили участвовать в полноформатном матче по дротикам Межпабной лиги. Вовсе не удивительным оказалось, что Брайан Уэбб — капитан команды «Вьючной лошади». Тони должен был

выступать вице-капитаном, но его отца куда-то вызвали, и его услуги понадобились за стойкой в верхнем баре, он помогал Гордону. Потому-то им и потребовалась моя помощь. Брайан быстро подтащил меня к себе и представил остальным членам команды, куда входил и механик Кеннет. Как выяснилось, все и без того, похоже, знали, кто я такой, и разговаривали со мной так, словно мы знакомы много лет.

Хороший получился вечер. Игроков и их болельщиков из «Поденщика» было достаточно много, чтобы матч проходил в должной состязательной атмосфере, а я, к своему удивлению, даже выиграл две игры. Кроме того, я заметил, что присутствует и довольно много женщин — включая и ту, что беседовала с Гордоном и Тони в предыдущие разы. Немного погодя я сообразил, что она — кто-то вроде играющего менеджера команды у «Поденщика», и что в тот вечер она приезжала сюда договориться о матче. Выяснить, что ее зовут Лезли, много времени не потребовало.

— Жаль, что у нас для вас «Экса» больше нет, — заметил Гордон, когда я подошел к стойке вторично за своей пинтой из кега.

— Вообще-то даже хорошо, — сказал я. — Иначе я б тут остался, наверное, навсегда.

— Ах да, — сказал он. — Точно, вы же завтра уезжаете, да?

— Таков план.

— Ну, я б на вашем месте попробовал выехать как можно раньше. На нас тут дождь надвигается.

Все более сумрачный климат за дверями «Вьючной лошади» в такой вечер легко забылся. Все, как обычно, погрязали в выпивке, и я начал жалеть, что приехал сюда на мотоцикле, поскольку это означало, что больше выпить я уже не смогу. Матч по дротикам шел своим чередом, а я меж тем начал сознавать, что Лезли вполне обращает на меня внимание. В каком бы углу бара я ни оказывался — тут же замечал, что она стоит где-то поблизости. Раз-другой я попробовал подвигаться специально — посмотреть, что произойдет, и всякий раз она переходила со мной вместе, хоть и не слишком очевидно для кого-то другого. Когда победа наконец улыбнулась домашней команде и все игроки принялись жать друг другу руки, она подошла ко мне.

— Славно поиграли, — сказала она. — Вас угостить?

— Э… нет, спасибо, — ответил я. — Еще чуть-чуть — и я за грань перехвачу. Но все равно

спасибо.

Она улыбнулась.

— Может, тогда в другой раз.

— Вряд ли, — сказал я. — Завтра я уезжаю.

— И в интересное место едете?

— Ага, в Индию.

— Правда? — Глаза у нее зажглись.

— Ну, я думал доехать туда по суше. Знаете, через Турцию и Персию, таким вот маршрутом.

— Просто фантастика.

— А вы сами много путешествовали?

— Пока не очень, — сказала она. — Все жду возможности.

— А, ну да.

— Уверены, что выпить не хотите?

— Ага, уверен… спасибо.

Про себя же я проклинал свою судьбу. Что за упущенный шанс! И надо же такому случиться в мой последний вечер здесь — и в тот единственный раз, когда я приехал на мотоцикле. Не успел я и глазом моргнуть, как Лезли ушла к своим товарищам по команде, и наша краткая беседа завершилась. Вскоре после я выскользнул из паба, не обеспокоившись ни с кем попрощаться. Теперь ветер нес с собой тяжелые капли дождя и все больше обжигал холодом. Вернувшись в «Дом на

холме», я вспомнил предложение мистера Паркера — поставить мотоцикл к нему в какой-нибудь сарай. Нужно было, конечно, сразу поймать его на слове, когда у меня была возможность, но теперь уже слишком поздно. Везде было темно, когда я заехал на верхний двор, и я догадался, что все двери будут заперты на ночь. Мотоцикл я поставил возле трейлера и вошел внутрь. Зажигая газовую лампу, случайно взглянул на полку, где оставил сочинение для Гейл. Его там не было.

5

Той ночью спал я неважно. От пива меня почему-то все время бросало в пот, и я просыпался, весь запутавшись в одеяле. Ветер тоже не способствовал. Он и дальше теребил отставший лист гофры, и тот судорожно лязгал за часом час. Вообще-то теперь казалось, что весь сарай сочувственно скрипит в такт усиливающимся порывам. Задремал как следует я только под утро, не успел опомниться — а в окно трейлера уж лился дневной свет. Заметнее, однако, было то, что по крыше барабанил дождь. Меня подмывало перевернуться на другой бок и снова уснуть, но я знал, что мне нужно отправляться в путь, пока погода не испортилась совсем. Как-то мне удалось поднять себя с постели. Последние запасы еды я израсходовал накануне вечером и теперь планировал все-таки проехать хотя бы несколько миль, а там уж и позавтракать. Я развернул дождевик. Он был сух и жёсток, и я понял, что причины его надевать мне не выпадало давненько.

Когда все было готово, я вышел на улицу и завел мотоцикл. Он простоял под дождем всю

ночь, но, к счастью, похоже, работал нормально. Затем, еще раз быстро все проверив в трейлере, я выехал. Ни в нижнем дворе, ни в самом доме, когда я катил мимо, никаких признаков деятельности не наблюдалось, да и по дороге в Миллфорд я никого не встретил. Дождь лил уже сильно, и мне пришло в голову, что путешествовать в такой день слабоумно. Но все равно у меня не было намерения менять планы. С меня уже хватило этого места, каким бы милым оно ни было, и теперь хотелось куда-то двигаться. Мне просто не повезло, что в тот день, когда я решил уехать, полил дождь. Кроме того, меня не покидало ощущение, что стоит проехать пятьдесят или шестьдесят миль, и, вероятно, погода прояснится. Через несколько минут я миновал «Вьючную лошадь» и «Перезвон», на обоих заведениях жалюзи накрепко закрыты, а потом проскочил мост и выехал на дорогу на юг. На миг заметил на другой стороне озера дом мистера Паркера, а потом и он скрылся из виду. Дальше из знакомых мест был только участок Брайана Уэбба. И снова там никого, когда я проезжал мимо. Вскоре после дождь потек мне уже по шее. Ездить на мотоцикле в таких погодных условиях — дело заведомо гиблое, и я приготовился к долгому и неприят-

ному путешествию. Где-то я читал, что озеро это — длиной миль девять, но по прежним своим поездкам знал, что по дороге расстояние намного дольше. Изгибы и повороты никак не кончались, и я покрыл больше двадцати миль, пока озеро наконец не осталось позади. Заняло это почти час — на каждом повороте дороги приходилось сбрасывать скорость. Теперь я начал забирать выше, направляясь к первому горному перевалу. При этом вдруг подумал, чего я просто не поехал из Миллфорда на север, а там не выехал на трассу. Так было бы гораздо проще, чем тащиться по этой извилистой дороге. С другой стороны, выберись я на автотрассу, пришлось бы терпеть брызги от всех этих джаггернаутов. Говоря правду, куда б я ни поехал, все равно бы промок до нитки, а на том маршруте, что я выбрал, сегодня хотя бы нет движения.

Но, к сожалению, на нем было много луж, и, переехав за перевал, я угодил прямиком в одну. В тот миг я и осознал, что дождевик мой от воды не очень защищает. Но хуже того — заглох двигатель. Несколько раз кашлянул и чихнул, а потом и вовсе отрубился. Я докатился до полной остановки, после чего пнул стартер.

Ничего.

Попробовал снова — уже с вянущей надеждой. У меня возникло подозрение, в чем тут может быть загвоздка. Оно подтвердилось, когда я снял с двигателя кожух контактов, и оттуда потекла дождевая вода. Это значило, что мне придется сидеть несколько часов и ждать, покуда контакты не просохнут.

Очень вовремя, подумал я.

Укрытия здесь никакого не было, ни деревьев, ни зданий — лишь травянистые склоны, подымавшиеся во влажный туман. Я попытался пнуть мотоцикл еще разок, но тщетно. Затем мне пришло в голову, что я могу дотолкать его куда-нибудь, где будет не так открыто. Может, даже найду какое-нибудь славное сухое кафе на самой дороге, где удастся посидеть и подождать. Но от этой мысли я быстро отказался, поскольку точно знал, что на много миль вокруг тут ничего нет, если не считать разбросанных ферм да кое-где — чьего-нибудь частного жилья. Потому и остался там, где был, и принялся ходить кругами, праздно наблюдая, как на обочине дороги вода сливается в ручейки. Время от времени мимо проезжала машина, водитель бросал в мою сторону взгляд и ехал дальше. Затем, минут через двадцать, проехал школьный микроавтобус. Он походил

на тот, в который у меня на глазах каждое утро садилась Гейл у главных ворот, но я тут же заметил, что на его пассажирах форма другого цвета. Микроавтобус сбавил ход у следующего поворота, и я уловил, что на меня изнутри смотрит дюжина розовых лиц.

Затем последовал долгий период, за который я уже начал недоумевать, что же именно мне делать дальше. Дождь не проявлял ни малейшего намерения стихать, а мотоцикл по-прежнему отказывался заводиться. Однако бросать его здесь и идти искать помощь смысла не было. В конце концов, чинить тут нечего. Ему требовалось лишь просохнуть. И вновь я подумал о том, как глупо было отправляться в путь на мотоцикле в такой день.

Прошло еще десять минут, и я услышал, что с юга приближается машина. Я глянул на поворот, и тут она появилась — я мгновенно узнал пикап мистера Паркера, с грузовым прицепом. Он остановился возле меня.

— Похоже, вы вполне привязались к этому району, — заметил он вместо приветствия.

— Мотор заглох, — ответил я.

— Я думал, вы раньше выедете.

— Я и выехал.

— Нет, — сказал он. — Это и близко не было рано. Он вышел и посмотрел на мотоцикл.

— Контакты намокли, — объяснил я.

Он кивнул.

— С этими старыми машинами вечно одно и то же. Слишком легко воду пропускают.

— Подсушить только надо.

— Ну, тут-то нипочем не подсохнет.

— Похоже на то.

— Разве что после дождичка в четверг. — Прошел миг, и тут он добавил: — Я вам так скажу, давайте-ка отвезем его домой и поставим ко мне в сарай?

— А вы не против? — спросил я.

— Нет, конечно, — сказал он. — Не здесь же вас оставлять, нет?

Я не видел, какие у меня еще варианты. Мотоцикл подвел меня так впервые. Теперь я застрял, а мистер Паркер предлагает лучшее средство, вот я и решил его принять. Через несколько минут мы погрузили мотоцикл в прицеп и поехали обратно на север. Обогреватель в кабине работал на полную мощность, и очень скоро от моего дождевика повалил пар.

— Где-то в интересном месте были? — спросил я.

— Доставить кое-что надо было, — ответил он. — Дела, дела, знаете. Удачно, что вы сломались там, где сломались.

— Ага, наверное.

— Я всегда считаю, что путешествие стоящее, если и на обратном пути груз есть.

— О… э… ну да, — сказал я. — Можно и так взглянуть.

Чуть погодя, когда мы проезжали дом Брайана Уэбба, мистер Паркер притормозил и внимательно осмотрел участок. Я не уловил, чего именно он ищет взглядом, но насколько сумел понять, его внимание сосредоточилось на грузовике с безбортовой платформой, что стоял у Брайана в голландском амбаре. Однако ничего по этому поводу он не сказал, а вскоре мы участок вообще проехали. Еще двадцать пять минут — и мы вкатились к нему на верхний двор.

— С возвращением, — сказал он.

— Спасибо.

— Если хотите, закатывайте мотоцикл в большой сарай. Там он лучше всего высохнет.

— Хорошо.

— Может, нам надо будет попросить Кеннета Тёрнера его проверить, прежде чем куда-то еще поедете.

— Не думаю, что оно будет того стоить, — сказал *я.* — Уверен, ничего серьезного с ним не случилось.

— Ну, вы все равно подумайте.

— Ладно.

Я подошел к сараю и откатил двери. И тут же уловил тот полупроизводственный дух, что висел внутри и раньше, и у меня возникло странное ощущение: я вернулся к чему-то знакомому. Глянув внутрь, я увидел, что посередине на полу, рядом с лодкой, которую мы на днях сюда привезли, выложены два ряда деревянных чурбаков. Я затащил мотоцикл внутрь и оставил его в щели между бетономешалкой и разобранным механизмом на гусеничном ходу. Чего-то, казалось, не хватает с последнего раза, когда я здесь был, но в тот миг я никак не мог сообразить, чего. Я по-прежнему озирался в сарае, когда ко мне подошел мистер Паркер и тоже встал в дверях.

— Места для других лодок тоже должно хватить, — сказал он.

— Так вы их, значит, зимой всегда тут держите? — спросил я.

— Да, они под крышей вообще-то быть должны.

— Ну, видимо.

— Может, не против помочь мне перетащить их сюда?

— Конечно, — ответил я. — Хоть так я вам могу отплатить за всю вашу помощь.

— Ну что, сразу и начнем?

— Ага, меня устраивает.

Пока мы возвращались к грузовику, я впервые заметил, что дождь прекратился, а небо выглядело уже далеко не таким зловещим, как раньше. Когда же мы доехали до озера, показалось возможным, что и солнце выглянет. Шесть лодок лежали там же, где мы их оставили. Мистер Паркер задним ходом развернул прицеп, и мы втащили на него две — его новой лебедкой. Когда вернулись в сарай, их нужно было перенести на деревянные чурбаки. Я думал, придется поднатужиться, но он просто поднял прицеп и грубо спихнул лодки через задний борт. Я поморщился, когда они соскользнули на бетон, но сработали их так крепко, что они даже не поцарапались. Теперь следовало лишь немного приподнять их и вогнать под низ чурбаки. Казалось, весь процесс он продумал заранее, и все прошло как по маслу. В то же время после того, как мы сделали три такие ходки, я почувствовал, что несколько выдохся, — и, думаю, крякнул под тяжестью, когда

мы перетаскивали последнюю лодку.

Отчего мистер Паркер заметил:

— А вы не очень сильный, нет?

— Ну, я и не слабак, — возмутился я. — Вообще-то я довольно много тяжестей подымал.

— Это когда было? — спросил он.

— Я работал напогрузке на фабрике.

— Мне казалось, вы говорили, что работали в покрасочном цеху.

— Потом — да. А сначала работал на погрузке.

— Значит, грузили и красили, — сказал он. — Что еще?

— Ну, да ничего вообще-то. Разве что немного столярничал.

— Вы, значит, профессиональный столяр?

— Э… нет.

— А с сантехникой как? Про это что-нибудь знаете?

— Не, боюсь, что нет.

— А я умею сантехнику, — объявил он. — И сварку.

Вообще-то я мало чего не умею, если вдуматься. Знаю про осушение земель, посадку деревьев, постройку заборов и валку леса. Могу поменять гидравлику почти на всех типах тракторов, да и за всеми своими машинами ухаживаю сам. А они

— *и* бензиновые, *и* дизельные, между прочим. В прошлом пахал, доил и лечил овец, а также паразитов на них уничтожал. Устанавливал септические резервуары. Досконально разбираюсь, как работает шламонасос «Уотфорд». Я сам построил этот сарай, в котором мы сейчас стоим, и сам залил почти весь бетон, что вы видите на этом участке.

Пока он мне все это рассказывал, я стоял возле лодок и неопределенно кивал. Не очень понятно было, к чему он клонит, но само по себе все было довольно интересно.

— Могу работать на циркулярных пилах, механических экскаваторах, молотковых перфораторах и сваезабойных машинах, — прибавил он, а затем умолк и значительно посмотрел на меня. — Ничего не знаю я только про лодки.

— О, — сказал я. — Правда?

— Вообще ничего.

— Ну, я и сам с ними знаком немного.

— Может, и так, но я вижу, вы их цените больше, чем я.

— Мне они нравятся, да.

Он сунул руки в карманы и уставился в пол.

— Штука вот в чем, — сказал он. — Мне хочется их покрасить, и я б желал, чтобы сделали это вы.

— Но это дело длительное, — ответил я. — Им нужно несколько слоев краски, если делать как положено.

— Это ничего. Краски у нас много.

— К тому же может оказаться, что понадобится конопатка.

Он поднял голову.

— Конопатка?

— Чтоб не протекали.

— Ну вот, видите, — сказал он. — Откуда мне было про это знать? Про конопатку я раньше даже не слышал. Вы как раз что надо человек для такой работы.

Пока мы беседовали, на одной лодке заиграл тонкий лучик солнечного света. Выглядело так, словно мокрядь снаружи и впрямь уступала погодным условиям пояснее и поярче. В этом резком свете позолота вдоль планширя лодки вдруг обрела немного своего былого блеска, к лодка стала смотреться поразитель-на Несомненно было, что краску следует подновить, но на несколько секунд у меня перед глазами возникла картинка того, как это будет выглядеть по завершении работы. *Я* лишь мог представить себе воздетый нос лодки, когда все детали тщательно подновлены вручную, и золотые линии, идущие от носа до

кормы. Да, подумал я, завершенное судно будет выглядеть великолепно.

— Беда в том, — сказал я, — что на все семь уйдет не одна неделя.

— Но к Рождеству же вы закончите, нет? — сказал мистер Паркер.

— Ну, вероятно, да. Но мне правда очень скоро нужно уезжать.

На мое слабое возражение он не обратил внимания.

— У нас есть флигель, где вы можете пожить, если захочется.

— О, — сказал я. — Э… правда?

— Вон через двор. Зимой вполне уютно, точно говорю. И каждый день с нас завтрак.

— Звучит приятно.

— Гейл, конечно, готовить будет.

Я обдумал его предложение и осознал, что сопротивление мое истощается. По правде говоря, я чувствовал, что выдохся. Дождевик, который я не снимал несколько часов, теперь снова высох, но мысль о том, чтобы повторить утреннюю поездку, меня не соблазняла.

С другой стороны, приглашение пожить где-то, да еще и с завтраком каждое утро, казалось очень привлекательным.

— А можно пока тут мотоцикл поставить? — спросил я.

— Конечно, можно, — ответил он.

— Ладно, — сказал я. — Остаюсь.

* * *

Через несколько минут он повел меня через двор смотреть флигель. Местечко было крохотное, с крошечной ванной. Когда мы вошли, там было несколько промозгло, но, как мистер Паркер продемонстрировал, щелкнув выключателем, нагревалось тут довольно быстро. Из одного окна открывался хороший вид на его дом. А вот озера видно не было. После того как он оставил меня обустраиваться, я потрясенно осознал, что не ел весь день. Неудивительно, что я так ослаб и устал. Решил, что лучший порядок действий — съездить в лавку Ходжа и чем-нибудь запастись, поэтому сходил и еще разок попробовал мотоцикл. Облегчение пополам с разочарованием: я обнаружил, что он по-прежнему не заводится. И я отправился в Миллфорд пешком.

К дверям лавки Ходжа был приделан небольшой колокольчик. Он зазвонил, когда я вошел, но хозяин несколько минут делал вид, будто не услышал. Хотя я знал, что он там. Слышал, как он

ходит в подсобке — за чем-то вроде пластиковой шторки, сделанной из разноцветных лент. Судя по звукам, он заваривал чай — сыпал, размешивал и лязгал ложечкой. Наконец я подошел к двери и открыл ее еще раз, чтобы колокольчик зазвонил снова. Только после этого Ходж возник среди пластиковых лент.

— Тушеной фасоли, а? — спросил он.

— Вы, значит, открыты, да?

— Каждый день открыт, — сказал он. — По средам закрываюсь раньше.

— А, понятно. Так. Да, пожалуйста, тушеной фасоли. Он подошел к соответствующей полке.

— Вам повезло. Две последние банки.

— Ох, — сказал я. — Но вы же еще получите, правда? Ходж бодро улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— Боюсь, что нет.

— Это почему? — спросил я.

— Нет спроса, когда сезон заканчивается. Не стоит и новый ящик открывать.

— Но я теперь тут задержусь, а потому определенно буду покупать.

— Так все говорят.

— Кто?

— Те, кто сюда заходит и просит всякое.

— В смысле покупатели?

— Зовите их как угодно, — сказал Ходж. — В этом году фасоли больше не будет.

— Это, значит, ваше окончательное решение?

— Похоже, да.

— А, — сказал я. — Ну да.

В этот момент мне хотелось убраться из лавки, так ничего там и не купив, но, к сожалению, идти мне больше было некуда. Выхода не оставалось — только купить две банки фасоли и еще кое-чего необходимого, но я дал себе слово больше к нему не заглядывать. Вернувшись домой, я вспомнил объявление, которое заметил в «Газете торговца». Снова обнаружил его я не сразу — страниц было много, и меня постоянно отвлекала другая реклама, но в итоге я нашел, что искал.

ДОСТАВКА ПРОДУКТОВ ФУРГОНОМ, гласило оно.

ЗАКАЗЫ ЛЮБОГО ОБЪЕМА.

Приводился местный телефонный номер, поэтому тем же вечером я составил список и позвонил из автомата по пути в паб. Раздалось гудков двадцать, прежде чем там сняли трубку.

— Алло.

— Это доставка фургоном?

— Возможно, — сказал он. — А кто спраши-

вает?

— Ну, я живу во флигеле у мистера Паркера.

— Ах вот как?

— И я хотел уточнить, могу ли я у вас заказать продукты?

— Мы в ту сторону ездим только по вторникам и четвергам.

— Меня устраивает, — сказал я.

— И заказ вам нужно подготовить за два дня.

— Прекрасно.

— Ладно, — сказал он. — Наверно, мы сможем вас втиснуть.

— Спасибо.

— Минуточку, будьте добры? Только схожу принесу, на чем записать.

Пока я ждал, меня поразило, что к клиентам этот человек относится так же, как и Ходж. Мне практически пришлось убеждать его доставить мне продукты, а теперь выясняется, что у него и книги заказов нет настоящей. Когда он наконец вернулся к телефону, я услышал протяжный тяжкий вздох.

— Ладно, — сказал он. — Излагайте.

— Ну да, — сказал я. — Э… хлеб в нарезке.

Повисла пауза.

— Это «хлеб в нарезке» или «э… хлеб в нарез-

ке»?

— Хлеб в нарезке.

Еще пауза, пока он записывал.

— Так. Что еще?

— Двенадцать банок тушеной фасоли.

Долгая пауза.

— Так. Что еще?

— Чай.

— Так.

— Сахар.

— Так.

— У вас есть такие отдельные пироги с мясом и почками «Фрэй Бентос»[3] для духовки, с подливой?

— Да, есть.

— Три таких, пожалуйста.

Он снова вздохнул, затем прошло несколько секунд — я слышал, как его карандаш шуршит по бумаге.

— Так, — наконец сказал он.

— Три фунта картошки.

Тут в трубке запищало. Когда я сунул в автомат

---

[3] Примечания: 3

«Fray Bentos» — популярная в Великобритании в XX в. торговая марка мясных консервов. Первая компания, производившая их, была основана в Великобритании в 1865 г. немецким агрохимиком Юстусом фон Либихом (1803–1873).

еще монетку, повисло долгое молчание.

— Алло? — сказал я.

— Алло.

— Вы это записали?

— Что?

— Три фунта картошки.

— Да, — раздраженно ответил он. — Еще что?

— Мне еще печенья надо.

— Так.

— Какое у вас есть?

— Всякое.

— А, ладно, — сказал я. — Две пачки фиговых рулетиков, пожалуйста.

— Нет, таких нету.

— А с заварным кремом?

— Нет.

— С солодовым молоком?

Опять запищало. Я сунул в щель еще одну монетку и услышал ту же тишину, что и раньше.

— Алло? — сказал я.

Молчание.

После долгого ожидания я повесил трубку и перезвонил, но он на сей раз не ответил.

* * *

А во «Вьючную лошадь» привезли новую поставку «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького». После разочарований моего телефонного звонка это стало доброй вестью, хоть я слегка и удивился.

— Пинту «Экса»? — спросил Тони, едва я вошел в нижний бар.

— Пожалуйста, сказал я. — Только я думал, вам его больше не возят.

— Не возили, — ответил он. — Недостаточно спроса было.

— А теперь есть?

— Раз вы вернулись, да, — сказал он. — Вы чашу весов сместили.

— О, ну что ж. Это хорошо.

Тони уже подставил стакан под кран и принялся жать на рукоятку.

— Вот только нам цену пришлось немного повысить.

— Вот как?

— Только чтоб расходы покрыть.

— Так сколько, значит, я вам должен?

Он закончил наливать пиво и выставил полную пинту на стойку.

— Эта за счет заведения вообще-то.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Почему-то или просто так?

— Мы хотим вас в команду по дротикам постоянным членом. Тем вечером на нас произвело впечатление ваше участие, и на капитана гостей тоже.

— Вот как, и на него?

— Неё.

— Неё?

— Да, — сказал он. — Ну помните — Лезли.

— А… ага, верно.

— Очень больше впечатление на нее произвело.

— Ну, на самом деле мне тогда просто повезло. Хороший вечер был.

— Так вы готовы к нам записаться или как?

— Если вы меня хотите, то да.

— Конечно же, мы вас хотим.

— Тогда ладно, — сказал я. — Запишусь.

В тот первый вечер по возвращении во «Вьючную лошадь» я выпил больше пива, чем планировал, главным образом потому, что Тони отказывался брать у меня деньги. Первая пинта была «за счет заведения», это я помнил, но затем последовала и вторая, и третья, он продолжал

утверждать, что все в порядке, я могу пить в кредит. Мне не хотелось оскорблять его, отказываясь от его доверия, поэтому я пил и пил, и в итоге дошло до пяти пинт. По пути домой позднее тем вечером я сделал мысленную зарубку не позволять кредиту заходить чрезмерно далеко.

* * *

Наутро первым делом я услышал «звяк» молочной бутылки у себя на пороге. Выглянув в окно спаленки, я увидел, как по двору к своему пикапу уходит Дикин, затем он сел в кабину и уехал. Я решил, что с его стороны как-то нагловато сразу начать доставки, не повидав меня прежде, хотя на самом деле меня это не обеспокоило, поскольку я все равно собирался у него попросить. Вообще-то я был ему благодарен за то, что разбудил меня, поскольку иначе я опоздал бы на завтрак. Я быстро собрался и пошел к дому, а там меня впустила Гейл. Казалось, она вполне рада меня видеть.

Мистер Паркер уже сидел за столом, когда и я туда сел.

— Сегодня с лодками начнете, нет? — спросил он.

— Надеюсь, — сказал я. — Конечно, их еще тщательно подготовить нужно к самой покраске.

— Рад это слышать, — сказал он. — Нам тут тяп-ляп не годится.

— Нет.

— В большом сарае электрическая шлифовка есть, если надо. И паяльная лампа.

— Ага.

— Так к Рождеству, значит, управитесь?

— О да. Запросто.

— Хорошо.

Гейл поставила передо мной завтрак, а потом села сама.

— В новом доме нормально устроились? — продолжал ее отец.

— Да, спасибо, — ответил я.

— Места хватает?

— О да, — сказал я. — Навалом.

— Это хорошо.

— Вы немножко как три поросенка, — заметила Гейл.

— Правда? — спросил я, опустив взгляд на сосиски.

— Да, — сказала она. — Палатка у вас была соломенный домик. Потом у вас был трейлер, который домик из веток. А теперь у вас дом из камня.

Тут во двор заехал почтовый фургон, и водитель произвел все те же действия, что и в последний

раз, когда я его видел. Проскакав наверх по ступеням, он вновь приоткрыл на четыре дюйма кухонную дверь, сунул почту на полку внутри, певуче сказал «спасибо» и вновь исчез.

Мистер Паркер перевел взгляд на полку.

— А, хорошо, — сказал он. — «Газету» принесли.

Он пересек кухню и взял единственное отправление — новый номер «Газеты торговца», свернутый и особо помеченный для доставки почтой. Развернул и принялся с интересом изучать страницы. В последовавшем молчании я вспомнил вопрос, который собирался задать.

— А тех овец вы знаете? — сказал я.

Мистер Паркер моментально оторвался от газеты.

— Каких овец?

— Тех, что на пустоши за домом.

— А, да.

— Они к вам какое-то отношение имеют?

— Вы в смысле, мои они или нет?

— Да.

— Нет.

— А чьи тогда?

— В основном — Брайана Уэбба. Он свое сено у нас на сеновале тут держит.

— А.

— Вообще-то довольно скоро он много овцематок через двор прогонять будет, так, может, ему помощь потребуется. Я ему сказал, что вы тут и подсобите.

— А, ну ладно, — сказал я. — Но сами вы овец не держите.

— Нет, уже нет, — сказал он. — Мы одной зимой отару потеряли, много лет назад, и решили бросить это дело.

— Жалко.

— На них теперь нельзя больше надежно ставить, на овец этих, при всяких искусственных волокнах и прочем.

— Да, наверное, нет.

— Потому-то мы и занялись вместо этого куплей-продажей.

— Да, я заметил, у вас такого много.

— Лучший способ зарабатывать в наши дни.

— А лодки что ж? — спросил я.

— А что лодки?

— На них разве нельзя зарабатывать?

— Нет, — сказал он. — Практически они обуза, по правде сказать.

Во время этой беседы мистер Паркер просматривал «Газету» с шариковой ручкой, делая

какие-то пометки и ставя крестики около некоторых товаров. Но вот он встал со стула и вышел в соседнюю комнату, где у них был телефон.

Когда он ушел, Гейл сказала:

— А с географией у вас как?

— Ну, восток от запада отличу, — ответил я. — А что, еще на дом задали?

Она улыбнулась.

— Ага.

— Ладно, приносите как-нибудь, я гляну.

— Можете сейчас взять, если хотите. — Она сунула руку под стол и достала из ранца тетрадку.

Я просмотрел вопросы.

— Ладно. Сложностей возникнуть не долгого.

— А сейчас на пару ответить неправильно можете, пожалуйста? — спросила она.

— Это еще зачем?

— Ну, вы получили двадцать баллов из двадцати по геометрии, и они теперь могут что-нибудь заподозрить.

— Наверное, могут.

— Кстати, — сказала она. — Ваше сочинение прочли перед всем классом.

— О, — сказал я. — Правда, что ли?

— Учительница сказала, что это моя лучшая работа. Так что спасибо.

— На здоровье.

Она опять улыбнулась и взглянула на часы на стене.

— Мне пора.

— Да, — сказал я, поднимаясь из-за стола. — Мне бы тоже уже лучше приступить. Спасибо за завтрак.

Я откланялся и пошел к большому сараю. Кто-то уже там побывал и отомкнул засов, поэтому я откатил дверь и вошел, закрыв ее за собой. Затем осмотрел то место, что станет моей мастерской на следующие недели. От нескольких прозрачных панелей в крыше тут было вполне светло, а еще я заметил довольно много электрических ламп. Шлифовка и горелка, о которых говорил мистер Паркер, лежали на полке сбоку, рядом — еще какой-то полезный с виду инструмент. Хотя в сарай много чего набили, между лодками оставалось довольно места, чтобы можно было работать. В одном углу даже стояла печка с трубой, чтобы в сарае было тепло, когда похолодает. В общем и целом увиденное меня приободрило, и я решил, что вполне могу чувствовать себя здесь как дома. Прежде чем приступить к работе, я хотел выяснить, что это там поблескивало в глубине сарая, когда я впервые сюда заглянул. Для этого нужно

было перелезть через несколько упаковочных ящиков и труб, из которых строили леса, а также обогнуть крупную металлическую конструкцию, содержавшую в себе, похоже, какой-то аппарат для взвешивания. Протиснувшись в несколько щелей, я наконец увидел предмет моего любопытства. То был ряд мотоциклов. Всего — с полдюжины. Некоторые были совершенно новыми, еще в заводской смазке и с транспортными этикетками, написанными по-японски. Другие — подержанные, винтажных моделей, похожие на мой, а у одного даже коробка передач была раздельной конструкции. Только я задумался, что мистер Паркер намерен с ними всеми делать, как услышал, что откатывают дверь сарая.

Затем до меня донесся голос:

— Вы где?

— Тут, — быстро ответил я. — Мне кажется, где-то здесь панель отстала. Пытался ее найти.

— Ах да, — сказал он. — Я как-то ночью слышал, что стучит. Надо нам ее будет как-то скоро закрепить.

Он перелез через ящики ко мне.

— Хорошие мотоциклы, — сказал я.

Он кивнул.

— Вот, подумал, подержу у себя пока, поглядим,

куда цены пойдут.

Он уже осматривал стены сарая, выискивая отставшую панель.

— Похоже, нам тут пара новых заклепок понадобится.

Я нажал на первый попавшийся лист гофры, и тот подался наружу.

— Вот оно, — сказал я. — Следующий тоже немного отстает.

— Так и есть, — сказал мистер Паркер. Затем повернулся ко мне и спросил: — Клепку сажали когда-нибудь?

6

На замену всех клепок в том сарае у меня ушло три дня. Едва мистер Паркер сам увидел отставшие панели, он решил, что это единственный возможный подход.

— Цепь не может быть крепче своего самого слабого звена, — объявил он. — То же и про клепки.

Соответственно он достал пневматический клепальный молоток и показал мне, как им пользоваться. Кроме того, меня натаскали, как вынимать старые заклепки, и дали лестницу, чтобы до них добираться.

— Вы только осторожней там наверху, нет? — сказал он.

Надо признать — вид сверху, с сарая, был захватывающим. Передо мной расстилалось почти все озеро, а также добрая часть дороги из Миллфорда. У меня возникло представление о том, сколько всего мистеру Паркеру видно из переднего окна его дома. Меня-то вроде как никогда не приглашали дальше кухни, но даже там у меня возникало ощущение, что я очень высоко. А на сарае я был

еще выше, поэтому изо всех сил наслаждался предложенными видами. Хотя погода стояла не особенно приятная. Солнышко после дождя лишь подразнилось, и небо оставалось серым и холодным. Ползать по лестнице на ветру было непросто, и работа двигалась очень медленно. Тем не менее, все доделав, я превратился в опытного клепальщика. Время от времени у подножья лестницы возникал мистер Паркер и спрашивал, как идут дела, но в основном меня не трогал. Что предположительно означало — он доволен тем, как я справляюсь.

Когда мы сели завтракать на третье утро, он сказал:

— Сарай почти закончили, нет?

— Да, — ответил я. — Где-то на час работы осталось.

— Значит, сможете уже лодки начать?

— Угу.

Снаружи приблизился дребезг, и тут же во двор въехал пикап Дикина, доверху загруженный молоком. Дикин вылез и проскакал вверх по ступеням, затем сбегал к флигелю, а после вернулся к своей машине и в большой спешке уехал.

Когда он скрылся из виду, мистер Паркер посмотрел на меня и сказал:

— Вы б сами так могли, если б захотели.

— Извините, — спросил я. — Что?

— Молоко.

— О нет, — ответил я. — Про коров я ничего не знаю.

— Дикин тоже.

— Правда?

— Нет, конечно.

— А я думал, он молочник.

— Он забирает с фермы, да, но и всё.

— А, — сказал я. — Этого я не знал.

— Вам только свой пикап понадобится, и сами бы могли.

— Ну, я вообще-то об этом никогда не думал.

— На этом молочном маршруте неплохое дельце можно построить.

— Да, но мне бы не хотелось Дикина без работы оставлять.

Мистер Паркер покачал головой.

— По Дикину скучать никто не станет.

Тут в соседней комнате зазвонил телефон, отчего Гейл моментально сорвалась с места.

— Я возьму, — сказала она, стремглав вылетая за дверь.

Мгновение спустя она вернулась.

— Пап, это тебя.

Мистер Паркер вышел и взял трубку, а Гейл села напротив меня.

— Домашняя работа нормально же, да? — спросил я.

— Да, спасибо, — ответила она. — Еще хотите?

— Завтрака или домашки?

— Домашки.

— Да, я не против. Что у вас теперь?

Она сунула руку в ранец под столом и вытащила стопку тетрадей.

— История, математика и словесность.

— Ладно, — сказал я. — Разберусь.

В кухню вернулся мистер Паркер.

— Это Брайан Уэбб. Он сегодня овец будет прогонять.

Через час я закончил клепать и как раз убирал лестницу, когда их услышал. Из верхнего двора на пустошь вели ворота, и из-за них доносились чьи-то крики «Хо! Хо!» — снова и снова. Мгновение спустя их робко миновали ведущие овцематки, а за теми вскоре последовала и вся отара. Гейл уже ушла в школу, а мистер Паркер уехал по каким-то своим делам, потому направлять овец через двор на бетонку выпало мне. Ничем подобным я раньше не занимался, поэтому был не очень уверен, что нужно делать, но вскоре разобрался: лучший

подход — стоять на одном месте и размахивать руками. Наконец в хвосте этого нервного скопища возникли Брайан Уэбб и еще один человек, а с ними — три умелых на вид собаки. Первым делом я заметил в Брайане, что даже теперь, когда он гонит овец, на нем по-прежнему картонная корона. Когда он проходил мимо, мы успели перекинуться парой слов.

— Ничего с покраской справляетесь, а? — спросил он.

— Ну, я еще не взялся, — ответил я. — Сначала надо было сарай подремонтировать.

Эти двое ухмыльнулись друг другу, и во втором я теперь узнал еще одного завсегдатая «Вьючной лошади».

— Ну, — заметил Брайан. — Лучше б уже приступить, если хотите успеть к Рождеству.

— Да вроде успею.

— А как норов у Томми себя ведет?

— О, — сказал я. — Вообще никаких хлопот.

— Правда?

— Если я слушаю, что он говорит, — раз плюнуть.

— Вот в чем секрет, значит, а?

— Похоже на то.

— Очень хорошо, — сказал он, снова ухмыль-

нувшись. — Лучше его не нервировать.

Вскоре после этого мы с Брайаном попрощались, другой человек кивнул, и они направились вниз по склону.

Вот теперь наконец можно было приступать к лодкам. Последние пару дней я все время входил в сарай и выходил из него — то проверял новые заклепки, то убирал старые и прочее, — но сегодня с утра у меня такой возможности не было. Теперь же я впервые заметил, что у самой двери мистер Паркер сложил несколько банок краски. К моему смятению, все они оказались без этикеток, а это означало, что в них зеленая. Меня это несколько разочаровало, поскольку раньше у меня складывалось впечатление, что я должен буду перекрашивать лодки в их первоначальные цвета. Я знал, что у него много зеленой краски, но предполагал, что она идет на хозяйственные нужды — ворота красить, двери и тому подобное. Наверняка же лодки с их Классическими носами заслуживают чего-то получше. Так я, во всяком случае, считал. Тем не менее еще до того, как открыть банку краски, следовало провести много подготовительной работы, поэтому разочарование свое я отодвинул в сторону и взялся за электрическую шлифовку.

Вскоре я пришел к заключению: кто бы ни красил изначально эти лодки, делал он это очень тщательно. Может, в те дни качество краски было получше, но она, казалось, чуть ли не впиталась в дерево. Лишь хорошенько сосредоточившись, я сумел оставить на ней хоть какой-то след. За часом час работал я шлифовальной машинкой, опустив голову, сражаясь с одним слоем упрямой краски за другим и продвигаясь в этом занятии очень медленно. Работа была шумная, а потому я и не услышал, как на двор снаружи въехала машина. Лишь когда откатилась дверь сарая, понял я, что у меня гость. То был Дикин.

Он вошел внутрь, и я выключил шлифовку.

— О, — сказал он, когда шум стих. — Томми, значит, вас в это дело впряг, да?

— Ну, — ответил я. — Вам он нужен?

— Да, мне б не повредило словцом с ним перемолвиться по одному дельцу.

— Ну, вы его опять не застали. А чего вы с ним не поговорите, когда молоко привозите?

— Некогда, — ответил он. — Да ничего, я в другой раз зайду.

— Ничего срочного, значит?

— Да нет вообще-то.

Он не сделал никакой попытки уйти, а остался

стоять, разглядывая сарай изнутри. Немного погодя взгляд его упал на место, занимаемое моим мотоциклом.

— А, — сказал он. — Я вижу, он наконец избавился от снегоуборщика.

— Э… ах, да, — сказал я. — На днях ушел.

— А стояла тут с тех пор, как мы сарай построили, штука эта.

— Вы, значит, помогали ему строить?

— Да, — ответил он с ноткой гордости. — Я все ему тут проклепал.

Вскоре после он убрел. Я посмотрел, как он откатывает дверь сарая и задвигает ее за собой. После чего я вновь включил шлифовальную машинку. Несколько мгновений спустя в сарай снаружи вплыл другой звук. Я опять выключил мотор и успел уловить несомненный перезвон фургона мороженщика. Играли «Полфунта киселя».

Я быстро подошел к дверям и выглянул наружу, но двор был совершенно пуст.

* * *

Мистер Паркер вернулся в тот вечер с новыми нефтебочками. Я как раз заканчивал дневную работу, когда его пикап въехал на верхний двор, поэтому я подошел подсобить с разгрузкой. Груп-

па бочек у ворот теперь насчитывала что-то около пятидесяти штук, но он, казалось, был полон решимости привозить с собой новые, когда б ни выезжал куда-то. На сей раз в прицепе их было с полдюжины, а в кузове пикапа — еще четыре.

Чуть погодя я зашел во флигель выпить чаю. Дверь не запиралась, и я, едва войдя, обнаружил, что у меня сегодня побывал еще один гость, помимо Дикина. Сразу у дверей кто-то оставил коробку с моим заказом продуктов. Я перебрал привезенное по одному и понял, что здесь все прошенное, если не считать печенья, которое было не того сорта. Очевидно, они решили, что, если у них нет фиговых рулетиков, с заварным кремом или солодовым молоком, я удовлетворюсь простым диетическим. К коробке крепился счет-фактура на заказ. Снизу на нем было приписано красным карандашом: «После этого фасоли не будет».

Кроме того, в шапке счета значилось одно напечатанное крупным шрифтом слово: «ХОДЖ». Я убрал продукты и поставил чайник.

Тем вечером во «Вьючной лошади» я сыграл свой первый матч по дротикам в Межпабной лиге как полноправный член команды. Нам светила выездная игра с «Поденщиком», которой я довольно-таки ждал, а меж тем к нам явился

играть «Золотой лев». Публики было в общем как обычно, Брайан Уэбб капитански привел нас к победе. Но у команды гостей в группе поддержки не оказалось женщин, поэтому с такой точки зрения матч был скучноват. Моим противником из «Золотого льва» стал дородный малый по имени Фил, которого, похоже, нимало не смутило, что я его разгромил, и он тут же кинулся брать мне пинту лагера. Когда я спросил, не станет ли он возражать, если я возьму вместо этого «Топэмовский» «Эксцельсиор», он посмотрел на меня с легкой жалостью, как будто меня неправильно отлучили от груди или вроде того.

— Вы ему в насос лучше еще одну запасную залейте, — сказал он Тони.

— О, — сказал я. — Большое спасибо. Ваше здоровье.

Эта публика с дротиками была дружелюбней некуда и нехватку женщин восполняла тем, что много угощала друг друга выпивкой. Похоже, мне она доставалась всегда, но даже когда я заказал всем выпить сам, платить мне не пришлось. Бармен Тони подрабатывал в команде вице-капитаном и постоянно указывал это как причину продолжать мой кредит.

— Счет подбить можете, когда тут все немного

утихнет, — повторял он всякий раз перед тем, как выйти на линию броска в следующей игре.

— Ага, ладно, — отвечал я. w Но скоро я обязан буду вам уже и вернуть, что задолжал.

— Об этом не беспокойтесь, — ухмыляясь, отвечал он.

По тому, как ко мне относились местные, я рассудил, что они знают: в обозримом будущем я тут задержусь. Я уже понимал, что все тут суют нос в дела всех остальных, и чем дальше, тем больше это подтверждалось. Кеннет Тёрнер, к примеру, без конца повторял, что надо бы ему как-нибудь зайти поглядеть на мой мотоцикл, а Брайан Уэбб постоянно интересовался, как у меня движется с лодками. И всегда обсуждали какую-нибудь новую историю о том, что Дикин привез не то молоко или слишком опоздал с доставкой.

В конце одного такого рассказа Брайан повернулся ко мне и сказал:

— Надо бы вам Дикина заменить.

Я не был уверен, следует ли относиться к этому замечанию всерьез или нет, но, когда он это произнес, по всему нижнему бару разнесся ропот согласия.

* * *

Несколько вечеров спустя я шел по двору, направляясь в паб, и тут понял, что в большом сарае раздается какой-то ритмичный грохот. Времени было около девяти, и везде зажгли электричество, поэтому я подошел и заглянул в двери, приоткрытые где-то на дюйм. Тут же увидел, что это грохочет бетономешалка. Дизельный двигатель ей опять собрали и завели, и теперь на него внимательно смотрели мистер Паркер и Кеннет Тёрнер. На Кеннете была синяя роба, и в руке он держал разводной ключ. Обоих, казалось, работа барабана завораживает, а тот медленно вращался, круг за кругом, у них перед глазами. Целую минуту смотрели они на него, за нею — еще одну, а я меж тем стоял снаружи в темноте и смотрел на них. В итоге мистер Паркер что-то сказал, и Кеннет кивнул. Ключ он сунул в глубокий карман, и они вдвоем направились к моему мотоциклу. Мгновение спустя Кеннет сел на него верхом и ударил ногой по педали. К моему удивлению, двигатель ожил и взревел, и Кеннет какое-то время гонял его на холостых оборотах, внимательно прислушиваясь, а бетономешалка меж тем продолжала грохотать без присмотра.

В конце концов Кеннет снова заглушил мотор, и они с мистером Паркером постояли, осматривая его покраску и хромировку. Затем повернулись и поглядели на лодку, над которой я трудился в тот день. Кеннет взял одну банку краски из тех, что до сих пор стояли поблизости неоткрытыми. Увидев, что на ней нет этикетки, он широко ухмыльнулся мистеру Паркеру. Затем они оба перелезли через упаковочные ящики к другим мотоциклам в глубине сарая. Тут я устал за ними шпионить и пошел по двору дальше. Глянув на дом, я осознал, что Гейл, должно быть, внутри одна, и как бы между прочим задался вопросом, чем же она занимается по вечерам, когда ей не нужно делать домашние задания.

И вдруг меня тряхнуло — я вспомнил, что к завтрашнему утру мне сдавать словесность! Последний час я принимал ванну, и это у меня совершенно вылетело из головы! Теперь нужно бегом возвращаться во флигель и все делать, а только потом идти развеиваться. Задание, похоже, заняло у меня дольше обычного, и в результате в паб я вышел едва ли не в десять — к этому времени в большом сарае было совершенно темно. Во «Вьючной лошади» я увидел, что Кеннет сидит на своем обычном табурете в

конце стойки. Он поздоровался, но о своем визите к мистеру Паркеру не упомянул, не стал о нем упоминать и я.

Наутро меня вновь разбудил ритмичный грохот. Выглянув из-за шторок, я увидел, что мистер Паркер уже встал и хлопочет. Он широко открыл двери сарая и выволок бетономешалку на погрузочную рампу. Она стояла там, двигатель работал, барабан крутился. Немного погодя я заметил, как он взглянул на часы, затем посмотрел на флигель. Я это принял за знак, что мне пора вставать, и выбрался из постели. Что-то подсказывало мне, что с лодками сегодня я не очень продвинусь, но свои планы он огласил, только когда мы сели завтракать.

— Пора бы нам сделать новый швартовный якорь для лодок, — объявил он. — Если еще протянем, на озере станет слишком неспокойно.

— Зимой штормит, что ли? — спросил я.

— Бывает, — сказал он. — А до весны откладывать работу нет смысла.

— Да, наверное, нет.

— Вы же умеете швартовный якорь делать, нет?

— Общее представление есть, ну.

— Это хорошо. У меня все для вас готово. Есть ко-

лесо от грузовика, длинная цепь и много бетона.

— Ага.

— Вам только надо все замесить.

— Ладно.

Прошло несколько мгновений. На другой стороне двора не смолкал ритмичный грохот.

— А вы ту домашнюю работу сделали? — спросила Гейл.

— О да, — ответил я. — Забыл принести. Все готово, можете забрать, когда хотите.

— Спасибо, — сказала она. — Кстати, ваше сочинение выиграло приз.

— Правда?

— Ага, его напечатали в школьном журнале.

— Что ж, — сказал я. — Вообще-то я этим вполне доволен. И что за приз?

— Купон на книги.

— О, это хорошо.

— Хотите?

— А *вы* что, не хотите?

— Да не очень.

— А, тогда ладно.

— Можете считать, что это вам награда за всю эту домашнюю работу.

— Э… спасибо.

Она сунула руку к себе в школьный ранец, вы-

тащила купон на книги и положила его на стол.

— Тебе там надо расписаться на обороте, — заметил ее отец.

Я подумал, что он шутит, но Гейл тут же взяла шариковую ручку и церемонно поставила свою подпись.

— Спасибо, — опять сказал я, когда она вручила мне купон. — А у вас есть этот номер журнала, чтобы я поглядел на свою напечатанную работу?

— Ой нет, извините, — ответила она. — Я его выбросила.

Дребезг снаружи возвестил о прибытии пикапа Дикина. Через окно мы видели, как Дикин носился, поспешно доставляя молоко — сначала в дом, затем во флигель, — после чего быстро уехал.

— Я так понимаю, на юге опять бастуют, — сказал мистер Паркер.

— О, вот как? — сказал я. — Я не слышал.

— Вчера вечером по телевизору было.

— У вас, значит, и телевизор есть?

— Да, конечно. А что?

— Ну, я просто думал, люди здесь не увлекаются телевидением. Такие пейзажи и все такое.

— Да нет, у нас вон там стоит, — сказал он, показывая подбородком на соседнюю комна-

ту. — Взяли ради «Человека с собакой»[4]. — А чего они бастуют? — спросила Гейл. Смотрела она на меня.

— Вероятно, их волнует безработица, — предположил я.

— Так, а чем забастовка им поможет?

— Э… ну, вообще-то она не помогает, — сказал я. — Предполагается, что это некое заявление.

— А, — сказала она. — Понятно.

— Не верю я в безработицу, — сказал мистер Паркер.

— Неужели?

— Не бывает такого. Всегда есть что делать.

— Допустим.

— А на этой вашей фабрике много бастовали?

— Пока я там работал — нет.

— Похоже, продуктивное у вас там было предприятие.

— Да, им вроде все славно удавалось.

— И платили хорошо?

— Неплохо.

Ф — На черный день себе отложили, нет?

— Да, немного.

— Это хорошо.

---

[4] Примечания: 4

«Человек с собакой» — телепрограмма «Би-би-си», посвященная состязаниям пастушьих собак, в том или ином виде существует с 1976 г.

Оборот, который приняла наша беседа, показался мне уместным предлогом поднять вопрос, какого я избегал последнюю неделю или около того. Загвоздка была в том, что, когда я согласился поработать с лодками, нам не удалось обсудить, сколько мне за эту работу будут платить. Я понятия не имел, должен ли я получать фиксированную сумму за всю работу или оплата будет почасовой, или как, поэтому решил коснуться этой темы сейчас.

— Э… вообще-то, — сказал я, — раз уж мы заговорили о работе…

— Вы совершенно правы, — сказал мистер Паркер, резко поднявшись из-за стола. — Если тут рассиживать, делаться ничего не будет.

И он тут же направился к дверям кухни, а мне оставалось лишь быстрее доесть завтрак и пойти следом.

Мы выбрались наружу и двинулись по двору к бетономешалке, которая по-прежнему вращала пустой барабан, оборот за оборотом. Рядом стояла тачка с составляющими для бетона. А кроме того, лежали ступица колеса и здоровенный кусок оцинкованной цепи. У бетономешалки было слишком шумно, чтоб и дальше разбираться с моим жалованьем, поэтому я пока отставил этот

вопрос. Кроме того, настоятельной нужды в этом у меня не было, поскольку ни с какими деньгами расставаться в обозримом будущем мне не требовалось. Во «Вьючной лошади» у меня кредит, все продукты и молоко мне тоже в кредит доставляли. Очевидно, что когда-нибудь, совсем скоро, со всеми этими сопутствующими долгами мне предстоит разобраться, но взимать с меня никто, похоже, не торопился, поэтому я решил об этом не беспокоиться.

Изготовление швартовного якоря было довольно безыскусной задачей. Одним концом я прикрепил цепь к ступице колеса, а затем принялся грузить лопатой песок, гравий и цемент в бетономешалку. Удовлетворившись, что дело у меня спорится, мистер Паркер сказал, что «предоставит все мне», и укатил куда-то на своем пикапе с грузовым прицепом. Вскоре после Гейл в школьной форме направилась вниз по склону, по обыкновению кратко мне помахав. Когда бетон был готов, я вылил его в колесную ступицу и оставил застывать. Я прикидывал, что на это уйдет неделя, и только потом его можно будет сбросить на дно озера.

Эта задача заняла совсем немного времени, и результат выглядел сносно. Прежде чем вернуть-

ся к лодкам, я решил вознаградить себя чашкой чая и добрел до флигеля. На столе лежал свежий номер «Газеты торговца». У меня выработалась привычка брать ее почитать после того, как мистер Паркер черпал из нее всю необходимую ему информацию. Просто из интереса и любопытства — я не собирался покупать ничего из того, что там рекламировалось. Я сделал себе мысленную заметку, что, раз у меня теперь есть купон на книги, надо бы найти себе для чтения что-нибудь действительно стоящее, а пока что раскрыл «Газету» на случайной странице. И тут взгляд мой упал на объявление, которого я раньше не видел. Оно значилось под рубрикой «Услуги» в районе Миллфорда и гласило:

ЦИРКУЛЯРНАЯ
ПИЛА С НАЕМНЫМ РАБОТНИКОМ

Все работы по распилу производятся на месте. Спрашивать Т. Паркера

Номер телефона прилагался. Я прочел объявление несколько раз — удостовериться, что не ошибся, — затем стал листать дальше. Там кто-то собирал предварительные заказы на рождественские елки. По немедленной оплате предоставляется десятипроцентная скидка. Меня поразило, что это как-то рановато, пока не дошло,

что до Рождества всего пара месяцев. Я трудился над лодками, а осень меж тем, несомненно, ко мне подкралась, и порыв ветра снаружи это лишь подтвердил. Я едва замечал, что погода ухудшается, поскольку почти весь день проводил в большом сарае. Но даже так признаки теперь были очевидны. Несмотря ни на какую мою новую клепку, сарай, когда в него бились стихии, продолжал скрипеть и стонать. Другие знаки тоже имелись. Деревья оголились, медленно опускалась температура. Шагая по вечерам в паб, я слышал на озере морских птиц — они крякали и спорили друг с другом. Судя по звуку, их туда слетались тысячи. Я понятия не имел, откуда они, но, казалось, они располагаются здесь на зимовку. Подумал о семи лодках, ждущих покраски, о расписании игр в дротики, о нескончаемых пинтах «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького» — и осознал, что зимовать здесь придется и мне.

* * *

Вернулся мистер Паркер чуть ли не затемно — еще с одним грузом бочек.

Только что все закончив к вечеру, я вышел во двор его встретить. Мне хотелось у него кое-что спросить о швартовном якоре.

— Он довольно тяжелый, — сказал я. — Как мы будем вывозить его на озеро?

— Вы у нас лодочник, — ответил он. — Вот вы мне и скажите.

— Ну, если погребем на ялике, он нас сразу опрокинет.

— Точно?

— Ну. Вообще-то нам нужен настоящий швартовный плот, с дырой посередине, через которую сбрасывать якорь.

— О, — сказал он. — Понятно.

Когда мистер Паркер впервые сообщил мне, что о лодках ему ничего не известно, по-настоящему всерьез я к этому не отнесся, но за последние несколько недель осознал, что так оно и есть. У него, казалось, нет ни малейшего представления о том, как устраивать швартовку, и я теперь видел, что всю деятельность возглавить придется мне.

«— И как же нам сделать швартовный плот? — спросил он.

— Довольно просто, — ответил я. — Нужны четыре пустые бочки и немного досок.

— Ну, свободных бочек у меня нет.

— О… а эти?

— Заняты, — сказал он. — Я хотел их продать

на ту вашу фабрику.

— Вы их для того и собирали?

— Конечно. Вы мне сами сказали, за них дадут хорошую цену.

— Да, но… до фабрики ехать и ехать.

— Это ничего. Расстояние меня не смущает, если можно выгоду получить.

— Но как же вы их все туда повезете?

— На грузовике.

— Я не знал, что он у вас есть.

— Есть, вы сами видели. В амбаре у Брайана Уэбба.

— А, ну да.

— Он свое сено у меня держит, а я у него свой грузовик.

— Удобно вы с ним договорились.

— Это взаимовыгодно, да и наличка туда-сюда не ходит.

Я кивнул, и мы замолчали. Мистер Паркер смотрел на швартовный якорь и, казалось, обдумывал мое предложение.

— Так, — наконец сказал он. — Наверно, если надо, то четыре бочки выделить получится. Сможете этот самый плот построить?

— Смогу, если хотите, да.

— Тогда ладно, — сказал он. — Работа ваша.

* * *

Как обычно, вечером я побаловал себя ванной. Вероятно, это было лучшее в том, что я теперь жил во флигеле. Много горячей воды, и, хотя наливалась ванна медленно, в конце трудного дня то всегда был роскошный миг. Обычно я дожидался, когда поужинаю, а потом час или около того плескался, и лишь затем шел в паб. Сегодняшний вечер не был исключением. Часов в восемь я открыл краны, и ванная медленно наполнилась паром. Через десять минут я скользнул в горячую воду, постепенно, пока вода не заплескалась надо мной. Сколько я так пролежал, точно не уверен, но меня прервали. Уши мои были в воде, а ноги — на краях ванны, и я вдруг понял: что-то стучит. На миг я решил, что панель на сарае оторвалась, но затем вспомнил, что это вряд ли. Нет, стук шел откуда-то гораздо ближе. Я сел и снова прислушался. Кто-то стучался снаружи в окно. Я выбрался из ванны и выглянул в матированное стекло. В темноте различался только розовый овал.

— Эй?

То была Гейл.

— Нам только что из «Вьючной лошади» позво-

нили, — сказала она. — Вы должны на дротики прийти.

— Но сегодня ж не тот вечер, — сказал я.

— Так передали, — ответила она, и розовый овал исчез.

Не очень понимая, сколько она сумела разглядеть через матовое стекло, я быстро вытерся и оделся. Никакого смысла в сообщении не было. Все матчи по дротикам до сего времени проводились по четвергам. Сегодня был только вторник, поэтому я понятия не имел, зачем им понадобился. Не станут же они мне звонить и вызывать на обычную тренировку? Это же всего лишь игра, в конце концов. Но все равно я подумал, что лучше будет добраться туда побыстрее, поэтому сходил к большому сараю за мотоциклом. Обнаружив, что мистер Паркер уже запер его на ночь, я решил двинуться пешком, раз так. Я уже давно пришел к выводу, что это гораздо разумней, учитывая, сколько пива льется в эти вечера дротиков. Хотя сегодня, вероятно, лучше было бы ехать на мотоцикле.

Едва зайдя в нижний бар, я понял — что-то не так. Времени половина десятого, тут должно быть битком, как обычно в вечера игр. А паб был почти пуст. Ни Тони, ни Гордона не видать.

Хозяин разговаривал с парой человек в верхнем баре и какое-то время меня не замечал. Когда же наконец решил меня обслужить, дружелюбным он отнюдь не выглядел.

— Да? — сказал он.

— Где все? — спросил я.

— Играют в «Поденщике», — ответил он. — Где и вам быть полагается.

— Но я же думал, дротики по четвергам.

— Это если дома играем! — рявкнул он. — А на выезде по вторникам.

— Ой, — сказал я. — Этого я не знал.

— Вы что, не читаете расписания игр?

— Э… нет, извините.

— Ну все равно вы уже опоздали. Матч наполовину кончился.

— Извините.

— Чего будете?

— Пинту «Экса», пожалуйста.

— Бочка всё.

— Ох, — сказал я. — Что ж, я могу подождать, пока замените.

— Не собираюсь я ее менять.

— Вот как?

— Да, боюсь, что нет.

И с тем он вернулся в верхний бар, откуда его

дружки посматривали на меня вроде как злобно. Я же остался стоять — мне было неловко, и я не понимал, что делать, но тут заметил, что не вполне один. Еще в нижнем баре сидел подельник Брайана Уэбба по давешнему перемещению овец. С того раза мы с ним немного раззнакомились, и я теперь знал, что его зовут Морис. Оказалось, это он водит школьный микроавтобус. Он поманил меня к себе, я подошел, и он тихо заговорил.

— Объяснимая ошибка, — сказал он. — Ничего не попишешь.

— Да нет, — сказал я. — Приди я пораньше, я бы знал. Мне очень хотелось еще раз сыграть в «Поденщике».

— Я знаю, но теперь вы всех взяли и расстроили, поэтому вам лучше какое-то время не высовываться.

— Что же мне теперь делать?

— Ну, лучше всего вам будет выпивать неделю-две где-нибудь в другом месте, пока все про это не забудут.

Во мне вдруг шевельнулся испуг.

— Но тут же один «Перезвон», — сказал я.

Морис сочувственно поглядел на меня.

— Стало быть, тогда там, нет?

7

На следующий день я работал в сарае, когда со двора ко мне приплыли «Полфунта киселя». Я быстро подошел к двери и выглянул в щель — туда как раз подъехал желто-белый фургон мороженщика. Очень традиционное транспортное средство. На крыше был установлен большой пластмассовый рожок, а под ним синим значились слова «СНЕЙТ ИЗ УЭЙНЗКИЛЛА». Машина остановилась, холодильный агрегат ее продолжал жужжать, а все огни сверкали. Кто за рулем, я несколько мгновений разглядеть не мог — голова водителя пряталась, пока он возился под приборной доской. Казалось, у него значительные трудности с бубенцами — машинка все время повторяла наобум «Полфунта киселя», и управиться с нею он, очевидно, не мог. К тому же играло очень громко. Звук шел из четырех серебристых рожков спереди фургона, а затем эхом отзывался от различных построек во дворе. Я откатил дверь сарая полностью и вышел на улицу. Заглянув в кабину, разглядел, что водитель отчаянно пытается перемкнуть различные проводки, чтобы

как-то повлиять на этот перезвон, но все было тщетно. Водителем был Дикин.

— Чертовы бубенцы, — сказал он, выскользнув из кабины по сиденью и вылезая наружу. — Все время заедает.

— А вообще их выключить нельзя? — предположил я.

— Нет, — ответил он. — Если так сделать, фары гаснут и холодильник отключается.

— Ох батюшки.

— Тут все не так законтачено, а я никак не могу разобраться.

— А с остальной песенкой что стало?

— Не знаю, — сказал он. — Я ни разу не слышал ничего, кроме «Полфунта киселя».

Пока мы с ним разговаривали, нас постоянно прерывали вопли из четырех рожков, и по каждому такому случаю нам приходилось обрывать беседу, пока шум не стихал.

— Хотите, я посмотрю, в чем там дело? — спросил я.

— Можно, если хотите, — сказал он. — Я уже сам не свой. Томми дома нет, видимо?

— Нет, извините.

Я влез в кабину и обнаружил, что внутри так же шумно — гудел холодильный агрегат, а над

головой беспрестанно раздавался этот перезвон. На приборной доске имелся переключатель, из-под которого торчало несколько разноцветных проводков. Я попытался поменять некоторые местами, но преуспел лишь в том, что в пластмассовом рожке на крыше начали вспыхивать огоньки. Я воткнул провода в те же места, где они были раньше, и вылез из кабины. Затем предложил зайти в сарай, где все же было поспокойней.

— Ваша фамилия же не Снейт, верно? — поинтересовался я, когда мы зашли внутрь.

— Нет, — ответил он. — Я Дикин.

— Я так и думал. Так, а кто этот Снейт?

— Это человек, который владел фабрикой мороженого в Уэйнзкилле.

— А, — сказал я. — Я и не знал, что там такая была. — Ну, ее теперь оптовики купили, а имя оставили. — Как же тогда вышло, что вы на этом фургоне ездите?

Дикин покачал головой.

— Даже не спрашивайте.

— А, ладно.

— Ну, в общем, расскажу, если хотите. — Он окинул взглядом перевернутые лодки и сел на ближайшую, а затем продолжил: — Этот фургон с мороженым раньше приезжал сюда по выход-

ным и торговал бойко. Отдыхающие всегда в очередь вставали за рожками и вафлями. И за леденцами. Золотая жила, ни дать ни взять. Когда Снейт продался, франшизу он держал отдельно и предложил ее Томми вместе с фургоном. Томми, конечно, ухватился, но потом убедил взять ее меня.

— Но вам же и так некогда, вы молоко развозите, разве нет?

— Так я ему и сказал, но он стоял на своем, дескать, и мороженое тоже возить могу, в свободное время.

Тут Дикина снаружи перебил припев «Полфунта киселя».

— Чего ж вы просто не отказались? спросил я, когда все стихло.

Дикин вздохнул и снова покачал головой.

— Томми это представил как хорошую мысль. Я в итоге обменял свой грузовик на пикап и фургон.

— Это грузовик, что у Брайана Уэбба стоит?

— Он самый.

— И какие-то деньги кто-то доплачивал?

— Нет, там было взаимовыгодное соглашение. Но по этому поводу я и хочу сейчас увидеться с Томми. Предполагалось, что я фургон возьму по-

гонять только на испытательный срок, а теперь, похоже, я с ним застрял.

— Вам что, значит, не понравилось мороженым торговать?

— Я был так занят, что изматывался в хлам! — сказал Дикин. — А потом сезон закончился, и торговля сдохла.

— Да, следовало ожидать.

— И я, в общем, решил за это не браться. Фургон больше ни для чего не пригоден, и я хочу его вернуть.

— Ну, так и что мешает?

— Никак не могу Томми застать.

На Дикина принялись нисходить мрак и отчаяние. Он сидел на лодке, возбужденно оглаживая ладонями ошкуренную краску. В результате ладони у него постепенно стали свекольными. Когда он это заметил, на его лице проступило смятение, и мне пришлось подавить в себе желание обнять его за плечи и сказать: «Ну, будет, будет».

Вместо этого я предложил ему тряпку, чтобы он вытер руки, а следом — чаю с печеньем во флигеле.

— Примите, если желаете, мой совет, — сказал я, пока мы ждали, когда закипит чайник, — и поговорите с Томми, как только его увидите.

— Да, — сказал Дикин. — Надо приехать и с этим разобраться.

— Не откладывайте в слишком уж долгий ящик.

— Да, вы правы.

— Кстати, мне с вами за молоко нужно рассчитаться.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал он. — Времени у нас навалом.

Теперь, скинув с плеч груз фургона с мороженым, Дикин зримо приободрился. К тому времени как я подал ему чашку чая с печеньем, он уже начал возвращаться в норму. Затем взгляд его упал на новый номер «Газеты торговца».

— У-у, да, — сказал он. — Я вам тут должен кое-что показать.

Он протянул руку и принялся листать ее, пока не отыскал ту страницу, какую хотел. Я совсем не удивился, когда он показал мне рекламу «ЦИРКУЛЯРНОЙ ПИЛЫ С НАЕМНЫМ РАБОТНИКОМ».

— Это вы, — провозгласил он.

— Да, — ответил я. — Так я и подумал.

— Томми, значит, вам про это не говорил?

— Непосредственно — нет.

— Ну, — сказал Дикин. — Он вас сдает в аренду

за столько-то в час и платит вам столько-то в час, а разница — его прибыль.

— А амортизационные расходы сюда включаются?

— Э… нет. Амортизация — это другой счет будет.

— А, ну да, — сказал я. — А вы не в курсе случайно, какая у него почасовая ставка?

— Нет, извините.

— Ну а вам он сколько платил?

— Когда?

— Когда вы ему помогали сарай строить.

— Ничего.

— Что?!

— Штука вот в чем, — сказал Дикин. — Томми не любит расставаться с наличкой. Если можно этого избежать.

— Да, это я заметил.

— Но, осмелюсь сказать, что-то за все свои хлопоты я все-таки получил.

— В смысле — оплату натурой?

— Ну, вроде как да. — Дикин поднялся. — В общем, спасибо за чай и печенье, но мне пора двигаться. У меня гомогенизированное молоко в холодильнике. Особая доставка.

— Кому?

— Дяде Руперту Брайана Уэбба. Он там всегда по средам.

Вскоре после Дикин уехал. Я вышел во двор и постоял, глядя, как он спускается по бетонке в своем списанном фургоне мороженщика. Затем услышал трубный перезвон «Полфунта киселя», и Дикин скрылся из виду.

* * *

Тем вечером я начал отбывать свой двухнедельный срок в «Перезвоне». Две недели просидеть в пабе, где нет женщин, дротиков и «Топэмовского» «Эксцельсиора-горького», меня не очень привлекало, поэтому я откладывал поход туда где-то до без четверти десять. До этого я пару часов провел за рисованием чертежей швартовного плота, недоумевая, как это мне удалось влипнуть в такое дело. Правда заключалась в том, что я, хоть и знал, как он должен выглядеть, на самом деле никогда такой не строил. Лишь после того, как я полвечера провозился с карандашом и бумагой, мне удалось набросать подходящую «модель». Затем, когда дел у меня никаких не осталось, я вышел на улицу.

«Перезвон» теперь казался еще тише, чем в мой предыдущий визит. Те же люди сидели на тех

же местах и пялились к себе в выпивку, а хозяин (которого, очевидно, звали Сайрил) стоял за стойкой и надраивал стаканы. Беседа текла в лучшем случае бессвязная. Время от времени кто-нибудь отпускал какое-нибудь замечание о погоде или упоминал, кого сегодня видел, но по большей части разговоры были далеко не такие интересные. Конечно, присутствовал Ходж — занимал один из табуретов у самой стойки. Он кивнул, когда я вошел, я тоже кивнул в ответ, и меня поразило — уже не впервые, — до чего странные у нас с ним отношения. Я уже некоторое время регулярно звонил и заказывал продукты — и получал счета, которые пока не оплатил. Я был уверен, что, когда звонил, трубку снимал Ходж, но он ни разу не подтвердил этого факта, да и я ни разу не представился. Лишь просил доставлять заказы во флигель. Если Ходж и знал, что это я, — виду не подавал. Я же, со своей стороны, понятия не имел, когда полагается платить по счетам. Ничего никогда не говорилось, и мы просто сидели бок о бок, выпивали и друг к другу никакого отношения не имели.

Лишь на третий такой вечер обсуждению подвергся вопрос продовольствия, да и то вкратце. Ходж повернулся ко мне под конец особенно

безмолвного затишья и сказал:

— Кстати, у нас в лавке новая партия фасоли.

— Тушеной?

— Да.

— А, ну да, — сказал я. — Учту.

— Просто подумал дать вам знать.

— Спасибо.

После чего мы оба вернулись к созерцанию своей выпивки, и вопрос этот больше не поднимался.

Когда я шел домой, мне взбрело на ум, что можно было бы съездить в «Поденщик», глянуть, там ли Лезли. В конце концов, в тот первый вечер, когда мы вместе играли в дротики, она была очень дружелюбна, предлагала мне выпить, а потом сказала: «Может, тогда в другой раз». Казалось, это весьма очевидный намек. Единственная беда заключалась в том, что у меня не было никакого весомого «предлога» ни с того ни с сего объявиться в ее местном пабе. Уэйнзкилл располагался в добрых десяти милях, и дорога туда шла отдельная, поэтому не мог же я просто зайти внутрь и сказать, что мимо проезжал. Матч по дротикам, который я пропустил, предоставил бы идеальную возможность получше узнать Лезли, но этот шанс, к сожалению, пропал. Теперь я понятия не

имел, когда вновь увижу ее.

* * *

Тем временем все дни свои я старался продвинуться с лодками, вот только работа постоянно откладывалась мистером Паркером. Казалось, вечно возникает что-то еще, более безотлагательное. Однажды утром, вскоре после того как я согласился строить швартовный плот, он объявил, что все материалы, что мне требуются, собраны внизу у мостков.

— Хотите сегодня начать? — спросил он.

— Можно, — ответил я. — Конечно, мне ради этого придется бросить пока работу с лодками.

— Это ничего, — сказал он. — До Рождества все равно еще не одна неделя.

Как скажет — так и сделаю, и немного погодя я оказался среди скопища нефтяных бочек и досок. Еще там имелась коробка длинных болтов, которыми все скреплять. Сборка составляющих в единое целое потребовала множества проб и ошибок, несмотря на мой тщательно отрисованный «чертеж», и работа эта заняла целый день. Законченный плот выглядел сравнительно крепким, однако будет он плавать или нет — вопрос. Я попробовал подтащить его к воде, чтобы

проверить на пловучесть, но обнаружил, что он довольно тяжелый. Вообще-то даже приподнять его я мог с немалыми трудностями. Заблаговременно я об этом не подумал. Я как раз возился с лишними досками, стараясь сотворить из них нечто вроде слипа, когда кто-то подошел ко мне сзади и сказал:

— Вам тут подсобить?

То был старик, помогавший мне ремонтировать мостки.

— О, спасибо, — сказал я. — Мы вдвоем наверняка сможем спустить его на воду.

— Это вы сами построили, да? — спросил он, разглядывая плот.

— Ага, только что закончил.

— Того другого малого нипочем было б не застать за такой работой.

— Нет?

— Ни за что. Лишь прохлаждался целыми днями да с девчонками забавлялся.

— С какими девчонками?

— Со всеми, — сказал он. — С курортницами, с отдыхающими. Ни пальцем не шевельнул, только багром своим их цеплял.

— Хорошая же работенка у него была, — заметил я.

— Работенка? — рявкнул старик. — Это не работенка! — Он обогнул плот с другой стороны и нашел, где поудобнее взяться. — Так вы хотите, чтоб я помог, или нет?

— Да, пожалуйста, — сказал я. — Вы меня здорово выручите.

Я схватился за плот со своей стороны, и нам вдвоем удалось подтащить его к самой воде. Еще рывок — и он поплыл у мостков. Затем я его привязал и попробовал походить по настилу.

Устойчиво? — спросил старик.

— Да вроде ничего, — ответил я. — Да, я вполне доволен.

Я сошел на берег и принялся собирать оставшееся снаряжение.

— Хорошо вы тут потрудились, — сказал он.

— Спасибо.

— Я слыхал, вы завтра у нас работаете.

— Правда?

— С циркулярной пилой.

— А, — сказал я. — Э… ну да, верно.

— К восьми приезжайте.

— Ладно.

Очевидно, объявление мистера Паркера в «Газете торговца» вызвало какой-то отклик, однако я впервые об этом услышал. Несомненно, он

планировал сказать мне об этом, когда ему будет угодно. Меж тем меня поразила мысль: похоже, я тут всегда обо всем узнаю последним. Даже старик знал раньше меня.

— Где вы живете, еще раз? — спросил я.

— В «Каменной усадьбе», — сказал он, показав через озеро. — Второй поворот налево.

— Понял.

— Пора нам уже весь этот лес напилить.

— Да.

— Полгода там уже лежит.

— Ну, — сказал я. — Завтра тогда и начнем.

Он кивнул и убрел к деревьям, не попрощавшись. Я прибирался дальше, а вскоре после подъехал на пикапе мистер Паркер.

— Значит, закончили? — спросил он, выходя из машины.

— Да, — ответил я. — Хотите испытать?

— Можно, наверно. — Он вышел на мостки и сделал было шаг на плот, но затем, похоже, передумал. — Не, поверю вам на слово.

— Вполне безопасно, — сказал я.

— Вполне вероятно, — ответил он. — Но нет смысла рисковать без нужды.

— Да, наверное, нет.

Я загрузил оставшиеся инструменты в кузов

его пикапа и подождал, когда он осмотрит дело моих рук.

— Кстати, — наконец сказал он. — Завтра я вас опять снимаю с лодок, если не возражаете.

— О, ладно. Это зачем?

— У нас контракт на аренду циркулярной пилы, у Пиктолла. Работы на день, дров ему напилить.

— Ага.

— Мистер Пиктолл хочет, чтоб вы к восьми подъехали. Только хорошенько там у него поработайте, нет?

— Изо всех сил постараюсь.

— Это хорошо.

Уже почти стемнело, поэтому мы сели в грузовичок и поехали во двор. Войдя к себе во флигель, я тут же заметил, что здесь побывала Гейл и забрала свою домашку по истории, которую я оставил на полке у двери. Вместо нее она положила тетрадь по геометрии вместе с запиской, где говорилось, что последние задания нужно сдать послезавтра. Мне пришло в голову, что Гейл уже начала злоупотреблять моими добрыми намерениями. Я не возражал против того, чтобы делать ей домашние задания: это было довольно легко и занимало меня после темна. Из этого получалось даже кое-что узнать. За последние недели я

обнаружил, к примеру, что ее учительницу географии очень интересовал известняк. Вопросы о сталактитах, сталагмитах и карстовых воронках возникали регулярно, а любые ответы, включавшие в себя слово «осадочный» и «отложение», наверняка получали хорошие отметки. Учителя же по английскому меж тем завораживало понятие иронии. Вопросы об ироничности того или сего были у него или у нее дежурными. От меня требовалось лишь намекнуть в сочинении, что вымышленный персонаж такой-то, похоже, испытывает насмешки судьбы или обстоятельств, и в награду я получал под заключительным абзацем красную звезду и «оч. хор.».

Тем не менее я начинал постепенно осознавать, что Гейл наш уговор выгоднее, чем мне. В конце концов, ей нужно было только принести последнюю порцию домашки во флигель, и та делалась как по мановению руки, а у нее самой вечера оставались свободными для того, что ей нравилось. По крайней мере могла бы приносить ее, когда я дома. С другой стороны, надо признать — иногда я ловил себя на том, что мне с нею рядом трудно сосредоточиться. Если она сидела на тахте и ждала, пока я закончу, на ее домашнюю работу всегда уходило вдвое больше времени,

поэтому, принося ее, когда меня нет, она, видимо, заботилась обо мне.

Я просмотрел упражнения по геометрии — все они казались достаточно незамысловатыми. На один вопрос Гейл уже ответила сама, и я с удовольствием отметил, что правильно — не считая ошибки в слове «гипотенуза».

* * *

Когда я поднялся наутро, мистера Паркера нигде не было, но дверь большого сарая стояла открытой, и трактор с циркулярной пилой был готов к выезду. Прибыв в «Каменную усадьбу» ровно к восьми, я почувствовал себя профессионалом. Это место совершенно отличалось от «Дома на холме» тем, что располагалось очень низко у подножья крутого склона. На участок можно было попасть по длинной глухой дорожке меж двух живых изгородей, и въезда этого я бы нипочем не нашел, если бы старик не сказал мне, что он второй слева. После четверти мили или около того дорожка закончилась на дворе фермы, над которым нависала пустошь. Как и ожидалось, дом был сложен целиком из камня. Должно быть, я уже привык жить наверху у мистера Паркера, поскольку это место показалось мне действитель-

но очень низким и замкнутым со всех сторон. И очень сырым. День стоял пасмурный, но я не мог себе представить, что здесь как-то очень сияет солнце, даже летом. Повсюду голые валуны, почти все укутаны мшистым налетом, как будто никогда по-настоящему не просыхают. И конечно, озера отсюда не было видно совсем — только травянистые склоны, взмывавшие к тучам.

Человек, вынырнувший из дома встретить меня, являл признаки пожизненного обитания в тени. Вот я такой прибыл, полностью экипированный, чтобы выполнить для него некую важную работу, а он лишь мрачно показал на штабель древесины в дальнем углу двора. Затем глянул на часы — проверить, что я приехал вовремя. Несмотря на такое блеклое приветствие, однако, я решил все же попробовать завести с ним дружелюбный разговор. Выключив двигатель, я слез с трактора.

— Утро, — бодро произнес я. — Мистер Пиктолл, верно?

— Верно, да, — ответил он.

— А… э, ну, я привез пилу.

— Да, это я вижу, — сказал он. — И вы ее оператор, так?

— Ага.

— Так. Ну, мне нужны поленья на дрова не меньше девяти дюймов и не больше четырнадцати. Это ясно?

— Не меньше девяти, не больше четырнадцати. Ладно.

Когда я это произнес, мистер Пиктолл глянул на меня странно. Посмотрел на технику, затем снова на меня.

— Вы же знаете, что делать, верно?

— О да, — сказал я, заверив его кивком.

— Ага, ну, уже десять минут девятого, так что вам бы лучше начать.

Очевидно, я не смотрелся таким профессионалом, каким себя считал. Я снова завел трактор и запустил циркулярную пилу, сознавая, что мистер Пиктолл следит за каждым моим движением. Произведя пару важных на вид проверок безопасности, я выбрал из штабеля брус и принялся резать его на поленья. Каждый по мне выглядел от девяти до четырнадцати дюймов длиной, но он немного погодя вытащил из кармана рулетку и замерил. После чего подошел к трактору.

— У вас что, линейки нет? — требовательно спросил он.

— Э… вообще-то нет, — ответил я. — Обычно не

пригождается.

— Так вы, значит, длину на глазок замеряете, а?

— Ага.

Он покачал головой.

— Ну, у меня больше нет времени здесь торчать, но лучше, если ошибок не будет.

— Ладно.

— Иначе мистер Паркер об этом услышит.

— Ну да.

И с тем он зашел в дом и закрыл за собой дверь. Через несколько минут вышел снова, глянул в мою сторону и направился к сараю с низкой крышей, в котором стоял пикап. Мне стало значительно легче, когда он сел в него и уехал по дорожке, больше не сказав мне ни слова. Как только он скрылся, я выключил двигатель и передохнул. По прибытии я так быстро принялся за работу, что едва успел все тут осмотреть, поэтому теперь несколько минут стоял и озирался. Первым делом заметил, что дом, похоже, разделен на две части. Дверь, через которую ходил мистер Пиктолл, была ко мне ближе, и на ступеньке перед ней стояла пустая молочная бутылка. На дальнем конце здания я заметил другой порог со своей молочной бутылкой на нем. На миг мне

показалось, что в окне мелькнуло чье-то розовое лицо — выглянуло, — но дальше всматриваться не было времени. Я вдруг услышал, как по дорожке подъезжает машина, и, решив, что это возвращается мистер Пиктолл, снова запустил двигатель и вернулся к работе.

Мгновение спустя во двор въехал Дикин.

Как обычно, он очень спешил — сбегал к двум порогам со свежим молоком и забрал пустые бутылки. Заметив меня возле трактора, заполошно мне помахал.

— С Томми уже повидались? — крикнул я.

— Нет, — ответил он. — Времени не было! Но повидаюсь!

— Вы уж постарайтесь!

— Хорошо!

Дикин тут же исчез — рванул прочь по дорожке, дальше на свой молочный объезд, который уже начинал походить на дело очень неблагодарное. Почему все здесь считают, что мне было бы интересно «заменить» Дикина, я ума не мог приложить. Казалось, даже Ходж откуда-то подцепил эту мысль. Накануне вечером в «Перезвоне» он принялся распространяться о том, что «в молочном деле тут есть куда улучшать», и что хороший кандидат «не в миллионе миль отсюда». Я, конеч-

но, сделал вид, что не обратил на это никакого внимания, и не стал вступать с ним в непосредственную беседу. Тем не менее у меня сложилось стойкое впечатление, что несколько местных убеждены, будто я всерьез рассматриваю возможность стать их молочником. Насколько мне было известно, такого мнения я не подкреплял ничем, да и смещать с места Дикина мне хотелось меньше всего на свете. У него и так неприятностей хватает, чтоб еще и я к ним прибавлялся.

С такими мыслями я вернулся к циркулярной пиле и продолжил работу. Вскоре после я заметил, как кто-то вышел из дальнего конца дома. То был старик. В толстых перчатках и рабочих сапогах, он шел прямо ко мне. В руке он держал какую-то палку. Переходя двор, он то и дело бросал взгляды на ближний конец дома, а также на сарай, где до этого стоял пикап. Наконец он приблизился и помахал палкой.

— Линейка, — сказал он вместо приветствия. — Небось у вас нету, верно?

— Нет, — ответил я. — Спасибо.

— Что он вам сказал? От девяти до четырнадцати?

— Да.

— Так и думал. Ладно, не отвлекайтесь.

Вслед за этим он потащил огромный брус к пиле. Затем по линейке стал отмерять распилы. Как обычно, его присутствие значительно ускорило работу, и за следующий час большую часть дров я напилил. Мистер Пиктолл про это не упоминал, но получившиеся поленья, очевидно, предполагалось сложить в ближайший дровяной сарай. Вскоре у старика рядом с циркулярной пилой появилась тачка, и он взялся отвозить дрова, едва я успевал их напиливать. Так мы некоторое время продолжали, а потом он подошел ближе и крикнул мне в ухо.

— Чаю хотите?

— Не откажусь!

— Тогда ладно. Погодите тут!

Он скрылся в доме, а через несколько минут вернулся с подносом, на котором курились две кружки и лежали какие-то пончики. Я заглушил трактор, и, когда шум стих, мы с ним насладились заслуженным перерывом. В том дворе без грохота двигателя, казалось, все очень спокойно, и мы какое-то время стояли и пили чай в тишине.

— Похоже, вы хорошо знакомы с такой работой, — наконец заметил я.

— Как полагается, — ответил старик. — Сорок лет лесным делом заправлял.

— Как, здесь?

— На этом самом месте, — сказал он.

— Но теперь вы на пенсии, а?

— Скорей на живодерню списали.

— Ну что ж, вечно ж не будешь работать.

Он посмотрел на меня.

— Почему нет?

— Ну… э… вообще-то не знаю.

— Терпеть не могу не работать, — сказал он, а затем умолк и посмотрел на дорожку, с которой уже доносился шум подъезжавшей машины. Он тут же скрылся в дровяном сарае с подносом и двумя пустыми кружками. Я завел трактор и возобновил работу, едва во двор вкатился мистер Пиктолл. Он остановился и вышел из кабины, поглядывая то на сильно сократившийся штабель древесины, то на дровяной сарай. Наконец он подошел ко мне.

— Моего отца видели? — спросил он.

— Э… кого?

— Старика с дальнего конца дома?

— Нет, — сказал я. — Никого я не видел.

— Так, а откуда вы знаете, что дрова нужно складывать в сарай?

— Догадался, — ответил я. — Работа же такая.

Он подозрительно смотрел на меня еще

несколько мгновений, после чего резко вошел в дровяной сарай. А когда вышел снова, я с удивлением убедился, что он один.

— Если увидите его, — сказал он, — не давайте ему помогать.

— Ладненько.

— Не хочу, чтобы он больше работал.

— Хорошо.

Он глянул на штабель древесины.

— Похоже, очень быстро вы продвигаетесь.

— Стараюсь, как могу, — ответил я.

Бросив на меня еще один подозрительный взгляд, он снова сел к себе в пикап и уехал. Несколько минут я подождал, пока не убедился, что он точно уехал, после чего зашел в дровяной сарай посмотреть, что сталось со стариком.

— Мистер Пиктолл? — крикнул я. — Эгей?

Ответа не последовало, если не считать стука у меня из-под ног. В сарае было довольно темно, и я решил, что стою на каком-то деревянном полу, но, сделав шаг в сторону, увидел, что поднимается нечто вроде люка. Мгновение спустя из своего тайника выбрался старик.

— Он тут сорок лет живет, — торжествующе сказал он. — А про схрон-то и не знает.

— Поди ж ты, — сказал я. — Довольно удобно.

— Если б больше внимания на дела обращал, так уже все углы и закоулки знал бы.

— А он, значит, нет? — спросил я. — Не обращает внимания?

— Нет, конечно! — сказал старик. — Заставил меня дело бросить, а потом его и потопил.

— Почему же он вас заставил бросить?

— По состоянию здоровья.

— Ну, — сказал я, — это хорошая причина, разве нет?

— Да черта с два! — рявкнул он. — Все это безделье меня только прикончит! Я потому и хожу гулять подолгу — делать-то больше нечего!

Он подобрал отбившееся полено и положил его на верх поленницы.

— Можете и дальше мне помогать, если вам нравится, — сказал я.

— Спасибо, — ответил он. — Беда лишь в том, что он в любой момент теперь может приехать.

— А куда это он постоянно мотается?

— Ох, даже не спрашивайте. Говорит, что теперь занимается куплей-продажей. Знаете, аукционы и тому подобное. Чертовски дурацкое занятие это, если не соображаешь, что делаешь.

— Ну, — заметил я, — мистер Паркер, судя по всему, на этом неплохо зарабатывает.

— Может, и так, но у Томми голова правильной стороной прикручена. Если он во что-то вкладывает деньги, то знаешь, что это надежно.

— Видимо, да.

— Но это не значит, что любой так может. — Старик оглядел двор и презрительно покачал головой. — Крепкое дело у нас тут было, — сказал он. — А теперь ему конец.

Вскоре после я вернулся к пиле и приготовился продолжать работу. Старший мистер Пиктолл, очевидно, решил, что больше помочь мне не сможет, что было очень жаль — у нас с ним сложилась хорошая бригада. Несколько минут спустя он мне кивнул и ушел в сторону озера. Я посмотрел на штабель древесины и понял, что, хотя за утро мы его изрядно истощили, работы с ним мне еще много. Штабель состоял из рубленых бревен, списанных балок и сломанных заборных столбов — все их следовало напилить на поленья не короче девяти дюймов и не длиннее четырнадцати. Я выбрал древнюю на вид балку и разметил ее, затем принялся за первый надпил. Пила вдруг настойчиво заскрежетала. Я отдернул балку, но шум продолжался, поэтому я заглушил трактор. Лезвие не докрутилось до остановки постепенно, а замерло намертво. Тут я заметил,

что дымятся подшипники. Я положил на них руку и понял, что они очень нагрелись. Слегка выругавшись, я решил дать пиле остыть, а затем попробовать снова, но меня не оставляло безнадёжное ощущение, что здесь что-то серьезно не так. Четверть часа я перевозил на тачке поленья в дровяной сарай, а потом, когда ничего больше не оставалось, попробовал завести двигатель снова. Скрежет тут же возобновился, и страхи мои подтвердились: пиле как-то удалось заесть. И вот тут я вспомнил про тавотный шприц. Конечно же! Мистер Паркер всегда подчеркнуто смазывал тавотом все движущиеся части до и после использования, а я сегодня утром перед выездом этого не сделал. Теперь мне ничего не оставалось — только собраться и ехать домой. Во дворе я как мог прибрался, опилки сгреб лопатой в аккуратную кучу с одной стороны, после чего выехал оттуда.

На полдороге от дома я встретил младшего мистера Пиктолла, возвращавшегося на своем пикапе. Я заметил, что в кузове он везет четыре пустые нефтяные бочки. Места разъехаться у нас не было, поэтому мне пришлось задним ходом сдавать до самого двора, а он ехал за мной, и, как только мы прибыли на место, он вылез из кабины

и подошел к трактору.

— Вы это куда? — спросил он.

— Обратно в «Дом на холме».

— Зачем?

— Пилу заело.

— А как же мои дрова?

— Ну, — сказал я, — мне просто придется к вам заехать в другой день.

— Я не хочу, чтоб вы заезжали в другой день! — повысил голос мистер Пиктолл. — Уговор был на немедленное исполнение!

— Извините, но я не очень понимаю, что еще тут можно сделать.

— Никаких мне «извините»! — взревел он. — Я об этом с мистером Паркером поговорю!

И с этими словами он влетел в дом и захлопнул за собой дверь.

До того, как все пошло не так, я предвкушал поездку обратно в «Дом на холме». Потарахтеть на тракторе по тайным сельским дорогам — приятное завершение трудового дня. А теперь я мог думать лишь о мистере Пиктолле, который в ярости звонит мистеру Паркеру, а тот затем выходит из себя при мне. Одно дело ступить и опрокинуть банку краски и совершенно другое — вывести из строя совершенно годную технику. Брайан

Уэбб и прочие бессчетно предупреждали меня насчет норова мистера Паркера, и на сей раз я был уверен, что получу от него сполна. Тем не менее выбора мне не оставалось — только ехать домой и расхлебывать кашу.

Вдобавок к моим горестям небеса потемнели и пошел дождь. У трактора не было кабины, поэтому, когда доехал до «Дома на холме», вымок я насквозь. В такую погоду нарисованный зеленый квадрат при въезде особенно бросался в глаза, и тягости, что я чувствовал, никак не развеял. Я подумал было, не списать ли мне прекращение пилки на «дождь прогнал», но тут же понял, что отговорка это хилая. Да и как бы там ни было, правда все равно выйдет наружу рано или поздно, от этого никуда не деться.

Когда я ставил трактор обратно в сарай, вокруг никого не было. Мистер Паркер, похоже, еще не вернулся, а Гейл до сих пор в школе, поэтому я переоделся в сухое, мокрое повесил сушиться в котельной, а сам пошел дальше трудиться над лодками. Я пытался вспомнить, когда последний раз сидел тут и на самом деле занимался тем, чем должен был. Казалось, сто лет прошло, хотя в действительности — вероятно, всего несколько дней. Дождь барабанил по крыше сарая, и я

быстро вошел в ритм работы и продолжил с того места, на котором прервался. Эта работа, решил я, нравится мне больше всего, и через несколько дней первая лодка у меня будет готова к покраске. Немножко потрудившись ручным шлифовальным станком, я почти совсем выкинул из головы неприятность с циркулярной пилой. А потом дверь сарая открылась и вошел мистер Паркер.

8

— Дождь прогнал? — спросил он.

— Да… В общем, нет… Как бы, — ответил я.

Он улыбнулся.

— Так что?

— Вы, значит, с мистером Пиктоллом не разговаривали?

Улыбка исчезла.

— Нет, я только что вернулся. А что?

— Ну, у меня, похоже, небольшая неприятность с пилой.

Он бросил взгляд на трактор.

— Что за неприятность?

— По-моему, ее заело.

— Но вы же обошли ее всю с тавотным шприцем, нет?

Теперь мистер Паркер принялся осматривать пилу внимательнее. Он положил руку на диск лезвия и попытался крутнуть, но тот шевелиться отказался.

— Нет, простите, — сказал я. — Забыл.

Он резко повернулся ко мне.

— Забыли? Как вы могли забыть, я же показы-

вал вам не раз и не два?

— Не знаю.

Прошел миг, за который я уже приготовился к тому, что мистер Паркер сейчас выйдет из себя. Вместо этого он лишь вздохнул и покачал головой.

— Батюшки, ох батюшки, ох батюшки, — сказал он. — И что же нам с вами делать?

Я стоял молча, пока он дальше осматривал ущерб. По всем признакам действительно заело подшипники. Я неотчетливо задавался вопросом, сколько будет стоить их замена и сколько времени она займет.

— Мистер Пиктолл немного расстроился, потому что я не закончил работу, — наконец осмелился выдавить я.

— Ну еще бы, — сказал мистер Паркер. — И я, конечно, не смогу теперь выставить ему полный счет.

— Да, наверное, нет.

Он опять вздохнул.

— День немного потеряли, нет? К счастью, к пиле прилагался запасной комплект подшипников. Вы же и эти портить не станете, надеюсь?

— Нет-нет. Конечно, нет.

— Значит, я вам так скажу — попейте чаю и

приходите, мы ее починим.

— Ну да. Э… а как же мистер Пиктолл?

— О нем не беспокойтесь.

— Ладно… спасибо.

Я вышел из сарая и направился через двор, чувствуя себя вполне бойко. Казалось, все сошло мне с рук довольно легко. На полпути к флигелю я вспомнил, что в котельной у меня сушится одежда, и свернул ее забрать. Уже стемнело, и я, подходя к двери, заметил, что внутри горит свет. Не задумываясь, я вошел и увидел, что там в одном белье стоит Гейл.

— Ой, простите, — сказал я, пятясь на улицу.

— Все в порядке, — сказала она. — Заходите, если хотите.

— Вы уверены?

Ага, это ничего.

Я вошел и принялся собирать одежду с рамы для сушки, на которой теперь висела почти вся школьная форма Гейл.

— Под дождь попала, — улыбнулась она. — Посушить вот надо.

— О… ну да. Э… а у вас халата разве нет или чего-то?

— Оно того не стоит, — ответила она. — Еще минут десять, и все готово.

— Да, — сказал я. — Тут довольно жарко, верно?

— Да.

За те несколько минут я не мог не заметить белизны ее лифчика. А также легкой вмятины, которую он оставил на мякоти ее плеч. Собрав комом сухую одежду, я направился к двери.

— Ну, пока.

— Можно потом принести вам домашку по географии? — спросила она.

Я повернулся в дверях к ней лицом.

— Ну, вообще-то я собирался с вами об этом поговорить.

— А, да?

— Ну. Видите ли, я начинаю понимать, что мне это несколько затруднительно.

— Почему?

— Просто начинаю.

— Но я думала, вы сказали, что это просто.

— Ну, сами домашние задания просты, ага. Но вы растете очень быстро, и… э… Я правда считаю, что вам пора начать делать их самостоятельно.

Она пожала плечами.

— Ну ладно.

— Вы не против?

— Конечно, нет. Я скоро уйду из школы и, на-

верно, все равно все забуду.

— Ну, видимо, и так на это можно взглянуть.

Она сняла со стойки блузку, натянула на себя и принялась застегивать пуговицы.

— Я вам так скажу, — сказала она. — А чего бы вам меня чему-нибудь другому не поучить?

Всего на блузке было пять пуговиц, за исключением той, что сверху.

— Чему-нибудь — это чему? — спросил я.

— В дротики играть.

— В дротики?

— Ага.

— Зачем?

— Чтоб мы играть могли, глупый.

— О… э… ну да.

— На сеновале можно играть.

— Я думал, он набит сеном Брайана Уэбба.

— Не совсем, он в одном конце место оставил.

— А с доской что делать?

— У вас под кроватью во флигеле лежит.

* * *

Вернувшись домой, я сразу заглянул под кровать — и, разумеется, там лежала доска для дротиков. Красночерная модель, и, судя по количеству дырок в ней, пользовались ею часто.

Кроме того, под номером шесть я заметил металлическую бирку с оттиснутыми на ней словами: «Собственность Межпабной лиги. Не уносить».

Мне стало интересно, что за человек мог умыкнуть из паба доску для дротиков.

Когда я допил чай и вернулся в большой сарай, мистер Паркер разобрал уже почти всю циркулярную пилу.

— Помочь? — спросил я.

— Это уже поздновато, — ответил он. — Я сам практически все сделал.

Тон у него был не такой прощающий, как раньше, и я очень постарался принести ему хоть какую-то пользу. Он собирался ставить новые подшипники, а мне поручил придерживать их в нужном положении.

— Небось мотоцикл свой смазывать вы никогда не забываете, — заметил он, закручивая гайки.

— Стараюсь не забывать, — ответил я.

— Ну так старайтесь не забывать, и когда пользуетесь моим оборудованием.

— Да, хорошо. Простите меня.

Через полчаса мы опять все собрали, и оно работало как полагается.

— Хотите, я завтра опять поеду к мистеру Пиктоллу? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил мистер Паркер. — Лучше пускай он сперва немного остынет.

— А, ну ладно.

— Кстати, через день-другой я на эту вашу фабрику поеду.

— О, вот как?

— Я сегодня еще бочек купил, поэтому теперь хватит на полную загрузку.

— О, ну что ж, надеюсь, все получится.

— Да, — сказал он, — похоже, вы мне тут хорошее дельце подсказали.

Мне показалось, что это благоприятный повод завести разговор о моем жалованье, но тут до меня дошло, что мистер Паркер только что потратил несколько часов на ремонт ущерба, что я нанес, поэтому я решил дождаться другого раза. Вернулся к себе во флигель, принял ванну, а потом вышел прогуляться.

Мне нужно было купить еще продуктов, поэтому перед тем, как зайти в «Перезвон», я остановился у телефонной будки. Как обычно, Ходж не отвечал долго, следом — еще одна заминка, пока он ходил за тем, на чем можно записать. Я звонил уже в четвертый или пятый раз, и у меня уже более-менее сложился список требуемого. Единственным ненадежным элементом было

печенье, которое я всегда оставлял на самый конец. Как обычно, предлагаемый выбор был очень ограничен.

— У вас фиговые рулетики не появились? — спросил я.

— Боюсь, что нет, — ответил Ходж.

— А с заварным кремом?

— Нет.

— С солодовым молоком?

— Нет?

— Тартанные песочные?

— Минуточку, схожу гляну.

— Ладно.

Прошла минута, за которую в трубке запищало, и я сунул в щель еще одну монетку. Затем Ходж вернулся к телефону.

— Вы сказали «тартанные песочные»?

— Да.

— Ну, у нас их нету.

— О, ну ладно, — сказал я. — Обычные диетические есть, полагаю?

— Да, есть.

— Тогда хорошо. Мне таких.

Выбор печенья обычно означал конец разговора, но на сей раз Ходж, казалось, с надеждой рассчитывал на что-то еще. Я со своей стороны

не говорил ничего, а мгновенья меж тем тикали себе дальше.

Потом он наконец заговорил.

— Возможно, вас заинтересует, что мы получили новую партию фасоли.

— Правда? — сказал я.

— Только что поступила. Хотите заказать себе?

— Тушеная фасоль, а?

— Да.

— Фасоль, подаваемая с густым и вкусным томатным соусом?

— Верно.

— Только что с фабрики, в банках с удобным колечком на крышке?

— Она самая, — сказал Ходж.

— Извините, — сказал я. — Научился без нее обходиться.

В тот момент в трубке опять запищало, и я ее повесил.

* * *

Я просидел в «Перезвоне» минут десять, когда пришел Ходж. Едва кивнув мне в знак приветствия, он расположился на своем обычном табурете у стойки и заказал у Сайрила виски.

— Лучше одинарный, — заметил он. — Дела

нынче вяловато идут.

В «Перезвоне» длился очередной спокойный вечер. Снаружи неким нескончаемым влажным сумраком сгущалась погода поздней осени. Внутри зрелище едва ли было ярче. Свет шел от ряда розовато-лиловых стеклянных плафонов, прикрученных к ламбрекену над баром. Предполагалось, что они как-то оживят это место, но на самом деле они производили ровно обратное действие. В их тусклом свете мы сидели и пялились в свои напитки, дожидаясь исхода вечера.

Казалось маловероятным, что Ходж сегодня завяжет со мной какую-нибудь свою натянутую беседу, в таких-то обстоятельствах, и я рассчитывал, что сегодня он в кои-то веки оставит меня в покое. Следовательно, он застал меня врасплох, когда вдруг повернулся ко мне и заговорил.

— Я так понял, с мистером Пиктоллом вы не поладили, — объявил он.

— Неужели? — сказал я.

— Судя по тому, что мне рассказывали.

У Ходжа была манера обращаться к людям так, чтобы слышали и все остальные в пабе, хочется им этого или нет. Кроме него, Сайрила и меня здесь присутствовали еще три-четыре пивших, и, как только началось это общение, я осознал,

что все они слушают с интересом. Кроме того, я увидел, что иного выхода у меня нет — только продолжать беседу.

— Вы имеете в виду молодого мистера Пиктолла? — спросил я.

— Да.

— Ну, я бы не сказал, что мы не поладили. У нас сегодня просто случилась небольшая неприятность, только и всего.

— По мне, так это звучало больше, чем небольшая неприятность, — сказал Ходж. — Я бы это назвал вопросом неуместности.

— Почему?

— Судя по тому, что я слышал, вы бросили работу, не закончив.

— Ага, — сказал я. — Но там ничего нельзя было поделать.

Он покачал головой.

— Видать, ничего поделать нельзя было и тогда, когда вы подвели команду «Вьючной лошади» по дротикам.

— Э… ну, то было недоразумение.

— О, — сказал он. — Недоразумение, понимаю.

Во время этого разговора Сайрил деловито хлопотал за стойкой, протирая стаканы, одновременно прислушиваясь к тому, что говорится.

Теперь он влился в нашу беседу с собственным замечанием. Прозвучало оно в мой адрес.

— Они «Топэм» завезли специально для вас, между прочим.

— Кто?

— «Вьючная лошадь».

— Это же не только для меня, — возразил я.

— Ну, его больше никто не пьет.

— Ох… правда, что ли?

— Как-то неблагодарно к ним так после этого относиться, — сказал он. — Неудивительно, что вас оттуда выгнали.

— Никто меня не выгонял.

— Выгнали. Потому-то вы сюда и начали ходить.

— Нельзя так людей все время подводить, — прибавил Ходж. — А уж тем паче если думаете тут молоко развозить.

— Но я и не говорил, что думаю.

— Нужно пытаться друзей заводить, а не расстраивать людей направо и налево.

При этих словах остальные посетители согласно забормотали.

— Ладно, — сказал я, допивая стакан залпом. — Я, наверное, пойду.

— Но вы же только что пришли, — сказал Сай-

рил. — Пока нельзя уходить.

— Можно. Доброй ночи.

Я направился к двери.

— Мы вам лишь по-дружески советуем, — сказал Ходж, когда я уже шагнул в темноту.

— Доброй ночи, — повторил я.

— Доброй ночи, — ответили мне голоса изнутри. А затем дверь за мной закрылась.

Я постоял посреди площади, приходя в себя после этого перекрестного допроса, и сам себе поклялся, что в «Перезвон» я больше ни ногой. Это, конечно, означало, что я теперь, по сути, изгнан из обоих пабов Миллфорда.

Так, ладно, подумаешь. Придется пока обходиться без выпивки, а это не задевало меня ни в малейшей степени. В конце концов, мне есть чем заняться, уйма всякого. Чего ради тратить вечера, болтаясь в пабах?

Я решил вернуться в «Дом на холме» по тропе вдоль озера и, проходя мимо «Вьючной лошади», заглянул за стенку пивного сада. Из нижнего бара раздавался звон стаканов и сиплый хохот, а в окне, мне показалось, я различил силуэт человека в короне.

Затем я повернул к озеру. Ночь стояла темная, но этой дорогой я уже ходил столько раз, что, ве-

роятно, отыскал бы тропу и ощупью. Основными преградами обычно выступали корни деревьев, забиравшиеся на тропу. Однако сегодня я выпил всего пинту лагера, поэтому никаких затруднений у меня они не вызывали. Вообще-то я едва обращал внимание, куда иду. По большей части я размышлял о том, как это оно будет, возьмись я и впрямь развозить тут молоко, как все мне предлагают. На какое-то время это дело даже показалось притягательным. Мне вполне нравилась мысль вставать спозаранку и выезжать на доставку. Потенциальных клиентов тут много, хоть они и довольно-таки разбросаны, но так я смогу хорошенько узнать эти места. Кроме того, если все быстро буду делать, дни у меня останутся свободны на другие интересные занятия — например, ухаживать за лодками мистера Паркера.

В голову мне пришло и кое-что еще. Об этом я чуть не забыл, но в детстве я, бывало, помогал с доставкой молочнику — ездил на задке его молочной платформы, ставил на ступеньки бутылки и забирал пустые. Молочник тот ездил у нас по дороге, сколько я себя помню, и меня частенько интересовало, не нужен ли ему помощник. Затем однажды утром он вдруг притормозил рядом, когда я ехал на велике по тротуару, и спросил:

«Хочешь поработать?»

Само собой, я тотчас же ухватился за эту возможность и несколько недель помогал ему, пока не кончились каникулы. Он мне всегда позволял обслуживать дома в конце террасы или на вершине длинной лестницы. А сам тем временем оставался в грузовике и проверял свою книгу заказов. Насколько мне было известно, я был единственным пацаном в округе, кому разрешалось ему помогать, а это сообщало мне определенную толику местного престижа (хоть он мне никогда и не платил по-настоящему). Если мне не изменяет память, этим я занимался тем же самым летом, когда научился грести на лодке в нашем местном парке. Теперь казалось, что все это случилось давным-давно, но мысль о молочной доставке вызвала у меня приятные воспоминания, поэтому я некоторое время крутил ее в голове. Действительность, разумеется, сильно отличалась. Как мог я начать собственное предприятие без всякого капитала? Сперва нужно купить пикап (молочные платформы работали только в пригородах), и потребуется установить некую кредитную линию с молочной фермой, что будет меня снабжать. Затем мне придется отбить у Дикина всех его клиентов, чего, как я

уже говорил, делать я отнюдь не намеревался. Подумав об этом всерьез, я осознал, что вся эта затея Ж не более чем бесплодное мечтанье, и, бредя в темноте дальше, решил выбросить ее из головы.

Подойдя к самой воде, я вновь услышал крики морских птиц где-то посреди озера. Их там собрались, должно быть, тысячи, но меня в тот миг поразило, что все вместе звучали они как-то одиноко. Интересно, подумал я, насколько далеко они сейчас от дома и почему именно здесь устроили себе зимовку. Озеро это, в конце концов, — отнюдь не спокойный оазис. За последнюю неделю волнение на нем неуклонно усиливалось, а днем вода выглядела неисправимо серой. Да и ветер, вывший в деревьях по ночам, вряд ли обещал что-то хорошее.

Что мне напомнило: швартовный якорь нам надо будет спускать уже очень скоро.

Несколько дней назад мистер Паркер говорил так, словно это дело первостепенной важности, но после того, как я закончил строить ему плот, он поручал мне одно дело за другим, и эта задача как-то отложилась. Проходя мимо мостков, я остановился проверить, по-прежнему ли плот надежно привязан. Он был на месте. Я едва различал его черную громаду, что мягко покачивалась

взад и вперед.

* * *

Наутро Дикин опоздал с молоком. Настало и прошло обычное время его появления, но от него не было ни слуху, ни духу, и я уже начал беспокоиться, не случилось ли чего. Но мистеру Паркеру я об этом говорить поостерегся. Казалось, тем утром у него что-то на уме, и он не очень расположен к беседе. А кроме того, какая вообще-то разница, когда появляется Дикин, — в холодильнике всегда остается немного запасного молока. Мы просидели за завтраком минут пятнадцать, когда зазвонил телефон. Как обычно, Гейл мгновенно вскочила с места.

— Я возьму, — сказала она, бросаясь в соседнюю комнату. Мгновение спустя она вернулась. — Пап, это тебя.

После того, как мистер Паркер вышел поговорить, Гейл повернулась ко мне и сказала:

— Так что, значит, начнем тренировки сегодня вечером?

— Вы имеете в виду дротики? — спросил я.

— Ну.

— Можно, если хотите.

— Вы уверены, что не против?

— Нет, конечно, не против. Подходите часов в семь.

Она улыбнулась.

— Ну ладно, спасибо.

Ее отец вернулся на кухню.

— Это был Брайан Уэбб. Звонил спросить, слышно ли что-нибудь сегодня утром про Дикина. Беспокоится за свое гомогенизированное для дяди Руперта.

— Ох ты ж, — сказал я. — Должно быть, Дикин сильно отстает от расписания, если до Брайана еще не доехал.

— Я так и сказал, — согласился мистер Паркер. — Но как бы там ни было, некогда мне сейчас за Дикина волноваться. Я хочу съездить к Брайану и перегнать сюда грузовик, чтоб мы загрузили в него нефтяные бочки. А потом, наверно, нам лучше уложить тот швартовный якорь, пока погода совсем не испортилась.

— А, ну ладно, — сказал я. — Я как раз собирался спросить.

Не откликнувшись на мое замечание, мистер Паркер непривычно умолк, и мне опять пришло в голову, что у него что-то на уме.

Явился Дикин, наконец, лишь сильно после десяти, и я сразу же увидел, почему он опоздал:

молоко он развозил в своем фургоне для мороженого. Внутри тот весь был заставлен ящиками с молоком, они позвякивали и гремели, пока он взбирался на горку, предваряемый двойным неукротимым ревом «Полфунта киселя».

Бедный Дикин. Лицо у него было такое затравленное, что мне его стало вполне жалко. Чтоб добраться до молока, ему приходилось открывать запасную дверь на заду фургона, втискиваться между ящиков, а потом выбираться обратно. Нешуточная трудность, особенно учитывая, сколько доставок ему нужно сделать.

— Лучше поздно, чем никогда! — крикнул я ему в смысле поддержки, пока он опрометью несся по двору. — А где же ваш пикап?

— У Кеннета Тёрнера на техосмотре, — ответил он, скача вверх по ступеням к дому. — Иначе он нипочем зиму не переживет.

Вы с Томми насчет фургона уже поговорили?

— Времени не было. А он сейчас тут?

— Нет, — сказал я. — Но должен вернуться чуть позже. Ага, — сказал Дикин. — Как только с доставкой покончу, вернусь и с ним поговорю.

В том, как Дикин это сказал, чувствовалась некоторая решимость, и я подумал, что это добрый знак — он и впрямь намеревался наконец-то

разобраться с этим делом. Вскоре после он опять пустился в путь, рванув вниз по склону, а колокольчики его выдали еще одно исполнение «Полфунта киселя».

Где-то с час я поработал с лодками, и тут на грузовике вернулся мистер Паркер и приспособил меня помогать ему с погрузкой. Теперь весь верхний двор был заставлен нефтяными бочками, и у нас какое-то время заняло уложить их все и закрепить веревками. Пока мы работали, я заметил, что мистер Паркер раздражается все больше. Грузить все эти бочки было делом нелегким, и, стоило какой-нибудь застрять в неудобном положении, он вполголоса ругался и грубо пихал ее, пока не сдвинется. Я не очень понимал, что именно ему докучало, поэтому держался как обычно, — говорил мало и старался приносить как можно больше пользы. Наконец все бочки были надежно привязаны в кузове, и грузовик стал готов к отправке.

Затем после краткого отдыха мистер Паркер сказал: — Так. Лучше нам бросить тот швартовный якорь. Я глянул в сторону озера и быстро понял, что сегодня не лучший день для такой работы. Из-за холмов дул холодный ветер, и я видел, как раскачиваются верхушки дальних деревьев.

Но все равно спорить с мистером Паркером я не собирался. Если хочет укладывать якорь сегодня, так тому и быть.

Первым делом нам требовалось доставить его на берег. Взять пикап было невозможно — он остался у Брайана Уэбба, когда мистер Паркер ездил утром за грузовиком. К трактору по-прежнему была подцеплена пила, и единственным наличным транспортом оставался старый фургон «моррис», стоявший у сарая. К моему удивлению, завелся он с первого раза, и мистер Паркер вскоре подогнал его к тому месту, где лежал якорь. Рессоры фургона стонали, когда мы вдвоем впихивали заполненное бетоном колесо в заднюю дверь вместе с сопровождающей цепью и швартовным буем. И снова звучали ругательства, поскольку настроение у мистера Паркера продолжало ухудшаться, но мы в итоге все же погрузили все внутрь и захлопнули заднюю дверцу. Затем медленно поехали к озеру.

Подъезжая, я увидел, что вода так же сера и неспокойна, как и вчера. Я глянул на швартовный плот — он подскакивал на волнах у мостков — и задумался, так ли он надежен, как я считал.

Казалось, мистер Паркер обдумывает тот же вопрос. Он долго стоял на мостках, разглядывая

плот, время от времени прижимая ногой один его угол, — проверял, какое там сопротивление.

— Болтает его сильно, нет? — сказал он. — Вы уверены, что построили его как надо?

— Должно быть нормально, — ответил я.

Очевидно, его требовалось в этом убедить, поэтому я зашел на плот полностью — доказать, что я в нем целиком уверен. К моему облегчению, держал он хорошо, и я даже смог походить по маленькому настилу без страха перевернуться.

— Надо будет взять одно весло, — сказал я, — чтоб мы могли им управлять.

Мистер Паркер отпер зеленую хижину и попробовал дверь.

— Адова краска опять прилипла, — сказал он, дернув дверь на себя.

Всякий раз осматривая покраску этой хижины, я замечал все больше потеков и залысин. Поработали над ней все же скверно, и настроение мистера Паркера от этого не улучшилось. Только после резкого рывка дверь открылась, я вошел и взял там одно весло. Затем нам предстояла хитрая задача переместить швартовный якорь (вместе с цепью) из фургона на плот. На мостках оказалось неплохо — мы просто медленно катили его до самого конца. Но оттуда на сам плот втаскивать его

было настоящей борьбой, которая опять сопровождалась кряхтеньем и проклятьями мистера Паркера. Нам все же удалось надежно погрузить якорь на плот, и тут мы услышали «Полфунта киселя», приближавшиеся к нам из-за деревьев.

Только не сейчас, Дикин, подумал я, но ничего поделать с этим не мог. Фургон мороженщика уже подъехал к зеленой хижине, где еще раз импровизированно взревел своим заблудшим перезвоном.

— Что за адов гам! — взревел мистер Паркер, возвращая себе равновесие на швартовном плоту и стараясь держаться подальше от краев. Глядя на его неловкие движения, я вдруг сообразил, почему он в таком раздражении. На это указывали все признаки: он почему-то боялся воды. Это объясняло и его недоверие к плоту, и отсутствие интереса к гребным шлюпкам. На суше Томми Паркер держался с такой самоуверенностью, какую я видел мало у кого. Он был силен, независим и преуспевал в делах. Мог сделать тысячу одну вещь, к каким любой другой не знал бы, как и подступиться. А вот на воде вся его уверенность просто испарялась. Отчего, вероятно, он и счел необходимым наорать на Дикина.

— Ты что, эту чертовню выключить не мо-

жешь! — завопил он, когда несчастный молочник подошел к нам по мосткам.

— Ну, об этом я с тобой и хотел поговорить, — ответил Дикин с решимостью в лице.

— Мы сейчас немножко заняты, — сказал я, стараясь как-то разрядить ситуацию. — Вы бы пришли попозже?

Чтобы избавиться от Дикина, я быстро отшвартовался от мостков, отталкиваясь веслом. И снова фургон протрубил о своем близком присутствии. Вдруг плот резко вздрогнул, и я понял, что на борт ступил еще и Дикин.

— А сейчас ты что делаешь? — рявкнул мистер Паркер.

— Поеду с вами и подсоблю, — ответил Дикин. — Потому что словом с тобой перемолвиться мне правда очень не помешает.

Теперь мистер Паркер и Дикин крепко держали друг друга. У их ног лежало много ярдов швартовной цепи, и она вдруг привлекла внимание Дикина.

— Похоже, у вас тут немного запуталось, — сказал он. — Поглядим-ка, выйдет ли у нас разобраться.

Он присел среди витков цепи и принялся перекладывать ее отрезки на палубе плота. Скоро я

понял, что мы втроем на борту едва ли помещаемся, вместе с швартовным якорем, буем и всею этой цепью. Хуже того, чем дальше от берега, тем заметнее становилось волнение на озере, плот качало вдоль и поперек уже довольно сильно. Когда мы отплыли довольно для того, чтобы бросать якорь, мистер Паркер выглядел уже очень несчастным. Он вцепился в груз обеими руками и не отрывал взгляда от черной воды под нами. Меж тем, Дикин и дальше возился с цепью, складывая ее кольцами и тому подобное, а также поправляя что-то на швартовном буе.

— Так, — сказал я. — Дикин, отойдите в сторонку. Будем спускать.

С помощью мистера Паркера я перевалил швартовный якорь через край. Он ухнул в глубину, за ним — длинная грохочущая цепь, и мгновенье спустя они пропали.

Дикин тоже.

9

Когда он пулей ушел под воду, наши ноги окатило волной.

— Нет! — воскликнул мистер Паркер, размахивая руками, чтобы удержаться на ногах. Ему явно грозила опасность последовать за Дикином, поэтому я поймал его за руку, и мы вдвоем остались шататься несколько секунд на плоту, а я тем временем успел заметить, что швартовный буй плавает поблизости. К нему ничего не было привязано.

— Он улетел вместе с цепью! — сказал я, стараясь перекричать ветер. — Он плавать умеет?

— Черта с два он умеет! — простонал мистер Паркер. — А вы?

— Нет, извините.

— Ну так и я, черт бы драл, не умею!

Ветер хлестал нас порывами и гнал через все озеро. Плот несло теперь быстро, а это значило, что мы уже несколько отплыли от того места, где пропал Дикин. Тем не менее я рассчитывал, что он выскочит на поверхность в любой миг, чтобы его вытащили. Лишь где-то через полминуты это

стало постепенно казаться все менее вероятным. И тут с удалявшегося берега до нас донесло тоскливый вопль фургона мороженщика.

— Как вы считаете, мы тут можем что-нибудь сделать? — спросил мистер Паркер.

Я покачал головой.

— Нет, — сказал я. — Думаю, мы его потеряли.

— Ну так ссадите меня отсюда, будьте, пожалуйста, добры?

Я воспользовался этим случаем и отпустил его руку, которая уже довольно нагрелась, и выудил из воды буй. После этого я принялся грести обратно, а мистер Паркер старался не потерять равновесие. Я помог ему сойти с плота на мостки, на это он буркнул «спасибо» и быстро направился к суше. А там повернулся и долго стоял, глядя на озеро.

— Батюшки, ох батюшки, ох батюшки, — сказал он, когда я подошел к нему. — Ну вот надо же было такому случиться, нет? Как раз когда Дикин нашел себе работу по нраву.

Я ничего ему не ответил, лишь пожал плечами и посмотрел в ту же сторону, сознавая, что вода теперь казалась гораздо темнее, чем прежде. В отдалении кружила и металась компания морских птиц.

За нашими спинами ждал фургон мороженщика — двигатель работал, холодильный агрегат громко жужжал. Шум от него по сравнению с безудержным шорохом стихии был очень неестественным, и ему в конце концов удалось отвлечь внимание мистера Паркера от озера.

Я заметил, как он раз-другой глянул на машину, а потом наконец спросил:

— Так, а что там с этими бубенцами?

— Их заедает, — ответил я. — Насчет этого в частности Дикин и хотел с вами поговорить.

— Ну, ему надо было просто нажать на кнопку сброса, только и всего. Давайте поглядим.

Он забрался в фургон сзади — молочных ящиков теперь там не было — и дотянулся до панели. Затем я услышал слабый «щелк».

— Сейчас попробуйте, нет? — сказал он в раздаточное окно.

Я сунулся в кабину и нажал на выключатель. Рожки на крыше мгновенно заиграли «Полфунта риса за два пенса». Затем настала тишина. Я нажал еще раз, и та же мелодия повторилась.

— Хватит, — сказал мистер Паркер.

— А как же другой кусок? — спросил я.

— Какой другой кусок?

— «Полфунта киселя». Разве он не должен и

его играть?

— А, нет, — сказал он. — Можно или один, или другой. А не вместе.

Он вылез из фургона с бутылкой гомогенизированного молока с красной крышечкой.

— Это было в холодильнике, — объявил он. — Должно быть, для дяди Руперта.

— А, ну да.

— Вы б не могли быстренько ему отвезти?

— Э… если хотите, могу.

— Это хорошо, — сказал он. — Хотя бы это в данных обстоятельствах можно сделать.

— Ага, наверное.

— Когда-нибудь водили фургон с мороженым?

— Нет, — сказал я. — А что, сильно отличается от других машин?

— Не слишком, но лучше присматривать за ними на поворотах. В некоторых условиях они бывают неустойчивы.

— Ладно, запомню.

— Может, вам лучше сначала с управлением ознакомиться.

Он произнес это приказным тоном, поэтому я послушно залез в кабину, откуда видел, как он снова добрел до самой воды. Он вышел на конец мостков и опять встал, не сводя взгляда с озе-

ра, — неподвижная фигура в окружении серых кипящих волн.

Я дал пройти уместному времени, затем окликнул его через окно:

— Ладно, значит, я тогда поехал!

По-прежнему не поворачиваясь ко мне, мистер Паркер поднял руку, давая понять, что он все понял.

Включив сцепление, я направил машину между деревьев. Бледный дневной свет уже гас, поэтому, выехав на дорогу, я включил фары. Высунувшись в окно и выгнув шею, я увидел, что фонарики на крыше тоже зажглись. С этим я, похоже, ничего не мог поделать, и у меня не было вариантов — только ехать к дому Брайана Уэбба с полной иллюминацией. Несмотря на предостережение мистера Паркера о неустойчивости, машина, казалось, шла нормально. Вообще-то вела себя она вполне прилично, хотя руль мне показался чрезмерно большим. На подъезде к Миллфорду меня подмывало включить перезвон, но я передумал — люди могут броситься ко мне за мороженым. Вместо этого я проехал через деревеньку как можно спокойнее, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Подъезжая к лавке Ходжа, я заметил в окне

крупную новую табличку. Я притормозил, чтобы прочесть.

«ОСОБОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, — гласила она. — ТУШЕНАЯ ФАСОЛЬ ЗА ПОЛЦЕНЫ».

Продолжая свой путь к Брайану, я вдруг осознал, что вообще-то не видел его и не разговаривал с ним с тех пор, как меня выставили из «Вьючной лошади», и он, возможно, не оценит, если я на него свалюсь эдак, как гром средь ясного неба. В конце концов, он капитан команды по дротикам, которую я, по общему мнению, скверно подвел. А если он взъелся на меня, как и все остальные, что мне тогда делать? Почем знать, возможно, он заточил на меня серьезный зуб. Объявляться у него на пороге мне вдруг показалось не такой уж и хорошей задумкой, а в особенности — оттого, что он мог бы натравить на меня этих своих овчарок.

Но все равно не обратно ж теперь разворачиваться, и я решил ехать дальше. Во двор к Брайану я заехал, как раз когда он выходил из дома, и я с облегчением увидел, что он мне сочувственно улыбается. Как обычно, на нем была картонная корона.

— Томми позвонил сказать, что вы едете, — объявил он, пока я выбирался из кабины.

— А, ну да, — сказал я. — А он не упоминал,

ну… об?

Брайан кивнул.

— Да, упомянул.

— А… ну вот.

— И вы заткнули собой брешь.

— Ага, видимо, так. Я вам привез вот что. — Я вручил ему бутылку.

— Большое спасибо, — сказал он. — Это моему дяде Руперту.

— Так и подумал.

— Ему раз в неделю гомогенизированное нравится.

— Да, я помню, вы говорили.

— В чай как бы.

— Да.

Брайан поставил бутылку на полку за дверью, потом повернулся ко мне.

— Кстати, — сказал он. — Томми спрашивал, не могли бы вы оставить фургон тут, а его пикап пригнать обратно.

— Ну ладно.

— Чтоб ему лишний раз не ездить.

— Ага.

Легче сказать, чем сделать, однако. Голландский амбар, где раньше размещался грузовик мистера Паркера, теперь стал домом для соб-

ственных пикапа и трактора Брайана. Другой пикап стоял за ними, и, чтобы вывести его оттуда, потребовались большие маневры. Следующие пять или десять минут мы деловито двигали взад и вперед различные транспортные средства, меняли их друг с другом местами, пока в глубине амбара не оказался фургон мороженщика, а пикап Томми — на дворе. Тут мы оба остановились немного поболтать.

— Те лодки-то уже закончили? — спросил Брайан.

— Ну, вся подготовка завершена, — ответил я. — Как только выдастся свободная минутка, начну на самом деле их красить.

— Что? Вы еще не начали? — Похоже, он очень удивился.

— Нет, но говорю же — очень скоро начну.

— Так вы их к Рождеству, значит, не закончите?

— Закончу, — сказал я. — Это ж вообще раз плюнуть.

— Попотеть придется, а? Декабрь уж на носу.

— Ну, вообще-то разницы никакой. Они до Пасхи все равно никуда не поплывут.

— Может, и так, — сказал он, со значением постукав себе по короне. — Но тут ведь Рождество

важно, разве нет?

Я не очень понял, что он хотел этим сказать, а потому просто кивнул и ответил:

— Ага, вы, наверное, правы.

Он долго смотрел на меня, а потом по его лицу медленно расползлась ухмылка. Я ухмыльнулся ему в ответ, а он захохотал и хлопнул меня по плечу.

— Вот молодец! — сказал он. — Чуть не обдурили меня!

Я тоже засмеялся, а Брайан похохотал еще немного, и тут я сказал, что мне, наверное, пора.

— Не опаздывайте завтра, — сказал он, когда я уезжал.

— Не, не буду, — ответил я.

Поскольку назавтра был четверг, я допустил, что он имеет в виду следующий матч по дротикам во «Вьючной лошади». Его замечание я истолковал так, что мое изгнание завершилось, и я снова могу там выпивать. Вполне себе облегчение. Моя решимость накануне вечером — вообще нигде пока не пить — казалась весьма безрадостной в холодном свете дня. В конце концов, какой смысл работать, если вечером я не могу сходить в паб? А теперь мне подтвердил сам капитан команды: завтра вечером я волен вернуться во «Вьючную

лошадь».

Меж тем у меня надвигалась обещанная встреча с Гейл, поэтому я втопил педаль и поспешил домой. Заехав во двор «Дома на холме», заметил, что перед большим сараем стоит пикап Дикина. Рядом топтались мистер Паркер и Кеннет Тёрнер, увлеченные какой-то беседой. Увидев, как я подъезжаю, они поманили меня к себе.

— Мы перекинулись тут словом с парой человек, — сказал мистер Паркер. — И думаем, что вам с таким же успехом можно сразу взять на себя доставку молока.

— Взять на себя?

— Да, тогда у вас все будет готово ее не прекращать.

— По большому счету так лучше для всех, — добавил Кеннет. — Людям молоко всегда нужно.

— Да, но… — замялся я. — Но я ж не могу просто захватить в текущем деле власть?

— Почему нет?

— Ну… это как-то неправильно, только и всего.

Повисло долгое молчание, затем мистер Паркер сказал:

— Я думал, Дикин вам нравится.

— Да, — ответил я. — Мне он вполне нравился.

— Ну, если возьмете на себя доставку молока,

то и будете действовать в его лучших интересах, нет?

— Наверное — если с этой стороны посмотреть.

— Никого не подведете.

— Ну.

— Так можно прямо сразу и начать, нет?

Я пожал плечами и показал подбородком на пикап Дикина.

— А он сейчас в полном порядке?

— Угу, — ответил Кеннет. — Еще год нормально проработает.

— А как *я* буду знать, куда развозить молоко?

— Книга заказов Дикина в кабине, — сказал мистер Паркер. — Там все подробности.

Голова у меня по-прежнему шла кругом от внезапности такого поворота событий, а мне уже показывали книгу заказов, а также маршрут доставки. Кеннет затем вручил мне пачку бланков заказа для молочной фермы в Гринбэнке.

— Если приедете пораньше, кто-нибудь поможет вам погрузить ящики, — сказал он.

— Вы под «раньше» что имеете в виду? — спросил я.

— Ну, Дикин обычно начинал в пять.

Пять утра! То была часть уравнения, какую я

не учитывал. Работая на фабрике, я всегда думал, что встаю рано, но там работа начиналась в восемь. Пять — это на три часа раньше, и мне стало совсем непонятно, на что же я подписался. Чтобы хорошенько семь часов выспаться, мне придется ложиться где-то в половине десятого. А в это время я обычно хожу в паб. Меня осенило, что, беря на себя предприятие Дикина, я прощаюсь со всей своей светской жизнью, какой бы та ни была. С другой стороны, я не мог не воодушевиться от перспективы — у меня будет своя служба доставки молока! Я решил собраться с силами и привыкнуть к мысли, что теперь начну вставать рано.

Как только все уладили, мистер Паркер повез Кеннета домой, я пошел к себе во флигель выпить чаю. Около семи в дверь ко мне постучали. То была Гейл.

— Ну как, готовы к уроку? — спросила она.

Звучало так, что учить меня будет она, а не наоборот, но я пропустил ее замечание мимо ушей и вытащил из-под кровати доску для дротиков. Увидев ее, Гейл забрала ее у меня и подержала в руках, похоже, с какой-то нежностью. После чего повела меня к сеновалу.

— Кстати, — сказал я. — А что у нас будет вместо

дротиков?

— Там есть, — ответила она.

Путь на сеновал вел вверх по деревянной лестнице и через люк в потолке. Гейл нашла выключатель и стала подниматься первой, я за ней. Перебравшись через тюки сена Брайана, мы оказались на площадке фута четыре шириной и десять длиной. Как раз для дротиков хватит. Когда я туда выбрался, Гейл уже повесила доску на крюк в одном конце. Стена вокруг доски, как я заметил, являла признаки того, что в нее много раз попадали острыми предметами. Кроме того, на ближайшей доске мелом были записаны какие-то счета. Кто-то даже отметил на полу линию броска.

— Стало быть, вы уже это проходили? — спросил я.

— Еще бы, — сказала она. — Тыщу раз.

— С кем?

— Со всеми, кто тут оказывался.

— Так я, значит, не первый?

— Нет, конечно.

Она открыла ящик в углу и вытащила несколько дротиков. Грубо сработанные, с дешевым пластмассовым оперением, но для тренировки сойдет. Мне она дала набор красных, а себе взяла

желтые. И мы начали.

Наверное, всего в тот вечер сыграли мы игр пятнадцать. Гейл умела принимать правильную стойку на линии броска и целила тоже неплохо. Подводила ее тактика. Она понятия не имела о важности восьми и шестнадцати для двойного финиша, да и не осознавала необходимости «блокировки», пока не становилось слишком поздно. Снова и снова полагалась она на три дротика для победы, а затем проигрывала просто потому, что не видела закрывающего броска. Тут-то я и пришел ей на выручку. Смог намекать и подсказывать ей то, чего сам нахватался за годы, и ее игра постепенно крепла. Поначалу я выигрывал раз за разом, но немного погодя начала постепенно выигрывать и Гейл. Когда она удовлетворительно разгромила меня несколько раз подряд, мы закруглились на вечер и убрали дротики на место. Оба согласились, что доску можно и оставить висеть тут.

— Кстати, — спросил я. — А откуда она взялась?

— Не знаю, — ответила она. — Марко откуда-то притащил.

— Марко — это кто?

— Тот, который до вас тут был.

* * *

Тем вечером я совершил ошибку — лег спать пораньше, предполагая, будто так поступают все, кому вставать в половине пятого утра. Уже в десять я закутался в простыню, уложил голову на подушку, но сна не было ни в одном глазу. Мне не пришло в голову, что доспать можно будет *после того,* как я недосплю, а не до. В результате несколько долгих часов я отчаянно пытался задремать, не прекращая меж тем беспокоиться, как бы мне не проспать.

Наконец, часа в четыре мне надоело вертеться и ворочаться, поэтому я встал и поставил чайник. Глаза у меня слипались, но, выпив полный чайник, я себя почувствовал лучше. Без двадцати пять я вышел во двор, нашел в темноте пикап Дикина и отправился на молочную ферму в Гринбэнк. В ту сторону я никогда раньше не ездил, но маршрут на карте был вычерчен ясно, и к пяти часам я туда добрался. Когда подъезжал к зданию, передо мной проступила погрузочная рампа, у которой ожидало еще несколько машин. Вокруг прохлаждалось несколько человек в робах, и один знаками показал мне сдать задним ходом к штабелю полных ящиков. Когда я вылез из ка-

бины, он уже грузил их один за другим в пикап, поэтому я влез в кузов ему подсобить.

Утро, — сказал он, не представившись. — Заказ для меня есть?

— Ой, да, извините, — ответил я, извлекая из кармана бумаги. — Я в этой игре новенький.

— Не волнуйтесь, — ухмыльнулся он. — Скоро привыкнете.

Я отдал ему бланк заказа, он его разделил надвое и нижнюю половину вернул мне. Затем попросил расписаться в фактуре у него на планшете.

Закончив с погрузкой, он сказал:

— Так. Вот ваша партия. Послушайтесь моего совета — сперва объедьте площадь по одной стороне, избавьтесь от золотых крышечек, а потом до самого Миллфорда можно с пастеризованным гнать. После этого все уже само пойдет. А, и не забудьте — гомогенизированное в «спецзаказах» по средам и пятницам.

— Спасибо, — сказал я, стараясь ничего не забыть.

Вся эта информация не имела для меня никакого смысла, пока я снова не залез в кабину фургона и не сопоставил книгу заказов с маршрутом. Тут я понял, что планировать доставку молока

— прикладная наука, никак не меньше. Маршрут включал в себя петли, напрямки и неизбежные тупики, но все усилия прилагались к тому, чтобы минимизировать пустые прогоны. Начав доставку, я постепенно осознал, что человек на погрузочной рампе говорил со мной мудрым голосом опыта. Как он и предсказал, когда я выехал с площади под Гринбэнком, ящик с золотыми крышечками (повышенной жирности) опустел, и мне после этого осталось развозить пастеризованное с серебряными аж до самого Миллфорда без сбоев.

Тем не менее то был всего лишь мой первый день, и я, несмотря на полезные советы, вскоре отстал от графика. Беда была в том, что многие пункты доставки находились в конце далеких подъездных дорожек, и я, казалось, трачу много времени, разворачиваясь на крохотных пятачках и минуя нескончаемые ворота. Я быстро пришел к выводу, что гораздо результативней у меня все получится, если я разживусь помощником: он станет открывать ворота и ставить бутылки на крылечки, пока я буду маневрировать.

Еще одна загвоздка, конечно, состояла в том, что я часто сбивался с пути. Карта была вполне подробна, но ею, очевидно, пользовались долго, и

в результате некоторые мелкие точки затерялись на сгибах. Сделать такие доставки я мог лишь догадками, наобум тыкаясь в необозначенные дороги и надеясь, что в итоге отыщу нужное место. Обычно отыскивал, но раз-другой я терялся довольно серьезно, и мне приходилось возвращаться по своим следам, а потом уже делать новую попытку.

Полегче оказалось найти Уэйнзкилл, где у меня было прилично доставок. Там господствовала фабрика мороженого, и довольно много моих клиентов, судя по всему, жили где-то возле нее. Заря уж брезжила, когда я доставил две пинты молока в «Поденщик» и по одной в небольшую череду жилищ чуть дальше по дороге. Проезжая мимо, я подумал, не здесь ли, в каком-нибудь спящем доме, живет Лезли.

Наконец добравшись до района Миллфорда, я уже очень запаздывал, но, что интересно, ни слова жалобы не услышал. Заезжая на различные фермы и деловые участки, я начал узнавать лица, знакомые по «Вьючной лошади» (и «Перезвону»), и, несмотря на то что я опоздал, меня встречали только ободреньями. Во многих случаях очевидно было, что они и впрямь не садились завтракать и ждали, чтоб я привез им молоко. Я-то рассчи-

тывал, что у них от этого испортится настроение, однако стоило мне наконец появиться, неизменно мне лишь бодро махали из кухонного окна. Если двери случалось быть открытой, я просовывал бутылку внутрь и певуче говорил «спасибо», а затем продолжал свой путь по маршруту.

По дороге к «Дому на холме» я встретил школьный автобус, ехавший мне навстречу, и, когда наши машины разъезжались, Морис дружелюбно нажал на клаксон. Мне показалось, что я заметил лицо Гейл среди глядевших в окна, но наверняка бы не сказал.

После двух доставок в «Доме на холме» — одной к двери мистера Паркера, другой к своей, — следующим пунктом назначения была «Каменная усадьба», где я тоже не бывал после случая с циркулярной пилой. И вновь там было две доставки — одна молодому мистеру Пиктоллу, другая его отцу на другом конце дома. Я надеялся увидеть старика и, может, перекинуться с ним парой слов, но, когда заехал во двор, его нигде видно не было. Зато привлекло мой взгляд вот что, помимо штабеля древесины, по-прежнему ожидавшего распилки: в одном углу там собралась большая коллекция пустых нефтяных бочек. Стоило мне задаться вопросом, что молодой мистер Пиктолл

намерен с ними всеми делать, как он сам вынырнул из дома с пустой бутылкой в руках.

— Моего отца не видели в разъездах? — отрывисто спросил он.

— Нет, извините, — ответил я, отдавая ему молоко и принимая пустую бутылку взамен. — Гулять, что ли, пошел?

— Похоже на то, — сказал он, неодобрительно фыркнув. — Я через раз даже не знаю, что он там замышляет.

Мне показалось, что старик в таких годах должен быть волен поступать, как ему заблагорассудится. Однако я ничего не сказал, поскольку дело это было совершенно не мое. Мне хотелось побыстрей уехать оттуда, пока не зашла речь о незавершенной распилке дров, поэтому я вежливо кивнул, а затем понес молоко к дверям его отца. Вернувшись к пикапу, я бросил взгляд через двор и увидел, что мистер Пиктолл стоит среди нефтяных бочек, метя каждую кусочком мела. Он поднял голову, когда я уезжал, и я помахал ему, но мне он не ответил.

Далее осталось всего две или три доставки, однако у меня почему-то оставался непочатый ящик с молоком. Я остановился и вчитался в книгу заказов — и потрясенно осознал, что пропустил

целый отрезок маршрута! Сначала я должен был ехать на тот берег озера, где жил Брайан Уэбб, а уж потом заезжать сюда, но я почему-то все сделал наоборот. Как можно быстрее я все развез на этой стороне, а затем рванул к Брайану. Он стоял во дворе, когда я прибыл, на голове — картонная корона.

— Всего на полтора часа опоздали, — ухмыльнулся он. — Неплохо для первого дня.

Очевидно, он следил за моими перемещениями вдоль озера из окна и уже поставил кипятить воду, чтобы заваривать чай. Это было с его стороны весьма предусмотрительно, потому что я с без чего-то пять не сделал ни единой передышки.

— Разок-другой свернул сегодня не туда, — сказал я, когда мы расположились у него в кухне. — Но как привыкну, все должно пойти быстрее.

— Вам вообще-то помощник не повредит, — заметил Брайан. — У Дикина беда была в том, что он все старался делать сам. Печенья хотите?

— Да, пожалуйста.

Он взял жестянку с печеньем и снял крышку. Внутри лежали фиговые рулетики, печенье с солодовым молоком и заварным кремом.

— Выбирайте.

— Ох ты ж, — сказал я. — Откуда вы их берете?

Я никак не могу себе раздобыть ничего, кроме простого диетического.

Брайан сочувственно глянул на меня.

— У Ходжика покупаете, да? — спросил он.

— Ну.

— И он вам не дает того, чего вам надо?

— Нет.

— Ходжик с новенькими такой бывает, это он может. Пока не узнает вас чуточку получше, вроде как.

— Ну так и сколько времени это занимает?

— У-у-у, тут все зависит, — сказал Брайан. — Иногда несколько месяцев, а бывает — и годы.

— Стало быть, похоже, на мою долю только диетическое остается, — вздохнул я.

— Я вам так скажу, — сказал он. — А давайте я вам заказывать у него буду? Ходжику это без разницы, а вы забирать будете тут.

— А вы не против?

— Нет, конечно, плевое дело.

— А по счету ему как платить?

— О, за это не беспокойтесь. Потом разберемся.

— Тогда ладно, сказал я. — Ну, спасибо вам большое. Список я вам завтра отдам.

— Договорились.

Я просидел у Брайана за чаем с печеньем еще

полчаса, лишь после этого тронулся дальше. Снова поблагодарил его и направился домой, довольный, что всю развозку осуществил без происшествий. Все молоко, что я забрал в пять утра, теперь ушло. Ящики в кузове пикапа были полны пустых бутылок, мытых и готовых к возвращению на ферму. На обратном пути я начал все больше сознавать, как они беспрестанно грохочут и позвякивают. За работой-то я этого не замечал, а теперь этот звук, казалось, неотступно преследует меня всю дорогу вдоль озера и через Миллфорд. Наконец я свернул в ворота «Дома на холме» и проехал по зеленому квадрату. Когда я на несколько мгновений приостановился, дребезг стих — я вспомнил, что именно здесь и познакомился с Дикином всего несколько недель назад. Я вышел из кабины и посмотрел на ворота, которые красил тем солнечным днем. Как с тех пор все изменилось! Дикина уже нет, а я стал официальным молочником Уэйнзкилла и Миллфорда. Мне пришло в голову, что неплохо было бы в память о нем каждый год перекрашивать этот квадрат. На нем в то время была настоящая форма молочника, и я подумал, не стоит ли и мне такой обзавестись.

* * *

Весь остаток дня у меня был свободен, и я наконец смог вернуться к лодкам. Казалось, лет сто прошло с тех пор, как закончилась их подготовка, и я теперь вполне предвкушал их покраску. Мистер Паркер выдал мне ключи, поэтому я зашел в сарай, где хранилась краска, выбрал пару кистей, после чего отправился в большой сарай. Внутри все лодки выстроились на своих чурбаках, ровно как я их оставил. Я открыл банку зеленой краски, размешал и принялся за первую.

Как я уже говорил, тот, кто красил эти лодки первоначально, постарался очень тщательно. За все часы, что я провел с ручным шлифовальным станком, мне удалось лишь слегка зачистить старую краску, но не снять ее полностью. Корпус первой лодки оставался хоть и пригашенного, но отчетливо бордового оттенка. И нанося сверху новую зеленую краску, я начал ощущать в себе странную тягость. Как будто закрашиваю нечто невосполнимое. Я-то рассчитывал, что эта работа будет самой приятной, но вскоре понял, что совсем наоборот. С каждым мазком кисти лодка становилась менее великолепной на вид, более обыденной. Гораздо хуже все стало, когда мне

пришлось закрашивать планширь и изогнутый нос, чьи древние очертания смотрелись такими превосходными в золоте. По мере того как старая покраска скрывалась под слоем новой, я все больше понимал, что быстро теряю интерес к этой задаче. В конечном итоге, мой замысел заключался в том, чтобы восстановить эти лодки до их былого великолепия, а не свести их к обычным лоханкам. Кроме того, я понял, что работа движется гораздо медленней, чем в самом начале, но списал на то, что довольно-таки устал, поскольку поднялся сегодня ни свет ни заря. Только я задумался, не бросить ли мне все на сегодня, как снаружи послышался шум подъехавшей машины. Очевидно, мистер Паркер вернулся оттуда, куда ездил, и несколько мгновений спустя вошел в сарай посмотреть, как у меня идут дела.

— Так, — сказал он, осмотрев лодку. — Покраска, судя по всему, продвигается хорошо, нет?

— Наверное, — ответил я без воодушевления.

— Несколько слоев понадобится, нет?

— Видимо.

— Ну, вы уж кладите, сколько надо, не беспокойтесь.

— Ладно.

— Я привез еще цепь и ступицу, — продолжал

он. — Поэтому, как у вас выпадет свободная минутка, сможете сделать другую швартовку?

Я не очень понимал, когда, по его расчетам, у меня «выпадет свободная минутка», но просто согласился с ним еще раз и проводил его взглядом к печке в углу сарая.

— Прохладно тут что-то, — заметил он. — Думаю, мы ее вам раскочегарим, чтоб тут стало приятно и тепло.

Мы тут же принялись расчищать все сваленное вокруг печки и подыскивать, какие деревяшки можно сжечь. По правде говоря, меня так занимали лодки, что я и не заметил, как холодно стало вокруг. Неудивительно, что мне сонно и вяло. Томми Паркер же, напротив, казалось, весьма неуемен. Вскоре в печке заплясали языки пламени, а он подкручивал на ней спереди регулятор вьюшки. Когда сарай нагрелся, все стало уже не так противно, как раньше.

— Ну вот, — сказал он, когда печка разошлась на всю катушку. — Теперь у нас тут станет уютно.

— Спасибо, — сказал я.

— Завтра еду на юг с нефтяными бочками, поэтому вы уж тут сами.

— Ну да.

Вскоре после у меня случился еще один посе-

титель. Около пяти часов открылась дверь, и вошла Гейл. Я заметил, что она уже переоделась из школьной формы.

— Вам мистер Уонлесс тут просил передать, — сказала она.

— Это еще кто такой? — спросил я.

— Ну знаете же, — ответил она. — Школьный автобус водит.

— В смысле — Морис?

— Я его всегда мистером Уонлессом звала.

— А… ну да, — сказал я. — И что передать?

— Он говорит, что сегодня вечером вам уже можно во «Вьючную лошадь».

— А, это очень мило с его стороны. Придется угостить его пинтой.

Гейл разочарованно посмотрела на меня.

— Это значит, мы не сможем больше тренироваться с дротиками?

— Нет-нет, можно будет что-то втиснуть, хотя вот прямо сейчас я немного занят.

— Так мы, значит, опять будем?

— О да, — сказал я. — Честно.

Она улыбнулась.

— Спасибо.

Я проводил ее взглядом до дверей, и она вышла, а мне пришлось напомнить себе уже не в первый

раз, что ей всего пятнадцать. Может, следовало сказать, что у меня больше нет на нее времени, и на этом со всем покончить. В конце концов, это практически и есть правда. Помимо доставки молока и покраски всех этих лодок, мне еще делать и спускать новый швартовный якорь, а кроме того, еще нужно допилить всю ту древесину. Превыше прочего — мои обязательства перед командой по дротикам, а это все же гораздо важней обучения девочки-подростка на сеновале. На самом деле, стоило мне обо всем этом задуматься, как стало ясно, что ни минуты мне терять нельзя, и теперь, когда в сарае стало теплее, я решил поднажать с покраской еще на пару часов. К семи я закончил класть первый слой краски на ту лодку, с какой начал, и смотрелась она ничего, хотя выбор цвета меня не устраивал. Затем я кинулся к себе во флигель, выпил там чаю и снова выскочил наружу.

Во «Вьючной лошади» я обнаружил, что слишком много в своем положении в команде по дротикам принимал как должное. Встретили меня достаточно тепло, но требования графика соревнований вынудили их, пока меня не было, набрать других игроков, и свободных мест в команде больше не осталось. Брайан Уэбб взял мне пинту, после чего объяснил, что мне придется

заслужить себе место игрой, а для этого являться на все будущие матчи в составе резерва. Мне это показалось достаточно справедливым, поэтому я уселся на табурет в углу и приготовился наблюдать состязания со стороны. Сегодня в гостях была команда «Восходящего солнца» — похоже, довольно дружелюбная публика.

К сожалению, были они из тех команд, что женщин с собой не возят, поэтому смотреть было особо не на что, кроме мужчин, кидающих дротики. Первую игру выиграла «Вьючная лошадь», вторую — «Восходящее солнце». Затем все вдруг отчего-то захохотали. Я разок-другой моргнул и увидел, что Брайан и все остальные стоят полукругом, ухмыляясь мне и разглядывая мое лицо.

— Он да или нет? — сказал кто-то.

— Ну, теперь уже нет, но раньше точно да, — сказал Брайан, и все они опять засмеялись.

— Что такое? — спросил я.

— Вы только что проспали полматча, — сказал он. — Осторожней, пиво прольете.

Я опустил голову. Стакан у меня в руке лежал под опасным углом, его содержимое уже лизало край. Я быстро перехватил его поровней и встал с табурета.

— Ох ты ж, — сказал я. — Должно быть, я боль-

ше устал, чем мне казалось.

— Ну, свечку с обоих концов жечь нельзя, — заметил Кеннет Тёрнер. — Идите-ка вы домой да преклоните голову.

— Да, думаю, я так и сделаю. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — хором ответили мне, когда я выходил.

Хоть поиграть и не пришлось, мне было довольно неплохо от первого вечера, который я снова просидел во «Вьючной лошади». Никто ничего не говорил о том, что я «их всех подвел» в тот раз, и по их молчанию на этот счет я заключил, что меня простили. Теперь лишь дело времени, чтобы меня целиком приняли обратно в команду. То, что Брайан заранее угостил меня пинтой, намекало, что ждать этого мне уже недолго. Ощущая себя сравнительно довольным тем, как все прошло, я добрел до своего флигеля и сразу же лег спать. Уснул я, едва моя голова коснулась подушки, а проснулся ровно в половине пятого полностью отдохнувшим. Быстро выпив чаю, я выехал со двора на пикапе и понял, что вообще-то предвкушаю, как снова поеду развозить молоко.

Выехав из ворот, я заметил, что не один я тут ранняя пташка. В лучах фар возникла фигура, шедшая по дороге к Миллфорду, и я сразу же

понял, что это старый мистер Пиктолл.

Я поравнялся с ним и опустил стекло.

— Хотите поработать? — спросил я.

10

— Конечно, я хочу поработать, — сказал он.

— Ну, мне помощник не помешает.

— Так и думал.

Без лишних слов он обошел кабину и влез с пассажирской стороны. Я заметил, что у него с собой холщовая сумка, из которой торчит термос.

— Вы, значит, подготовились, заметил я, когда путешествие продолжилось.

— Можно и по уму все сделать, если делать.

— Ну, — сказал я. — Наверное, вы правы. А как же ваш сын?

— А что с ним?

— Он не будет возражать, что вы со мной поехали?

— Его не касается.

— А если узнает?

— Слушайте, — рявкнул старик. — Вы хотите, чтоб я вам помогал, или нет?

— Конечно, хочу.

— Ну так и хватит о нем тогда.

— Ладно, — сказал я. — Извините.

Уладив это, мы больше о таком не заговари-

вали, а ехали дальше по предрассветной мгле к Гринбэнку. На молочную ферму прибыли ровно в пять, и я сразу сдал задним ходом к погрузочной рампе, где грузчики уже нас ждали. Оказалось, что мистер Пиктолл с парой из них был шапочно знаком. Они его вспомнили по тем дням, когда он заправлял лесопилкой, и вновь меня поразило, что здесь все, похоже, знают всех. Это, в свою очередь, помогло смазать шестеренки, и ящики молока нам погрузили еще быстрее, чем раньше. Я отдал бланк заказа, подписал фактуру, и вскоре мы уже опять были в пути.

В старике мне нравилось то, что он не тратил слов на бессмысленные разговоры. Просто ехал со мной рядом молча на пассажирском сиденье, вглядывался в дорогу впереди через ветровое стекло и ждал, когда ему выпадет случай поработать. Очевидно, что я не просил его нести каждую бутылку в каждый дом, куда мы заезжали: это значило бы слишком многого от него требовать. Бутылки с золотыми крышечками вдоль площади под Гринбэнком, к примеру, я доставлял сам, поскольку развозка там была по прямой. Он полностью включился, лишь когда мы начали заезжать в более отдаленные места. У первого такого жилья было трое ворот при въезде, все

закрыты, и мистер Пиктолл практически выпрыгивал из кабины, чтобы их открывать.

— Чертовы дурни, — сказал он, вернувшись в машину после третьих ворот. — В это время года их вовсе не нужно закрывать.

— Наверное, нет, — согласился я. Я ничего не знал про сельское хозяйство, но мой помощник говорил о нем вполне авторитетно, и я поверил ему на слово.

— Все поля пустые, — добавил он.

Тем не менее, если клиент хотел, чтобы его ворота стояли закрытыми, нам оставалось лишь подчиняться. Мистера Пиктолла это никак, впрочем, не беспокоило. Ему нужно было что-то делать, а открывать и закрывать ворота — такое же хорошее занятие, как что угодно другое. Единственная его жалоба сводилась к тому, что хозяева их — «чертовы дурни».

Еще одна задача для него возникала, когда мы заезжали в места со дворами неудобных очертаний. Эти мне создали накануне большие трудности, но с его помощью оказалось, что это вообще не задачка. Процедура была простой. Пока я в три приема разворачивал пикап, он выскакивал и доставлял необходимое, всякий раз возвращаясь с пустой бутылкой, когда я завер-

шал маневр. Так результативно мы всякий раз сберегали по нескольку минут.

Еще толком не рассвело, когда мы приехали в Уэйнзкилл. Проезжая мимо фабрики мороженого, мистер Пиктолл пристально глянул за чугунные ворота и сказал:

— Значит, Снейт наконец продался.

— Мне так и говорили, да, — ответил я.

— На пустом месте начинал, знаете.

— Правда?

— В тот же год, когда я учредил свою лесопилку.

— А, ну да.

— Хороший он предприниматель, Снейт.

— Вы, значит, с ним знакомы?

— Время от времени сталкивались, да, — сказал мистер Пиктолл. — В последний раз было на Духов понедельник 1962 года. Если мне память не изменяет.

— О… э… ну да.

— Конечно, нынче ему нипочем бы не дали ничего подобного построить.

— Наверное, нет.

— Тут слишком много градостроительных норм, ничего не построишь.

— Да.

— Чертовы дурацкие правила.

Такой длинный разговор, похоже, сказался на мистере Пиктолле, и он надолго замолчал. Меж тем я думал про большой сарай мистера Паркера — интересно, он получал градостроительное разрешение перед тем, как его возводить?

Доставка молока протекала очень мило. Мы завершили развозку по Уэйнзкиллу и, подъезжая к району Миллфорда где-то без четверти восемь, совсем не выбились из графика. Я заметил, что топливный расходомер у пикапа показывает маловато. Двигатель у него был дизельный, а единственным известным мне местом, где наливали дизтопливо, был гараж Кеннета Тёрнера, поэтому я заехал туда заправиться. Кеннет уже трудился под фургоном, который загнал на пандус техобслуживания, и, заслышав наш приезд, вылез из-под него. Я вышел с ним поговорить, а мистер Пиктолл остался в кабине наливать из термоса чай. С собой он прихватил две чашки, а также пончики с джемом, и, очевидно, выбрал этот момент для нашего с ним перерыва на чаепитие. Увидев его на пассажирском месте в кабине, Кеннет подмигнул мне и сказал:

— Вижу, вы себе помощником обзавелись.

— Да, — сказал я. — Он очень полезный ока-

зался.

— Ну, с мистером Пэ на борту если и ошибетесь, то не сильно.

— Похоже, так оно и есть.

— Требуется смышленый малый.

Он залил мне бак, и я вынул деньги заплатить ему, но он об этом и слышать не захотел.

— В счет лучше мне впишите, вам еще много понадобится.

— Видимо, да, — сказал я. — Вас, значит, так устраивает?

— Да, никаких хлопот.

— А я подобью в рабочем порядке.

— Ладненько.

Я влез в кабину к мистеру Пиктоллу выпить чаю с пончиками, а после этого мы погнали дальше, развозить молоко по той стороне озера, где жил Брайан Уэбб. Заехав во двор к Брайану, мы увидели, что он уже стоит в своей картонной короне: очевидно, ждет нас. Я воспользовался случаем и отдал ему свой заказ продуктов, но отказался от чашки чая, объяснив, что мы только что выпили. Когда мы уезжали, Брайан ухмыльнулся мистеру Пиктоллу и отдал ему честь.

— Чертов дурень, — заметил старик.

Мы доехали до «Дома на холме» раньше, чем

обычно приезжал Дикин, но я заметил, что грузовика с бочками во дворе уже нет. Ехать с ними мистеру Паркеру предстояло долго, и он, должно быть, решил отправиться пораньше. Мистер Пиктолл уже стал немного уставать, поэтому выскочил и разнес бутылки я сам. Как раз когда я поднимался по ступеням к дому, в дверях появилась Гейл. Школьной формы на ней еще не было.

— Когда мы опять пойдем на сеновал? — спросила она.

— Довольно скоро, — ответил я. — Как только я привыкну к такому расписанию.

— Тогда ладно. Кстати, папа оставил вам еще немного дров. — Она показала на пикап мистера Паркера, стоявший у большого сарая. Отсюда я мог различить лишь какую-то древесину, наваленную в кузове.

— А, ну да, — сказал я. — Спасибо.

Она улыбнулась.

— Не за что.

Когда я вернулся в кабину, мистер Пиктолл рассматривал карту маршрута.

— Ничего, если я позаимствую? — сказал он.

— Да нет, пожалуйста, — ответил я. — Зачем-то нужно?

— У меня чувство, что тут кое-где можно путь

срезать, но это мне еще нужно обдумать.

— А, ну да, — сказал я. — Завтра вы, значит, придете, верно?

— Если хотите, то да.

— Ну, я возражать не стану.

— Ладно, — сказал он. — Тогда приду.

Мы условились, что последнюю дюжину заказов или около того я развезу сам, и я его высадил перед самым въездом в «Каменную усадьбу». Он нырнул в небольшую калитку в живой изгороди и быстро скрылся с глаз, а я поехал дальше к дому. Когда добрался, его сын вышел со мной побеседовать.

— Моего отца видели? — спросил он.

— Боюсь, нет, — ответил я, отдавая ему молоко. — Может, он погулять пошел.

— Да, если просто погулять, это еще ничего. — Он взял у меня бутылку и отдал взамен пустую. — Кстати, вы когда вернетесь тот договор на распилку довыполнить?

— Э… должно быть, когда-нибудь скоро, — сказал я. — Когда начальство кивнет.

— Ваше начальство?

— Да.

— Я думал, вы теперь сами себе начальство.

— С молоком да. А другое я делаю для мистера

Паркера.

— Забавное, по-моему, у вас соглашение.

— Правда?

— Ни рыба ни мясо.

— Да меня не очень-то волнует.

— Ну, так, может, должно б.

Меня поразило, что такого сорта разговоры обычно происходили у нас с Ходжем — нечто вроде перекрестного допроса, у которого нет иной цели, кроме как сунуть нос в мои личные обстоятельства. Интересно, подумалось мне, сходятся ли они иногда пообсуждать чужие дела. Казалось, это довольно маловероятно, если вдуматься хорошенько: молодой мистер Пиктолл представлялся мне личностью, у которой просто не может быть друзей.

После этого покончить с развозкой молока много времени не заняло, и я вернулся в «Дом на холме» к одиннадцати, что, как мне показалось, совсем неплохой результат. Теперь у меня был весь остаток дня на серьезную покраску. Я съел у себя во флигеле поздний завтрак, а потом пошел в большой сарай топить печку. Вспомнив о дровах, про которые мне сказала Гейл, я задержался у пикапа мистера Паркера и заглянул в кузов. К своему смятению, там я увидел брошенную лодку

с нижнего поля, разломанную на куски. Я узнал части планширя, форштевень и трухлявый киль — все свалено в кучу и предназначено в топку. С глубокими сомнениями я вытащил из кузова две или три такие части и понес их в сарай.

* * *

На растопку печки у меня ушло довольно много времени. Накануне днем мистеру Паркеру удалось разжечь ее всего за несколько минут, после чего он быстро загрузил туда еще дров и закрыл дверцу. Вскоре пламя уже запылало, а дальнейшего ухода за собой не требовало. Мне же, напротив, мгновенный успех не дался. Возможно, потому, что я никогда раньше не разжигал таких печей, но вероятнее всего — из-за того, что мне очень не хотелось, чтобы некогда гордое судно улетучилось дымом. Вновь и вновь пробовал я, однако ничего сильней желтого огонька не добивался, а он через несколько мгновений гас опять. Однако похолодало уже так, что без отопления не поработаешь, поэтому приходилось упорствовать. Наконец после нескольких попыток я попробовал отрегулировать вьюшку, как это делал мистер Паркер, и печка в итоге ожила и заревела. После этого я стал медленно скармливать загубленную

лодку огню.

* * *

Едва в сарае начало теплеть, я выбрал кисть и приготовился к работе. Первую банку зеленой краски я уже извел, поэтому открыл следующую и перемешал содержимое. Дело это шло медленно. От холода краска очень загустела и схватилась, поэтому мешать пришлось долго — такой густой красить не станешь. Пять минут размешивал я, неотчетливо размышляя над тем, что пришло мне в голову утром. Потом остановился и уставился в зеленую краску, затем помешал еще немного, и тут замысел созрел окончательно.

Я решительно закрыл банку крышкой и поставил ее к другим. Затем сходил в сарай с краской и оглядел в нем все полки. Наверняка же среди разных красок я смогу добыть искомое. В конце концов, зеленая краска — лишь в банках без этикеток. Одну за другой я брал другие банки и осматривал их. Там были грунтующие покрытия, цинковые краски, эмульсии, подложки и лакировки — всего разнообразия оттенков. Я нашел особую желтую краску, которой красят гусеничные тракторы, и красную — для почтовых фургонов. У некоторых красок имелись названия,

сочиненные производителями: «арктическая синяя», «голубая оттенка яичной скорлупы» и «глубоководно-синяя». Не вполне то, что я искал, но у меня появилась надежда, и я продолжал поиски. Где-то уже в глубине склада я наткнулся на какие-то картонные коробки, неоткрытые, в каждой — по дюжине банок краски. Я проверил этикетку на первой. То была «королевская бордовая». Вторая оказалась еще лучше — «тусклое золото». Чувствуя себя отмщенным, я вытащил эти коробки и перенес их обратно в большой сарай.

Очевидно, мистер Паркер не знал, что у него в глубине склада запрятаны эти краски. Иначе, несомненно, он бы попросил меня взять их, а не эту уныло-зеленую. Вероятно, он был так занят, что сбился со счета, что у него есть, а чего нет, поэтому, отыскав их, я, по сути, оказал ему услугу. Теперь лодки можно было выкрасить в их родные цвета.

Я взялся за работу немедленно, перекрасил суденышко, законченное накануне, и перешел к следующему. Результат оказался таким приятным, что я решил поработать вечером допоздна, а в паб не ходить. То был уже второй раз за неделю, когда я не выбирался из дому, но я не сомневал-

ся, что Брайан и прочие меня поймут. В конце концов, никаких соревнований по дротикам на следующие день-другой не намечалось, а они все знали, сколько на мне теперь обязанностей. С такими успокоительными мыслями я продолжал накладывать бордовую краску, и лодки постепенно вновь обретали свою былую царственность.

Конечно, иной способ провести вечер — подняться на сеновал с Гейл. Я почти рассчитывал, что она появится в любой миг и предложит сама, но она почему-то так и не появилась, а вместо этого сидела в доме одна. Наконец, на меня навалилась усталость, я сложил кисти и отправился спать. В общем и целом день сложился вполне удовлетворительно.

Среди ночи вернулся мистер Паркер. Меня разбудили шум мотора и вспышки фар в темноте, когда его грузовик заехал на верхний двор. Должно быть, я тотчас же опять уснул, поскольку никаких других звуков после этого не слышал.

Не успел я опомниться, как настала половина пятого, и мне опять пора было вставать.

Вообще-то я удивился, до чего быстро привык вставать спозаранку. Вот я молочник всего третий день, а завариваю чай в половине пятого утра так, будто занимаюсь этим уже много лет. Я

даже поймал себя на том, что недоумеваю, как это люди могут дрыхнуть до шести или семи часов, когда можно вставать и хлопотать, как я. В конце концов, это лучшее время суток, и ничто не могло сравниться с хрустом гравия у меня под ботинками, когда я выходил в предрассветный сумрак.

Не спал в одно время со мной, конечно, еще один человек — мистер Пиктолл. Я нашел его на дороге — он ждал меня с холщовой сумкой в руке.

— Утро, — сказал я, когда он залезал на пассажирское сиденье.

— Не стоит морочиться всей этой чепухой, — ответил он. — Я прекрасно осведомлен о том, что сейчас утро.

— Ой… э… ага, извините.

— Нам работа предстоит, и болтать попусту нет никакой нужды.

— Да, вы правы. Извините.

— И хватит уже извиняться!

— Ладно.

— Значит, так, — продолжал он. — Поглядел я на эту карту маршрута и решил, что Дикин от Уэйнзкилла не туда сворачивал.

— Вы, значит, про Дикина знаете, да? — спросил я.

— Ну конечно, я знаю про Дикина! — рявкнул он. — Про него все знают.

— Ох… правда?

— Так, вы хотите мое предложение выслушать или нет?

— Да, пожалуйста.

— Так. — Мистер Пиктолл вынул карту и разложил у себя на колене. — Думаю, из Уэйнзкилла нам нужно ехать верхней дорогой, а потом срезать через «Обрыв Долгого хребта».

— Я думал, там частные владения.

— Они и есть, — ответил он. — Но хозяин у них один мой старый приятель, и я с ним могу все это уладить.

— Это хорошо.

— По моим прикидкам мы так полных шесть миль сэкономим.

— Здорово.

— Есть и другие мелкие поправки, но я вам их покажу по ходу.

— Ладно.

После чего он погрузился в молчание, и путешествие продолжалось. Я уже начал привыкать к грубоватой манере мистера Пиктолла и пришел к выводу, что это у него не личное. Напротив, с его стороны было очень любезно выказать такую

заинтересованность в повышении результативности доставки молока, и я был ему вполне благодарен. Помимо обмена репликами о погоде время от времени, мы ехали дальше без лишних слов и прибыли на ферму к пяти. Погрузка вскоре завершилась, мы снова отправились в путь и быстро разметали золотые крышечки вдоль площади ниже Гринбэнка.

Когда мы добрались до Уэйнзкилла, мистер Пиктолл предложил мне самому доставить в «Поденщик», а он тем временем разберется с ближайшим рядом домов.

— Должно сэкономить нам добрых десять минут, — объявил он, переставляя полдюжины бутылок в ящик для переноски.

— Вы уверены, что не против лишний конец сделать? — спросил я.

— Я бы сказал, если б был против, а? — ответил он.

— Видимо, да.

— Ну и вот.

И он тут же зашагал к домам, а я стремглав потащил две пинты в «Поденщик». Такой порядок действий и впрямь все ускорил нам в Уэйнзкилле, и вот уж мы выезжали из него так называемой «верхней дорогой». Милю спустя

мы доехали до поворота влево с табличкой «ОБРЫВ ДОЛГОГО ХРЕБТА». Второй знак гласил: «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ».

Едва мы туда свернули, я сразу ощутил, что нас со всех сторон окружает нечто темное и непроницаемое. Я включил фары на дальний свет и увидел, что мы проезжаем среди густых хвойных посадок, стоявших без единого движения во мраке.

— Рождественские елки, — сказал мистер Пиктолл.

В сотне ярдов перед нами у дороги стоял грузовик, и, когда мы приблизились, его отражатели сверкнули красным. Затем я приметил, что у самых деревьев с чем-то возится пожилой мужчина. Он повернулся к нам, прикрывая глаза от яркого света рукой. Я пригасил фары, а мой спутник вгляделся через ветровое стекло.

— Свезло маленько, — сказал он. — Тот мой старый приятель, о ком я вам говорил. Остановите-ка.

Я сделал, как велено, и съехал к обочине. Мистер Пиктолл вылез из кабины и хлопнул дверцей, после чего сказал несколько слов тому человеку. О чем говорилось, я не слышал из-за шума двигателя, но миг спустя эти двое уже

жали друг другу руки. Я различил, что «старый приятель» мистера Пиктолла держит какой-то металлический инструмент, но что именно, я так и не понял, как не имел ни малейшего понятия, зачем он вообще в этой глуши в такой час. Беседа их была краткой, а потом оба посмотрели в мою сторону. При этом я почувствовал себя, будто в витрине, но все равно чуть-чуть помахал им. В ответ получил подтверждающий кивок. Затем они убрели к деревьям, осмотрели несколько веточек, пощупали их и, похоже, в чем-то друг с другом согласились. Я уже начинал задаваться вопросом, сколько еще времени это займет, но тут мистер Пиктолл вернулся к пикапу и влез в кабину.

— Ладно, — сказал он. — Все улажено. Можем ездить по этой дороге, как нам нравится. Поехали.

Казалось, вопрос о том, чтобы с нашим благодетелем лично познакомился я, даже не возник, поэтому, дружественно ему гуднув, я тронулся.

— Кстати, — добавил мистер Пиктолл. — Он сказал, что, если мы тут каждый день ездить будем, заодно и ему можно пинту молока закидывать.

— А, ну да.

— Начиная с завтра.

— Ладно… э… А что он там делал? Я не очень разглядел.

— Елки замерял. Проверял, нужного ли они уже размера.

— И как?

— Не вполне. Дней через десять будут готовы — или около того.

— Как раз к Рождеству, значит?

Мистер Пиктолл вздохнул.

— Ну конечно, как раз к Рождеству, — сказал он. — Иначе и смысла их растить нет, или как?

— Нет, — ответил я. — Видимо, нет.

После чего я оставил тему рождественских елок и сосредоточился на дороге. От того, что мы так срезали путь, конечно, поездка наша стала совсем иной, и мы снова выехали на главную дорогу с двадцатиминутным опережением графика.

Прибыв в «Дом на холме» пару часов спустя, мы по-прежнему держались в хорошем темпе. К своему удивлению, я увидел, что грузовика с плоской платформой на дворе уже нет. Предположительно это означало, что мистеру Паркеру удалось спроворить себе какое-то дополнительное дельце, которое потребовало, чтобы он выехал из дому раньше, но я понятия не имел, что это могло быть.

Когда, высадив мистера Пиктолла в обычном месте, незадолго до одиннадцати я вернулся домой, мистера Паркера по-прежнему не было. Утро опять стояло совершенно приятное — старик оказался более чем полезен (а также предоставил чай и пончики).

Теперь мне предстоял совершенно свободный целый день на покраску. За следующие несколько часов мне удалось положить второй слой краски на те лодки, что я уже сделал накануне, и начать следующую. Вид рождественских елок, ожидающих своей очереди оказаться на рынке, напомнил мне, до чего быстро летит время, и подстегнул меня работать в более плодотворном темпе. На самом деле я понял, что весь ритм жизни у меня ускорился — чтобы успеть сделать все, что от меня требовалось. Не успел я вернуться вечером к себе во флигель, объявилась Гейл с требованием потренироваться с дротиками. Как обычно, я не нашел в себе сил отказать ей, и мы провели приятный час на сеновале, оттачивая ее технику далее. Только в десять я наконец добрался до «Вьючной лошади» быстренько выпить пинту «Экса» на сон грядущий.

* * *

Когда наутро мы срезали путь через «Обрыв Долгого хребта», старого приятеля мистера Пиктолла видно нигде не было, и я не очень понимал, где оставить ему молоко.

— Поставьте прямо на обочину, — посоветовал мистер Пиктолл. — Он увидит, когда появится.

— А никто не возьмет? — спросил я.

— Нет, конечно, — ответил он. — Сюда никто не заезжает.

— А если птицы крышку проклюют?

— Тут нет птиц.

— Что, правда?

— Вообще никаких.

— А я думал, птицам деревья нравятся.

— Эти не нравятся. Мой приятель их опрыскивает всеми мыслимыми химикатами.

Мне пришло в голову, что эта плантация не меньше удалена от дорог, чем какие-то другие места, что мы навещали каждый день. Единственная разница лишь в том, что здесь нет крыльца, на котором можно оставить бутылку молока. Поэтому я поступил так, как предложил мистер Пиктолл, и оставил ее прямо на обочине.

Его старого приятеля хотя бы можно было

опознать как клиента. Большинство же ранних доставок у нас были в темные дома, где спали чужие люди. Мне было известно всего несколько имен, перечисленных в книге заказов, и я понимал, что еще долго с ними всеми не познакомлюсь. В какой-то момент мне придется всех объехать и собрать деньги, что они будут мне должны, но я решил, что лучше всего это, наверное, сделать, когда пущу тут корни.

Одного клиента я, конечно, узнал бы всегда — Брайана Уэбба. Часа через два мы заехали к нему во двор, и он встретил нас в своей обычной картонной короне. Я вышел с ним проговорить, а мистер Пиктолл остался в кабине с неодобрительной миной.

— По-моему, старикану я не нравлюсь, — сказал Брайан.

— Ему ваша корона не нравится, — ответил я.

— Ох, ну что ж, тут ничего не поделать. Да и в любом случае до Рождества уже недолго.

— Да, наверное, нет.

— У меня тут ваши продукты. — Он зашел в кухню и снова вышел с коробкой. — Я взял на себя смелость заказать вам немного фасоли. Ее у вас в списке не было, но Ходжик распродает за полцены, вот я и решил ухватить.

— О, ну да, спасибо, — сказал я. — А какое печенье взяли?

— Всех видов, — ответил он. — Фиговые рулетики, с заварным кремом, с солодовым молоком. Это же я правильно сделал, да?

— Ага, очень здорово. Сколько, значит, я вам должен?

— Ой, за это пока не беспокойтесь. Чаю хотите?

— Нет. Но все равно спасибо. Просто нам пора ехать.

— Ладненько, — сказал он. — Кстати, куда это Томми ездит каждый день на своем грузовике?

— Не знаю, — сказал я. — А сегодня он, что ли, опять?

— Да, я видел, как он выкатывается около шести. Фары отсюда видать.

— Что-то связанное с нефтяными бочками, я думаю.

— Ох, ну что ж, — сказал Брайан. — Томми хорошее дельце всегда распознает, у него нюх.

По правде говоря, я был вполне рад, что мистер Паркер все время чем-то занят. Это означало, что я могу и дальше себе красить без помех, а если повезет, первая лодка будет закончена, не успеет он и оглянуться. Держа это в голове, я закончил развозку молока со всей возможной скоростью,

попрощался с мистером Пиктоллом, а затем поехал домой и растопил печку в большом сарае. Когда там немного потеплело, я выбрал банку золотой краски и принялся за работу. Мне хотелось, чтобы каждая лодка выглядела безупречно, и я знал, что в этой части покраски спешить нельзя. Стало быть, я с большим тщанием обрабатывал кистью планширь, нос и форштевень.

Процесс этот длился целый день. Снаружи погода стала очень и очень ветреной, о гофрированные стены сарая время от времени бились порывы слякоти. Внутри же все было вполне уютно и как в настоящей мастерской. Когда я наконец отошел на шаг, чтобы рассмотреть результаты своих трудов, удовлетворения мне было не занимать. Да, подумал я, отделка поистине профессиональна.

Вечером я как раз пил чай у себя во флигеле, когда услышал, как вернулся мистер Паркер, и потому вышел на улицу его встретить. В кузове грузовика у него было около пятидесяти подержанных нефтяных бочек.

— Обалдеть великолепно работают они на этой фабрике, — сказал он, спускаясь из кабины. — Прямо как часы.

— Я так и думал, что на вас произведет впечат-

ление, — ответил я.

— Суют эти старые битые бочки в один конец, а когда те вылезают из другого — так полностью восстановлены. Как новые лампы на старые[5].

— Ага, наверное.

— Мне сказали, что возьмут все, что я им привезу, — продолжал он. — Вот я и мотаюсь по всей округе, за бочками гоняюсь.

Казалось, настроение у него хорошее, поэтому я сказал:

— В сарае одна полностью обновленная лодка, ждет вашей инспекции.

— Это хорошо, — ответил он.

— А остальные на разных стадиях завершения.

— Ну, — сказал он. — Прямо сейчас у меня нет времени на них смотреть, если не возражаете. Я с ног валюсь — со всеми этими бочками.

— Ой… ну да.

— Поэтому вы уж сами с ними разберитесь.

— Ну ладно.

— Лишь бы покраска к Рождеству закончилась — вот что самое главное.

---

[5] Примечания: 5

Отсылка к сказке «Аладдин и волшебная лампа», впервые опубликованной в сборнике французского антиквара и востоковеда Антуана Галлана (1646–1715) «Тысяча и одна ночь» (1704–1717). Происхождение этой сказки не выяснено до сих пор.

— Ну да.

Меня несколько разочаровало, что мистер Паркер не захотел инспектировать произведение моих рук, но понять его я мог. Прошел миг, и я заговорил снова.

— Э… вообще-то я хотел с вами потолковать еще об одном деле.

— Вот как?

— Я просто в последнее время по многу часов трачу на лодки.

— Видимо, так оно и есть, да, — согласился он.

— И… ну, я хотел спросить, не дадите ли вы мне денег.

Вечер стоял темный, но темный недостаточно, чтобы скрыть удивление, нарисовавшееся на лице мистера Паркера.

— Денег? — спросил он.

— Да.

— Зачем?

— Чтоб я мог с долгами расплатиться.

— А, — сказал он. — Понимаю.

— Обычно я бы не просил, — пояснил я. — Но штука в том, что я должен Брайану Уэббу, и у меня к тому же кредит во «Вьючной лошади», счет у Кеннета Тёрнера и еще один — у мистера Ходжа. Ах да, и один у Дикина.

— Ну, насчет этого последнего я б не слишком беспокоился, — сказал мистер Паркер.

— Да, наверное, нет.

— Снова вложите в дело.

— Ладно, — сказал я. — Только я недолго еще так протяну. Я привык, чтоб у меня немного налички всегда с собой было.

— Вы, значит, на мели, нет?

— Практически да.

Мистер Паркер постоял, глядя в землю, словно бы итожа беседу, которая у нас только что состоялась. Затем перевел взгляд на большой сарай, посмотрел в небо и снова на землю. Наконец он заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Наверно, мне вам лучше бы что-то дать, чтоб перебились.

Он сунул руку в задний карман и извлек сверток двадцатифунтовых банкнот. Затем медленно отделил одну и вручил мне, положив прямо в протянутую ладонь. За ней последовала вторая купюра. Затем третья. Все это совершалось в молчании, но я ощущал, что у мистера Паркера процедура вызывает некоторое беспокойство. Тем не менее я не убирал руку, и он продолжал выкладывать мне в ладонь купюру за купюрой, пока не набралось сто фунтов.

Затем он остановился.

— Спасибо, — сказал я.

— Все покрывает? — спросил он.

— Угу, — ответил я. — В самый раз.

Он пересчитал остаток денег и вернул пачку в задний карман, после чего вновь глянул на меня.

— Кстати, — сказал он. — На фабрике, похоже, о вас никто не слыхал.

— Вот как?

— Боюсь, что нет. Я поспрашивал у пары человек там, но ни один так и не сообразил, кто вы такой.

— Ну, я ж там всего несколько месяцев проработал, — сказал я. — Наверняка они меня просто забыли.

— Да, — ответил он. — На то и похоже.

11

«Вьючная лошадь» попала во второй тур Межпабной лиги дротиков. Такой новостью меня приветствовали в следующий мой приход, и в общем и целом казалось, будто все согласны с тем, что я сыграл ценную роль в кампании.

— Мы б не разбили «Золотого льва» без вашей помощи, — сказал Тони, нацеживая мне пинту «Экса». — В команду мы вас вернем, как только место появится.

— Спасибо, — сказал я.

— Только ходите постоянно, и вас в конце неизбежно выберут.

Быстрый взгляд на расписание матчей сообщил мне, что через десять дней нам опять предстоит выступать против «Поденщика». Именно эту игру я был полон решимости не пропустить, поэтому тщательно запомнил дату. Затем взял свою пинту и пошел тренироваться с остальными.

Несмотря на заверения Тони, я все равно себя чувствовал во «Вьючной лошади» немножко чужаком, меня приняли не вполне. Отчасти так происходило в связи с тем, что мне всегда нужно

было уходить до закрытия, чтобы лечь спать в какое-то разумное время. В результате я никогда не участвовал в «неурочном» питии с Брайаном и всеми остальными. Не засиживался там допоздна только я, и меня не покидала мысль, что я что-то пропускаю. Все они держались вполне дружелюбно, но я совсем не был уверен, что они действительно «друзья».

То же относилось и к старому мистеру Пиктоллу, с которым я проводил больше времени, чем с кем бы то ни было. Мой раннеутренний компаньон ездил со мной по многу часов, однако у меня не было ни малейшего понятия, нравится ему мое общество или нет. У нас с ним сложилась хорошая бригада, в этом-то сомнений не было, но если я допускал ошибку — например, сворачивал куда-то не туда, — он на меня рявкал и обзывал чертовым дурнем. Иногда мне становилось интересно, не разочаровываю ли я его по-крупному.

Вместе с тем доставка молока проходила без сучка без задоринки. Мы каждый день срезали путь через «Обрыв Долгого хребта», забирая пустую молочную бутылку с обочины и заменяя ее на полную. Иногда краем глаза примечали старого приятеля мистера Пиктолла среди рождественских елок, и он нам махал. Затем проходило

еще несколько дней, когда мы его не видели.

Еще один визит мы наносили в отдельно стоявший домик в Уэйнзкилле. То был «особый заказ», только по пятницам, на одну бутылку гомогенизированного молока. Участок лежал слегка вдали от дороги, в конце дорожки, посыпанной шлаком, и мне он понравился с первого взгляда. Кто бы там ни жил, казалось, он нашел для своего дома со всех сторон приятное местечко. На садовой калитке была вырезана лошадка-качалка, и с нею тут все смотрелось приветливо, а также — с яблонями и аккуратными бордюрами. Сам дом был темен, когда я привозил доставку, но фонарь снаружи отбрасывал дружелюбный свет на дорожку. По книге заказов клиента звали Пембертон, что не сообщало мне ничего, он это или она. Ваза с цветами в окне, однако, наводила на мысли, что здесь должна жить женщина, и вскоре у меня стало возникать ощущение, что именно тут поселилась Лезли. В конце концов, никто, кроме молодой женщины, живущей в одиночку, не мог растягивать бутылку молока на всю неделю. Я воображал, что у нее хлопотная жизнь, поэтому минутка на быструю чашку чаю выпадает ей нечасто. Пустая бутылка на крылечке, заметил я, всегда тщательно вымыта.

Обнаружив, где живет Лезли, я затем осознал, что информация эта мне ни к чему — вряд ли можно постучаться к ней в половине седьмого утра. Но все равно, когда я ее увижу на грядущем матче по дротикам, особого вреда не будет мимоходом упомянуть, что молоко ей привожу я.

В такие ранние часы мы едва ли встречались с другими машинами, но однажды утром на подъезде к Миллфор-ду возник пикап, ехавший нам навстречу. Едва заметив его, мистер Пиктолл сказал:

— Берегитесь, это Джон, — и тут же улегся на сиденье.

Мгновение спустя другая машина поравнялась с нами, и я увидел, что за рулем его сын. В кузове у него были сложены четыре пустые бочки. Мистер Пиктолл-младший кратко мне кивнул и тут же скрылся из виду.

Мой подручный сел и оглянулся.

— Так его зовут? — спросил я. — Джон?

— Да, у нас в семье все Джоны, — ответил старик.

— Думаете, он вас искал?

— Сомневаюсь. Его больше интересует какая-то чертово-дурацкая афера с нефтяными бочками.

— О, — сказал я. — Мистер Паркер ими тоже

занимается.

— Я знаю, — сказал мистер Пиктолл. — И Джон себе много неприятностей наживет, если не будет осторожен.

— Вот как?

— Ну конечно. Не по чину вылезает, хочет эксплуатировать рынок, о котором ни шиша не знает.

— Видимо, да.

— Но все равно, возможно, будет ему урок.

— Ага, наверное, — сказал я. — Эгей, а это еще кто?

На дороге впереди стоял автостопщик, молодой парняга моих лет, с рюкзаком. Увидев, что мы подъезжаем, он поднял руку.

— Не останавливайтесь, — распорядился мистер Пиктолл.

— Извините, — сказал я, притормаживая. — Я всегда подбираю автостопщиков.

Молодой человек подошел к пассажирскому окну, открытому на четверть.

— К Томми Паркеру едете? — спросил он.

— Ага, — ответил я. — Запрыгивайте.

— Тут места нет, — сказал мистер Пиктолл в щель стекла. — Придется в кузове ехать, с ящиками.

Мне это показалось каким-то сварливым, но автостопщик, казалось, не возражал и вскоре забрался в кузов. И мы тронулись опять.

— Это малый, о котором я вам рассказывал, — пробормотал старик. — Нам он тут не нужен, он все испортит.

— А по мне — так вроде ничего, — сказал я. — Автостопщики в большинстве своем нормальные.

— А чего пешком тогда не шел? Всего миля же осталась.

— Не знаю.

— Все потому, что он никчемный лодырь, вот почему.

Мистер Пиктолл умолк и сидел, сердито глядя в ветровое стекло, а пассажир ехал с нами до «Дома на холме». Интересно, подумал я, чего ради кому-то объявляться здесь в декабре. Погода, в конце концов, ужасная, а жить тут негде.

— Может, он проездом, — заметил я.

Старик ничего не сказал.

Когда мы въехали во двор, мистер Паркер стоял на платформе своего грузовика, сматывая веревку. Последние несколько дней он носился повсюду — собирал еще бочки и отвозил их на фабрику, когда набирался целый кузов. Накануне поздно вечером он как раз вернулся из одной

такой поездки.

— Ну что, Томми! — окликнул его автостопщик из кузова пикапа перед тем, как спрыгнуть. Я отметил, что голос у него довольно громкий.

Мистер Паркер долго вглядывался в него, после чего сказал:

— О, привет, Марк. Решил, значит, вернуться?

— Я же сказал, что да, ну?

— Да, кажется, говорил.

Меж тем я вышел из кабины и отнес молоко. Немного подождал, чтобы новоприбывший успел сказать мне спасибо за то, что его подвезли. Но тот меня проигнорировал и продолжал беседовать с мистером Паркером, поэтому я опять залез в кабину.

— Ну что, едем, значит? — спросил мистер Пиктолл с ноткой нетерпения в голосе.

— Э… ага, конечно, — ответил я, переключая передачу.

Когда мы выезжали, я увидел лицо Гейл в кухонном окне, но смотрела она не на меня.

★ * *

На оставшемся молочном маршруте мистер Пиктолл говорил мало — лишь когда я к нему обращался, и то давал кратчайшие ответы.

Прибытие автостопщика его почему-то раздосадовало, и он, казалось, вымещал зло на мне — за то, что я того подвез. Я вообще-то не понимал, какая разница. В конце концов, как он сам отметил, там всего-то милю и было ехать. Парень и так бы добрался, помоги я ему или нет. Однако ссориться с мистером Пиктоллом мне хотелось в последнюю очередь, поэтому я никак это дело и не поминал.

Около одиннадцати я его высадил в обычном месте и сказал:

— Ну, значит, до завтра.

Он пробормотал что-то, чего я не вполне расслышал, а затем убрел к своему дому.

Когда я приехал в «Дом на холме», кухонная дверь стояла нараспашку. Я поставил пикап и вылез из кабины, и как раз тут на террасу с чашкой кофе в руке вышел автостопщик. Следом появился мистер Паркер.

— Минутка есть? — окликнул меня он. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Я поднялся по ступеням, и новоприбывшего мне представили как Марка.

— Можете звать меня Марко, — сказал он.

— Спасибо, — ответил я. Казалось, на нем слегка уже выцветший загар.

— Марк поживет с вами во флигеле, — объявил мистер Паркер.

— Вот как? — спросил я, несколько удивившись.

— Да. Если не возражаете, то есть.

— Ну, там, вообще-то, места нет.

— Мне показалось, вы говорили, что его там навалом.

— Когда?

— Когда только въехали.

— О, — сказал я. — Правда?

Пока мы беседовали, Марко стоял с эдакой презрительной ухмылкой на лице, глядя на меня.

— Конечно, если не стеснит… — сказал он.

— Нет, все в порядке, — ответил я. — Спать, наверное, можете на тахте.

Я рассчитывал, что он скажет спасибо за этот великодушный жест, но он лишь пристально поглядел на флигель, словно только что одержал некую победу.

— Ну, это, значит, уладили, — сказал мистер Паркер. — А теперь мне пора ехать. Сегодня днем мне кое-что еще собрать надо.

Пока он шел к грузовику, я повернулся к Марко.

— Дверь не заперта, можете сами заходить.

Будь я проклят, если стану знакомить его с жильем, словно какой-нибудь агент по недвижимости, поэтому я пошел в большой сарай и растопил печку. Затем какое-то время осматривал лодки. За последнюю неделю или около того мне удалось хорошенько продвинуться с покраской, поэтому теперь оставалась всего одна лодка. Остальные выглядели с иголочки со своей бордово-золотой отделкой, и я рассматривал их с гордостью. Мистер Паркер до сих пор сюда не заходил и их не видел, но я знал, что он придет в восторг, когда у него наконец дойдут руки.

Мне нужно было позавтракать, поэтому я пошел во флигель и обнаружил, что Марко навзничь растянулся на тахте. Какие-то его вещи были небрежно разбросаны по полу.

— Всю ночь добирались? — спросил я.

— Ага, — сказал он. — Мне совсем пиздец.

— А вы сейчас откуда?

— Из Индии.

— О… ну да. Хорошо съездили?

— Ну, клево было. Но у меня деньги кончились, пришлось вернуться.

— Ехали по суше?

— Не-а, — зевнул он. — Ну его в жопу. Самолетом.

— А, ну да.

Он сунул руку в сумку.

— Я покурю, ничего?

— Видимо, нет.

Марко закурил, и я открыл окно. Затем он умолк, глядя в стену напротив, пока курил. Я занялся приготовлением чего-то на завтрак.

— Вы ели? — наконец спросил я.

— Ага, — сказал он. — Уже позавтракал с Томми.

— Значит, пока ничего не хотите?

— Нет.

Мне показалось, что это отчасти наглость — Марко все время называл мистера Паркера «Томми», словно они старые приятели или както. По мне, слишком уж фамильярно. В конце концов, он всего-навсего сдельщик, которому случилось тут бывать. Насколько мне было известно, он помогал с гребными шлюпками и немного красил в летние месяцы, однако по тому, как он себя со всеми вел сейчас, можно было заключить, что он тут полный хозяин.

— Между прочим, — сказало я. — Вы на что собираетесь тут жить в это время года?

— Как-нибудь перебьюсь, — ответил он.

— Но мне показалось, у вас деньги кончились.

— Тут деньги не нужны.

— Неужели?

— Нет, конечно. Томми же платы за это место не берет, правда?

— Э… нет.

— Ну и вот. Нужно только пару кредитов открыть — и будешь в шоколаде.

— В смысле — у Ходжа и прочих таких же?

— Ага.

— Но в итоге с ними же нужно будет когда-то расплачиваться, разве нет?

Марко долго смотрел на меня с недоверием, медленно выпуская изо рта дым, и на его лице проступала наглая ухмылка. Затем он расхохотался надо мной, открыто и беззастенчиво.

— Не будь всю жизнь таким мудаком, — сказал он. — Возьми отгул.

* * *

Многое подсказывало, что Рождество все ближе. Все крышки от молочных бутылок вдруг украсились крохотными веточками остролиста, а перед дверями домов стали возникать предварительные заказы на двойные сливки. Представлялось вероятным, что за грядущие недели рабочая нагрузка у меня возрастет, поэтому я радовался

не прекращавшейся поддержке мистера Пиктолла. После приезда Марко я ожидал, что старик в отвращении меня бросит, но наутро он ждал меня в обычном месте вместе со своей холщовой сумкой. Я счел за лучшее вообще никак не касаться событий накануне, а просто продолжал развозить молоко как ни в чем ни бывало. Такой образ действий оказался успешен, и наши с ним отношения быстро вернулись к норме.

Когда мы проезжали через «Обрыв Долгого хребта», становилось очевидным, что рождественские елки начали наконец рубить. Там, где раньше мы видели только непроглядную тьму, теперь возникали просветы, слабо освещенные разбросанными очагами пала, по-прежнему дымившимися на рассвете. Однако исчезали не все елки. Целые участки их оставались нетронутыми, видимо — ждали следующего года или года за ним. Мы забирали пустую бутылку на обочине, вместо нее оставляли полную и продолжали наше путешествие.

Когда я в следующий раз привез молоко в домик с лошадкой-качалкой на калитке, мне почему-то казалось, что там будет записка с просьбой на праздники доставлять что-нибудь дополнительно. Ее там не было, но я все равно решил оставить

бесплатную упаковку сливок как жест доброй воли. Мистер Пиктолл на это пробурчал, что дескать «один клиент ничем не лучше другого», а любому торговцу, кто раздает продукцию просто так, нужно голову проверить.

Каждый день у меня проходил в сравнительно надежном убежище большого сарая. Когда топилась печка, а дверь была закрыта, я без помех продолжал трудиться над лодками. Последние недели мне очень нравилась эта работа, и я предвкушал, что мистер Паркер наметит мне делать дальше. Что-нибудь интересное, несомненно, хоть мне и редко выпадало с ним поговорить — он постоянно бывал занят нефтяными бочками.

Но вот однажды вечером я встретил его во дворе — он только что приехал откуда-то не слишком издалека на большом грузовике.

— Вы же не забудете, что вам еще швартовный якорь делать, нет? — сказал он.

— Нет, ладно, — ответил я. — Хотя на озере неспокойно, чтоб его спускать.

— Может, на следующей неделе попробуете, — предложил он. — Синоптик говорит, нас ожидает временное затишье.

— А, ну да.

— Пускай вам Марко подсобит.

— Ладно.

Перспектива того, что Марк (или «Марко», как он предпочитал зваться) кому-нибудь подсобит, казалась крайне маловероятной. Он запросто мог оказаться самым ленивым человеком, какой попадался мне в жизни. Не только спал по полдня и поднимался, когда я уже давно возвращался с молочной доставки, но и потом лишь прохлаждался во флигеле по многу часов, курил, не открывая окна, да угощался моим печеньем. Ни разу не предложил даже чаю заварить или чего-нибудь другого, хотя и знал, что я занят. Отговаривался тем, что «ну его в жопу», однако, *я* заметил, что он никогда не преминет налить чаю себе, если я побеспокоюсь и заварю.

Несмотря на все это, Гейл, похоже, считала его в высшей степени чарующим. Она то и дело заявлялась во флигель под каким-нибудь предлогом, например — посмотреть фотографии Марко из Индии. Сами по себе они были интересны, наверное, но посмотреть на них хватило бы и одного раза. А не трех.

В какой-то момент я спросил у него, что он думает о тех местах, и он сказал:

— Шикарные, но тебе, наверно, не понравится.

— Это почему? — спросил я.

— Не понравится и все, — ответил он. — Ты не тот человек для них.

У Марко была весьма неудачная манера выражаться, но я все равно осознавал, что, если нам с ним предстоит чем-то делиться, я с таким же успехом могу постараться и проявить дружелюбие. По этой вот причине я у него и спросил, не желает ли он сходить со мной во «Вьючную лошадь».

— Что, и весь вечер тусоваться с «быдлом»? — сказал он. — Нет уж, спасибо.

— На самом деле они приятная публика, — заметил я. — Они возьмут меня в команду по дротикам.

— Везет же.

— Сегодня вечером играем с «Поденщиком».

Марко откинулся на спину и поглядел в потолок.

— О упоенье! — сказал он. — Я такого не выдержу!

— Так вы, значит, не хотите сходить? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Думаю, я схожу и посмотрю, не желает ли юная Гейл выйти поиграть.

Не понравилось мне, как он это произнес, но

едва ли я был в положении что-то здесь поделать. Зато принял ванну и приготовился идти на улицу. А меж тем думал о Брайане, Кеннете, Морисе, Тони и прочих: интересно, оценят ли они, если их назовут «быдлом»?

Придя во «Вьючную лошадь», я увидел, что там кто-то озаботился подготовкой к Рождеству. Сразу за дверью в полубочке стояла елка, украшенная мишурой, а во всех окнах горели яркие гирлянды. В нижнем баре настроение царило сходно радостное. Наша команда разминалась с дротиками, пила пиво и ждала приезда гостей. Я заказал у Тони пинту, а затем подошел поговорить к Брайану, протиравшему доску для счета влажной тряпкой. Корона, как обычно, была у него на голове, но в праздничной обстановке неуместной она больше не выглядела.

— Вечер, Брайан, — сказал я. — Вы вдруг смотритесь очень по сезону.

— Да, наверное, — ответил он. — Но я вам так скажу: просто чертовский это год был оттуда досюда.

Миновало несколько мгновений, за которые до меня дошел смысл его слов.

— Вы, значит, ее весь год носили? — спросил я.

— Конечно, весь, — сказал он. — Таков спор.

— Какой спор?

— Тот, что у нас был с Томми.

— Извините, — сказал я. — *Я* ничего не знаю про спор.

Брайан удивленно посмотрел на меня.

— Но наверняка же слышали, — сказал он. — Об этом тут все знают. Томми со мной поспорил, что я не стану носить корону с одного Рождества до другого.

— А, — улыбнувшись, сказал я. — Понятно.

— А я с ним поспорил, что он нипочем не изведет всю ту зеленую краску, которую купил.

— Ну, ее у него довольно много, — заметил я.

— Да, — сказал Брайан. — Я думал, что выиграю, пока вы не подвернулись.

— Я?

— Да.

— А какая от меня разница?

— Вы ж Томми выручили, нет? — сказал он. — Как только за те лодки взялись, все мои шансы пошли коту под хвост.

У дверей возникла какая-то суета, и в толпу влилась новая группа. То была команда из «Поденщика», и, когда они ввалились, Брайан пошел с ними здороваться. Стараясь не думать о том, что он мне только что сказал, я взял дротики и

несколько раз кинул в доску, для разминки. При этом до меня дошло, что Лезли нигде не видно. Она почему-то запаздывала, и я допустил, что скоро подъедет. Тем временем обе стороны собрались и подготовились к первой игре. Только тут я выяснил, что меня играть не выбрали.

— Мы решили, что вы еще не совсем готовы, — объяснил Тони. — Но не беспокойтесь, это лишь вопрос времени.

— Так я в итоге попаду в команду, правда? — спросил я.

— Конечно, — сказал он. — В итоге.

Затем из-под стойки он извлек несколько картонных корон, все сплющенные.

— Окажите мне услугу, раздайте их тут, а?

Короны были сделаны по тому же образцу, что и у Брайана. Я пошел среди игроков, раздавая их, а одну оставил себе. Она была золоченая, с тремя зубцами. Брайан себе выбрал новую серебристую на замену той старой, что красовалась у него на голове.

— Можно и поудобней устроиться, — заметил он, ухмыльнувшись.

Вечер мне не очень понравился, хоть мне и дали поносить святочную корону. За игрой я следил как бы со стороны, и пока один матч сменялся

другим, до меня постепенно доходило, что Лезли уже не появится. Заказав еще пива, я спросил у Тони, не известно ли ему, где она.

— О, мы ее еще долго не увидим, — ответил он. — Она путешествовать уехала.

— Вот как?

— Да, — сказал он. — Решила, что жить — это не только дротики каждый вечер кидать. За границу поехала, я думаю. — Он передал мне пинту. — Кстати, за нее уплачено — вашим начальством.

Впервые я осознал, что во «Вьючной лошади» присутствует Томми Паркер. Оглядев весь верхний бар, я увидел, что он стоит с хозяином и его дружками. Он мне кивнул, им я поднял стакан в благодарность. Напоминало утешительный приз.

* * *

Сколько-то погодя раздался вопль ликования, означавший, что наша команда выиграла. Пока все жали друг другу руки и убирали дротики, я заговорил с Тони об оплате своего долга. Из-под кассы он вытащил блокнот и несколько мгновений смотрел в него.

— Так, — сказал он. — Сорок один фунт и девять пенсов, я так понимаю. Скажем, сорок для

ровного счета.

— О… ладно, — сказал я. — Спасибо.

— Взносы за дротики заодно не хотите уплатить?

Оказалось, это еще десятка, что, очевидно, покрывало и стоимость сэндвичей, которые, как я всегда считал, прилагались бесплатно. Когда я отыскал Кеннета и Брайана и уплатил все, что должен был им, у меня осталось меньше десяти фунтов. Я подумал про свой долг Ходжу и понял, что, как бы прилежно ни трудился, я все равно более-менее на мели. Наличка у меня снова появится, лишь когда я поеду собирать деньги за молоко, а этому придется подождать до после Рождества.

— О, я вам как раз сказать собирался, — сказал Брайан. — Мой дядя Руперт привет передает.

— Вот как? — ответил я. — Э, ну… спасибо.

— Очень он впечатлен тем, как рано вы привозите его молоко.

— Он, значит, один из моих клиентов?

— Ну конечно, — ухмыльнулся Брайан. — Вы же знаете, где он живет. В Уэйнзкилле. У него на калитке в сад лошадка-качалка.

Звякнул колокольчик.

Во «Вьючной лошади» принимали последние

заказы, но, как обычно, никто не обратил на это никакого внимания. Команда по дротикам одержала еще одну победу, и всем хотелось ее отпраздновать. В результате я оказался единственным, кто и впрямь ушел из паба при закрытии. Я проскользнул в дверь и двинулся через площадь, мимо «Перезвона». В окно я разглядел сидевшее там у стойки угрюмое меньшинство. Все казалось таким же, как всегда. Затем я направился домой в темноте, так и не сняв с себя притворной короны.

Вернувшись в «Дом на холме», я заметил, что на сеновале горит свет. Гейл давно уже пора было спать, но я догадался, что она, должно быть, провела там с Марко весь вечер. Войдя во флигель, я окинул взглядом устроенный им беспорядок. Везде разбросаны его одежда и постельное белье, а на столе — немытые чашки и тарелки. Я заглянул к себе в жестянку с печеньем и обнаружил, что она совершенно пуста. Даже простое диетическое пропало. Я слишком устал, чтобы сейчас делать уборку, поэтому сразу лег и немедленно заснул.

Какое-то время спустя вернулся Марко, не делая ни малейшей попытки вести себя тихо. Целую вечность возился он у себя в сумке, что-то вытаскивая и снова засовывая в нее, пока не услышал,

как я заворочался.

— О, не спишь, что ли? — сказал он.

— Нет, — ответил я.

— Хороший матч был?

— Нормальный.

Я услышал, как он закуривает, после чего он сказал:

— А я и сам немного размялся.

— Вот как? — спросил я.

— Ну. — В голосе его, казалось, опять звучит насмешка. — Я слыхал, ты все время по периметру играл.

— Ну да, — сказал я. — С этого лучше всего и начинать, разве нет?

Теперь он ухмылялся уже слышимо.

— Нет, сын мой, ты все перепутал. Надо было сразу метить в яблочко.

* * *

Вернувшись наутро с развозки молока, я увидел во дворе мороженный фургон Дикина. Рядом стоял Брайан Уэбб. Встречать его обычно бывало приятно, но на сей раз от одного его вида мне стало очень тягостно, особенно потому, что на нем была серебряная корона.

— Утро, — сказал я, стараясь звучать бодро. — А

Томми нет?

— Он в доме, звонит, — ответил Брайан.

— А, ну да. И что же вас сюда, значит, привело?

— Приехал на эти лодки взглянуть, — сказал он. — Всего лишь формальность, разумеется. Я знаю, что спор я проиграл.

— А на что спорили? — спросил я. — Просто интересно.

— Если выиграю — выберу, что захочу, из большого сарая. А если проиграю — буду носить корону еще год. Как бы в наказание.

— Вы потому новую выбрали?

— Да, — вздохнул он. — Ладно, пойдемте, покончим уже с этим.

Мы подошли к сараю, и я откатил дверь, явив ему строй свежепокрашенных лодок.

Увидев их, Брайан побледнел.

— Ох батюшки, — сказал он. — Ох батюшки, ох батюшки, ох батюшки.

— Должны были быть зелеными, да? — покорно спросил я.

Он кивнул.

— У Томми чердак снесет.

Пока Брайан стоял и в пораженном молчании пялился на лодки, я осмотрел покраску. Поводив руками по планширю и носам, я пришел к за-

ключению, что работа выполнена превосходно. К несчастью, я просто выбрал не ту краску.

И тут же я услышал, как ботинки мистера Паркера загребают гравий, — он приближался к нам через двор. Я весь подобрался, когда он вошел в сарай, зная, что уж сейчас-то он точно выйдет из себя.

И он еще как вышел. Все, что я наблюдал в предыдущие разы, — ничто по сравнению с нынешним. Он бросил на лодки один взгляд, и лицо у него из розового сделалось пурпурным.

— Адов мороз! — взревел он. — Что вы натворили?

— Ну… — попробовал начать я, но все было без толку, он не слушал.

— Вы что, разорить меня хотите или как? С тех самых пор, как вы сюда приехали, у вас одно за другим! Краску везде разлили! Технику поломали! Вы мне контракт по пути запороли, а потом приходите и еще берете с меня сто фунтов… сто фунтов!… размалевать эти чертовы старые лоханки! Вы что, думаете, у меня тут адова бочка бездонная?

Он повернулся к Брайану, который по-прежнему бормотал «батюшки, ох батюшки» себе под нос.

— Ладно, Брайан! Ты меня разбил честно и справедливо! Так что будешь брать? А? Трактор возьмешь? Или мой сварочный аппарат? Валяй, выбирай! Тут есть из чего!

— Да все в порядке, Томми, — выдавил Брайан.

— Нет, не в порядке! — кричал мистер Паркер. — Ты должен что-то взять! Вот что тебе скажу — можешь забрать у меня с рук одну эту чертову лодку! На!

Он ухватился за ближайшую посудину и самолично поволок ее к дверям. От внезапных усилий вены у него на шее вздулись, того *и* гляди что-нибудь себе повредит. Потому-то я схватился за другой борт, подсобить ему. Когда лодка сдвинулась с чурбаков и заскрежетала по бетону, я поморщился.

— Томми, — взмолился Брайан.

Мистер Паркер не обратил на него внимания и тянул изо всех сил дальше.

— Томми!

Мы подтащили лодку к дверям. За ними лежали погрузочная рампа и гравий на дворе.

— Томми! — сделал еще одну попытку Брайан. — Томми… послушай, пожалуйста… Я не хочу лодку… правда не хочу… смотри, я могу кое-что другое взять.

* * *

Десять минут спустя Брайан уехал на моем мотоцикле. Мы провожали его взглядами, пока он пересекал двор и спускался к главным воротам, по-прежнему в своей картонной короне.

Затем мистер Паркер повернулся ко мне.

— Ну что, — сказал он. — Вроде славно улади-ли, нет?

— Наверное, — ответил я.

— Вы же все равно на нем почти не ездили.

— Нет.

— Так и пусть себе отправляется в новый дом.

— Ну.

К этому моменту его настроение уже вернулось в норму, и он, казалось, удовлетворенно осматривал лодки, что давно пора было сделать.

— Хорошо вы над ними поработали, — признал он. — Но я думаю, мы их все равно в зеленый покрасим, если не возражаете.

— О… Ну, ладно.

— И вам будет чем заняться весь остаток зимы.

— Точно.

— А потом Марк подключится.

— Марк?

— Да.

— Какое он к ним имеет отношение?

— Марк всегда за лодками летом присматривает. Он для такой работы в самый раз.

— А как же я?

— Ну, — сказал мистер Паркер. — По правде говоря, вас я имел в виду мороженым поторговать.

В сарае я просидел где-то до половины третьего, но не делал ничего, только открыл банку краски, размешал содержимое и снова закрыл ее крышкой. Все остальное время я просто пялился на лодки, а меж тем обдумывал варианты.

Наконец я вышел на бледный дневной свет и встал, осматривая двор. Грузовик с бочками уехал, а значит, все здесь теперь в моем распоряжении.

Почти.

Глянул на флигель — шторы задернуты, за ними спал Марко. После чего я завел бетономешалку и приготовил отрезок оцинкованной цепи.

Притча о безответной любви к родине. Несколько слов о том, что вы только что прочли

Магнус Миллз (р. 1954) — современный и уже вполне культовый британский автор из Манчестера, имеет полтора высших образования, семь лет строил заборы, потом двенадцать лет водил автобус, писал колонку в «Индепендент» — а потом стал романистом. Кстати сказать, его колонку в газете заменили на «Дневник Бриджет Джоунз», что, несомненно, добавляет абсурда ситуации.

Его первый роман «Загон скота» (1998, русское издание — 2003, о строительстве заборов среди прочего) вошел в свое время в короткий список «Букера», а получил премию Уитбреда (ныне «Коста») за первые романы и премию Маккиттерика, присуждаемую Обществом британских писателей. Даже Томас Пинчон подарил цитату ему на обложку, назвав автора «полоумным и невозмутимым комическим чудом». По-русски выходил и его роман «Схема полной занятости» (2003; о вождении грузовых фургонов; о вожде-

нии автобусов он написал другой абсурдистский роман, «Сохранение дистанции»). Миллза можно считать последним живым «черным юмористом» в мире. Ну и «дворовый авторитет» вполне люмпен-пролетарского писателя у него имеется, вдобавок.

«В Восточном экспрессе без перемен» (1999) — его второй роман, жутковатый трагифарс о туристе в Озерном краю, который по доброте душевной (и от нечего делать) соглашается помочь владельцу кемпинга с тем и этим. Для начала он красит ему ворота — а затем постепенно начинает подозревать, что он из этой деревенской глуши уже никогда никуда не уедет. И, понятно, не светит ему никакая Индия, куда он собирался ехать тем самым «Восточным экспрессом». А потом, в общем, разверзается ад…

Ну как ад… да и не сказать, что разверзается… Скорее, на поверхность выступает доселе скрытая грибница, выпускает щупальца народная хтонь, постепенно оплетает нашего героя, и мы понимаем — хотя понимает ли это наш герой, остается большим вопросом, — что с каждым неохотным своим «да» он постепенно и безболезненно отказывается от себя, уступает частичку собственной жизни тому «роевому началу», что лежит под

цивилизацией, под тем, что мы с конца XX века привычно понимаем как «нормальную жизнь». Ползучий конформизм *detected.*

Причем, как ни странно, роман этот звучит, пожалуй, актуальнее всего даже не в Великобритании, хотя то, что его написал очень английский писатель, заставляет кое о чем задуматься. Его злободневность лучше, мне кажется, воспримется в России второго десятилетия XXI века — на фоне всего, что нам нынче доводится переживать на этих территориях. Хотя что это я — так было примерно всегда, уж точно — сколько наше поколение себя помнит. «Перец попятился от него, как от гигантской сколопендры, наткнулся на стол и повалил Тангейзера на Венеру». Пророческому тексту братьев Стругацких «Улитка на склоне» уже полвека, а поперек кабинета у нас по-прежнему натянута веревка, а на ней висят все те же «черные плавки и несколько штук носков, в том числе и дырявые». И на двери — все та же потемневшая металлическая табличка с вырезанной надписью «СКОТ»… Созвучия, мне кажется, просто вопиющи.

Мастерство Миллза, как неоднократно было замечено, — в минимализме, сухих бекеттовских диалогах и постепенном нагнетании абсурда. Ну

и само название романа дорогого стоит. За ним стоит ненаписанный роман-близнец, как точно заметил критик «Сан-Франциско Кроникл», — «Убийство на Западном фронте». И особенно жутко на этом фоне выглядит посвящение автора в самом начале — на них, как правило, читатели вообще мало внимания обращают, а здесь очень стоит это сделать.

Родина тебя любит, а ты ее бесишь.

М. Немцов

Благодарности издателей перевода на русский язык

Издательства «Додо Пресс» и «Фантом Пресс» сердечно благодарят соиздателей из Москвы, Тель-Авива, Магадана, Варны, Риги, Владивостока, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Перми, Тюмени, Абу-Даби, Реховота, Дзержинска, Киева, Минска, Лауаи, Этобико, Мюнхена, Гиватаима, Омска, Сургута, Воронежа, Харькова, Солнечногорска, Волгограда, Ванкувера, Холмска, Кишинева, Новосибирска, Душанбе, Могилева, Хабаровска, Дубая, Южно-Сахалинска, Берлина, Рязани, Беэр-Шевы, пос. Тульского, Братска, Чикаго, Калининграда, Балашихи, Самары, Лесного, Курска, дер. Степково, Батайска, Череповца, Новомосковска, Новороссийска, Ростова-на-Дону, Делфта, Ельца, Могилева, Барнаула, Шуи, Фукуоки, Ижевска, Актау, Зарайска, Кемерово, Жодино, Улан-Удэ, Тулы, Кельна, Набережных Челнов, Астрахани, Екатеринбурга, Полинга.

Поясной поклон Анастасии Котельниковой, Олегу Крючку, Сергею Штерну и Глебу Чугаеву.

Отдельное спасибо нашим партнерам — ком-

паниям Ahmad Tea и CoolConnections, текстильной типографии PointPrint, шоколадному ателье La Princesse Choco и лично Алле Комиссаровой, Киношколе им. Макгаффина, фестивалю Irish Week, фотографу Свете Мишиной, костюмеру-мастерице Нюсе Красовицкой, а также интернет-платформе «Планета» за всестороннюю поддержку подписной кампании.

Главый покровитель этого издания — Сергей Скрябин, наш постоянный увлеченный читатель.

Много лет тому назад дитя шандарахнуло с дерева из мелкокалиберной винтовки по пианино в открытые летние окна соседской гостиной.

— Томас Макгуэйн (ожидайте)

Магнус Миллз (р. 1954) — современный культовый британский автор из Манчестера, имеет полтора высших образования, 7 лет строил заборы, потом 12 лет водил автобус, писал колонку в «Индепендент», а потом стал романистом. Его первый роман «Загон скота» (1998, русское издание — 2003) вошел в свое время в короткий список «Букера», а получил Миллз премию Уитбреда (ныне «Коста») за первые романы, а также премию Маккиттерика, присуждаемую Обществом британских писателей.
По-русски выходил и его роман «Схема полной занятости» (2003). Миллза можно считать последним живым «черным юмористом» в мире.

«В Восточном экспрессе без перемен» (1999) — его второй роман, жутковатый и смешной трагифарс о туристе в Озерном краю, который по доброте душевной (и от нечего делать) соглашается помочь владельцу кемпинга по хозяйству — и постепенно начинает понимать, что из этой деревенской глуши уже никогда никуда не уедет. Далее разверзается некоторый ад... Мастерство автора, как неоднократно было замечено, — в минимализме, сухих беккетовских диалогах и постепенном нагнетании абсурда.

Полоумное и невозмутимое комическое чудо.
Томас Пинчон

9 781565 812314 > 9 785905 409127 >

LENTA.RU
РЕКОМЕНДУЕТ